

Джеральд Даррелл

Мясной рулет (Встречи с животными)

**Даррелл Джеральд
Мясной рулет (Встречи с животными)**

Джеральд Даррелл

Мясной рулет

Встречи с животными

Перевод с английского М.Н.Ковалевой

Известный английский писатель-зоолог, посвятивший жизнь охране редких видов животных, делится впечатлениями, полученными в первые годы его путешествий по Западной Африке и Южной Америке. Он рассказывает о среде обитания животных, об особенностях их поведения брачных играх, постройках жилищах, охоте, заботе о потомстве и т.д. Все свои наблюдения автор проводил, используя помощь местного населения, с которым у него складывались самые дружеские отношения. Тонкий юмор, любовь к природе, добрые отношения с людьми проходят красной нитью через все рассказы автора.

Имя Джералда Даррелла нам хорошо известно и по его книгам, первая из которых - "Моя семья и звери" - вышла в 1971 г., и по его фильмам, снятым во время путешествия по нашей стране. В этой книге помещены рассказы, в которых автор описал свои первые шаги на поприще профессионального натуралиста, зоолога, занимающегося главным образом изучением животных в естественных условиях их обитания. Начав с создания зоологического уголка у себя дома, Даррелл проделал в дальнейшем огромную работу по отлову редких видов животных в самых разных районах земного шара. Его целью всегда было и остается сохранение богатства животного мира на нашей Земле.

Оглавление

Феномен Даррелла

(М.Н.Ковалева)

От автора

Глава 1.

Животные вокруг нас

Черные заросли

Озеро яканы

Глава 2.

О животных вообще

Брачные игры

Животные-архитекторы

Войны у животных

Животные-изобретатели

Исчезающие животные

Глава 3.

Отдельные животные

Животные-родители

"Бандиты"

Вильгельмина

Усыновить муравьеда

Портрет Павло

Глава 4.

Человеческие экземпляры

Мактутль

Себастьян

Как я возил черепашек

Повышение по службе
Феномен Даррелла

Почти все книги, написанные Джералдом Дарреллом, известны советскому читателю и завоевали большую популярность. Можно смело сказать, что это не просто популярность, а горячая симпатия, которая еще больше возросла, когда мы увидели на телеэкранах его фильмы, снятые во время путешествия по нашей стране.

Интерес к книгам Даррелла, а все они биографичны, неразрывно связан с интересом к его личности. В Даррелле нас привлекает прежде всего увлеченность, знание своего дела, мастерство описания животных, по точности не уступающего научному. Особо ценим мы его практическую деятельность, направленную на сохранение многообразного животного мира нашей Земли. С одной стороны, это спасение редких видов животных в зоопарке (Даррелл организовал зоопарк на острове Джерси, близ Лондона), с другой - пропаганда природоохранительного мышления, которую он ведет много лет всеми доступными способами: выступает автором книг, радиопередач, сценаристом и режиссером фильмов и т.д.

Каждая книга Даррелла - целый мир. Мир не отвлеченный, а реальный, прекрасный, добрый и веселый, возникший как бы сам собой еще в те далекие времена, когда автор делал только первые шаги как зоолог. О том, как быстро развивался и углублялся его интерес, ставший делом жизни, красноречиво говорят иронично-шутливые характеристики, данные ему в разные годы братом Лоуренсом, тоже, кстати, писателем:

1931 год. - Ребенок ненормальный, все карманы набиты улитками!

1935 год. - Ребенок дефективный, таскает скорпионов в спичечных коробках!

1939 год. - Мальчишка сошел с ума - нанялся в зоомагазин!

1945 год. - Малый совсем свихнулся - хочет служить в зоопарке!

1952 год. - Человек спятил с ума - лазит по джунглям, кишащим змеями!

1958 год. - Этот полоумный хочет завести свой зоопарк!

1967 год. - Настоящий маньяк. Пригласите его в гости, и он притацит в дом орла.

1972 год. - Да он просто сумасшедший!" В настоящую книгу помимо нескольких рассказов из одноименного сборника вошел, причем как основная часть, материал книги "Встречи с животными", представляющий собой серию выступлений Даррелла по радио. В отличие от других книг она не является непрерывным повествованием о событиях в хронологическом порядке. Это отдельные рассказы-картинки, каждый из которых выражает одну определенную мысль. Повествуя о своих приключениях в бывшем Британском Камеруне, в Австралии и Аргентине, автор деликатно и неназойливо проводит главную мысль - во что бы то ни стало надо сохранить живую природу. Но, становясь "родным отцом и матерью" для самых несусветных детенышей и маленьких чудовищ вроде хлыстоногого скорпиона, добиваясь, чтобы животные в неволе были счастливы, Даррелл не забывает и человека. Его рассказы не оставляют нас равнодушными к людям, с которыми встречался автор. Мы чувствуем его любовь и уважение к африканцам, среди которых у него много друзей, и тонкую иронию и даже насмешку, с какой он описывает колониального чиновника, чье тупое самодовольство становится причиной возникнове-

ния комической ситуации. Однако различия между людьми, грани между симпатиями и антипатиями меркнут, когда речь заходит о важности сохранения того или иного природного ландшафта, того или иного вида, находящихся под угрозой исчезновения.

Довольно часто кажется, будто автор склоняется к антропоморфизму, этому жупелу прошлых лет. Однако, утверждая, что каждое животное имеет свою индивидуальность, Даррелл вовсе не смотрит на него как на "уменьшенную копию" человека. Методика условных рефлексов, продвинув наши знания о других организмах, несколько помешала развитию общения человека с окружающим миром живой природы. Как бы то ни было, даррелловский метод "усыновления" работает, что говорит само за себя. Попав в руки Даррелла, животные благоденствуют, размножаются, живут дольше, чем на воле, а не погибают, даже когда это кажется неизбежным.

Даррелловская система ценностей, заложенная в нем еще в детстве, кстати не очень легком, служит образцом при воспитании гуманистического начала у детей. Она учит превыше всего ценить доброту, милосердие, дружескую помощь по отношению ко всему живому на Земле. И наконец, книги Джералда Даррелла учат всех нас искусству общения и доверия, тому, чего порой так не хватает современному человеку.

М.Ковалева

Айлин Молот

в память о сданных
с опозданием сценариях.

глубоких вздохах

и слишком длинных

вступлениях

От автора

За последние девять лет я не только возглавил экспедиции во все концы света, наловил уйму самых разнообразных и диковинных зверюшек, успел жениться и переболеть малярией - мне пришлось еще и частенько рассказывать в радиопередачах Би-би-си много всякой всячины о животных. После этих передач я получил кучу писем с просьбами прислать тексты сценариев и решил удовлетворить все эти просьбы, собрав свои рассказы в одну книгу. Она перед вами.

Успехом всех своих выступлений я всецело обязан продюсерам, и в первую очередь мисс Айлин Молони. На всю жизнь я запомнил, с каким тактом и терпением она проводила репетиции. В студии, стены которой выкрашены ядовито-зеленой краской, перед микрофоном, маячащим перед глазами как марсианское чудовище, всегда чувствуешь себя немного не в своей тарелке.

Само собой, именно Айлин выпала на долю нелегкая задача - сглаживать все шероховатости, возникавшие у меня на нервной почве. С каким удовольствием я вспоминаю ее твердый голос в наушниках: "Молодчина, Джералд! Только не торопись, а то выпалишь весь текст за пять минут, когда у нас целых пятнадцать!" Или: "Ты не мог бы говорить повеселей, не таким голосом, будто бедное животное вызывает у тебя омерзение... и, пожалуйста, не вздыхай ты так горестно перед началом рассказа... микрофон чуть не слетел со стола, а что творилось в наушниках - ты даже не представляешь".

Бедняжка Айлин хлебнула горя, пытаюсь обучить меня азам дикторского

искусства, и если я чего-нибудь достиг в этой области, то только благодаря ее стараниям. Честно говоря, не очень-то благородно после всего, что она для меня сделала, обременять Айлин еще и посвящением книги, но я просто не знаю иного способа всенародно поблагодарить ее за помощь, хотя, возможно, она и читать-то мои рассказы не станет.

МЯСНОЙ РУЛЕТ

Глава 1

Животные вокруг нас

Не перестаю удивляться тому, какое множество людей в самых разных уголках мира не имеют ни малейшего представления о животных, живущих с ними бок о бок. Тропические леса, саванны или горы в тех районах, где живут эти люди, кажутся им совершенно пустынными. Они ничего не видят, кроме безжизненного ландшафта. Я особенно остро это почувствовал, когда был в Аргентине. Там мне повстречался англичанин, который провел в этой стране всю жизнь. Узнав, что мы с женой собираемся отправиться в пампу за животными, он возрился на нас с неподдельным удивлением.

- Послушайте, голубчик, вы же там ничего не найдете! - воскликнул он.

- Да что вы? - спросил я в некотором смущении: поначалу он мне показался человеком неглупым.

- Пампа - это пространство, заросшее травой, - объяснил он, широко разведя руки, чтобы показать бесконечность травяных зарослей. - Трава, дорогой мой, сплошная трава, в которой там и сям понатыканы коровы.

Это определение, надо признаться, довольно точно передает то впечатление, которое сначала производит пампа, только жизнь на этой бескрайней равнине далеко не ограничивается одними коровами да пастухами гаучос. Где бы вы ни остановились и куда бы вы ни повернулись - повсюду до самого горизонта простирается плоская, как бильярдный стол, травяная равнина, из которой местами торчат куртины гигантских колючих растений высотой шесть-семь футов, похожих на канделябры в сюрреалистическом стиле. Здесь и вправду кажется, что все живое вымерло, а остался лишь простор, застывший под раскаленным синим небом. Но на самом деле в шелковистой траве и в небольших перелесках среди сухих колючих стволов жизнь бьет ключом. Когда едешь верхом в самую жаркую пору дня по густому травяному ковру, продираешься через заросли гигантских колючек, так что кругом треск стоит, словно от фейерверка, - это щелкают и стреляют, ломаясь, хрупкие сучья, мало что можно увидеть, кроме птиц. Каждые сорок - пятьдесят ярдов попадают кроликовые совы; вытянувшись во фронт, как заправские часовые, они сидят на пучках травы возле своих норок, не сводя с вас полных удивления и ледяного презрения глаз. Когда же вы подъезжаете слишком близко, они начинают нервно пританцовывать, а потом срываются с места и кружат над травой, бесшумно взмахивая мягкими крыльями.

Вам ни за что не укрыться от глаз "сторожевых псов пампы" - черно-пегих куликов. Они снуют вокруг, таясь в траве, подглядывая, кивая головками, а потом вдруг взмывают в воздух и кружатся над вами на своих пестрых крыльях, крича: "Теро-теро-теро... теро... теро..." - этот сигнал тревоги оповещает о вашем приближении все живое на много миль вокруг.

Услышав резкий крик, кулики по всей округе подхватывают его, пока вам не покажется, что пампа звенит от крика. Теперь все ее обитатели начеку. От

скелета засохшего дерева неожиданно отрываются два мертвых на вид сучка, вдруг... они расправляют крылья и кругами поднимаются вверх, к жаркому небу, - оказывается, это пара длинноногих коршунов чиманго в своем красивом ржаво-белом оперении. То, что вы приняли было за большую куртину высохшей на солнце травы, внезапно поднимается на длинных крепких ногах и несется по равнине широкими упругими шагами, вытянув шею, ныряя и лавируя среди колючек. Тут-то вы и понимаете, что "охапка травы" на самом деле страус нанду, который пережидал опасность, затаившись на земле. Выходит, что несносные кулики, поднимая при вашем приближении переполох, вспугивают других обитателей пампы и заставляют их таким образом обнаруживать свое присутствие.

Время от времени на пути попадались небольшие, окруженные зарослями камыша мелкие озерца с немногочисленными хилыми деревцами на берегу. Там обитали толстые зеленые лягушки. В обиду они себя не дают и если их преследуют, то сразу бросаются на вас, разинув рот и издавая грозные утробные крики. На лягушек охотятся тонкие змеи, с шуршанием скользящие среди густой травы. Рептилии разрисованы серыми, черными и алыми разводами и похожи на старомодные галстуки. В тростниках вам непременно попадет гнездо длинопалого скримера - птицы, похожей на крупную серую индейку. Птенец, желтенький, как лютик, намертво застыл в углублении на обожженной солнцем земле; он не двинется с места, даже если ваша лошадь, переступая, едва не заденет его копытом. Родители в ужасе бегают вокруг, то звонко крича от страха, то тихим голосом подбадривая своего птенчика.

Такова пампа в дневные часы. К вечеру, возвращаясь домой, вы видите огненный, ослепительный закат. На озера начинают слетаться разнообразные утки. "Приводняясь", каждая из них оставляет стреловидные следы, разбегающиеся рябью по зеркальной глади. Стайки колпиц розовыми облачками спускаются на отмели, чтобы покормиться среди черношеих лебедей, белых, как свежавыпавший снег.

Проезжая верхом среди колючек в сгущающихся сумерках, вы нередко натываетесь на броненосцев; сторбленные, деловитые, они отправляются на ночные поиски съестного, двигаясь странной рысцой, словно диковинные заводные игрушки. Случается увидеть и сунса: его белая с черным окраска бросается в глаза даже в полумраке; он держит трубой пушистый хвост и топает передними лапками, будто показывая: не трогайте меня понапрасну.

Все описанное я и увидел в пампе в первые дни. Мой приятель прожил в Аргентине всю жизнь, но не имел ни малейшего представления об этом маленьком мирке живых существ. Он абсолютно ничего не знал ни о птицах, ни о зверюшках. Поэтому для него пампа была всего лишь "сплошной травой, в которой там и сям понатыканы коровы". Мне стало его искренне жаль.

Черные заросли

Африка - какой-то невезучий континент. Еще во времена королевы Виктории за ней закрепилось мрачное название Черного континента, и даже в наши дни, когда там возникло множество современных городов, железных дорог, асфальтированных шоссе, коктейль-баров и прочих благ цивилизации, отношение к Африке почти не изменилось. Слава - дурная или добрая - долго живет, и, чем она хуже, тем долговечнее.

Особенно дурной славой долгое время пользовалось на континенте запад-

ное побережье, которое снискало печальную славу могилы для белых. Существует множество побасенок - весьма далеких от истины, - в которых тропический лес обрисовывается как бесконечное пространство, заросшее непроходимыми джунглями и кишашее зверьем. А уж если вам удастся пробраться сквозь заградительную сеть лиан, сквозь густые, утыканные шипами кусты (диву даешься, как часто авторы-первопроходцы ухитряются проникнуть в эти дебри), то из-под каждого куста на вас готов кинуться леопард с горящими глазами или яростно шипящая змея, а в каждом ручейке затаились крокодилы, которые всегда норовят коварно прикинуться бревном еще более натурального вида, чем настоящее. Если же вы чудом избежали этих опасностей, вас так или иначе прикончат местные "дикари". Аборигены здесь якобы делятся на две группы: одни едят людей, другие - нет. "Людоеды" почему-то всегда размахивают копьями; "нелюдоеды" непременно поражают вас стрелами, пропитанными смертельным и неизвестным науке ядом.

Конечно, каждый автор имеет право на поэтическое преувеличение, но в таком случае он должен в этом честно признаться. Как ни печально, западное побережье Африки было до такой степени ославлено в печати, что почти каждый, кто пытался возразить, оказывался заклеямен как лжец, в глаза не видавший Африки. По-моему, этот континент, где природа долгое время представляла перед человеком во всей своей невообразимой, дикой и торжествующей красе, был напрасно оклеветан.

По роду своей деятельности я смог побывать во многих тропических лесах: когда ловишь диких животных ради хлеба насущного, волей-неволей проникаешь даже в "непроходимые джунгли". К сожалению, звери сами на ловца не бегут их еще надо разыскать. Мне без конца внушали, что тропический лес чаще всего поражает своей безжизненностью: целый день проплутаешь, прежде чем попадетс я что-нибудь интересное, если не считать птичек и бабочек. Понятно, что животные там водятся, и в изобилии, только они умеют хитроумно избегать вас и затаиваться, так что, если хотите увидеть или поймать их, надо точно знать, где их искать. Помню, как-то раз, проведя полгода в лесах Камеруна, я показал свою коллекцию - примерно сто пятьдесят живых млекопитающих, птиц и пресмыкающихся - некоему джентльмену, прожившему в этих местах лет двадцать пять, и он поразился изобилию живых существ, которые, как оказалось, жили прямо у него под носом, в тех самых лесах, которые ему казались "скучными и почти необитаемыми".

Леса Западной Африки в Англии называют зарослями. Эти заросли бывают двух видов. В районах, прилегающих к городам, деревням, они вдоль и поперек исхожены охотниками, и их со всех сторон теснят сельскохозяйственные угодья. Животные здесь очень осторожны, и увидеть их чрезвычайно трудно. Второй вид получил название черных зарослей. Охотники редко заглядывают в эти удаленные от жилья дремучие леса. Вот там-то, если у вас хватит терпения и осторожности, вы и увидите настоящую, полную жизни дикую природу.

Если хотите ловить животных, не вздумайте разбрасывать свои ловушки по всему лесу как бог на душу положит. На первый взгляд кажется, что животные бродят повсюду, где вздумается, но, приглядевшись, вы поймете, что у большинства из них есть установившиеся, почти неизменные привычки. Они год за годом ходят одними и теми же тропами, посещают строго определенные места в разное время года, когда там много пищи, и снова откочевывают,

когда она иссыкает; они ходят на водопой всегда в одно и то же место. У некоторых животных есть даже избранные места, играющие роль туалета и порой расположенные довольно далеко от той территории, где они проводят все свое время. Случается, что вы ставите ловушку в лесу и в нее ничего не попадается, но стоит переместить ее метра на три вправо или влево - на тот маршрут, по которому привыкло ходить то или иное животное, - и оно немедленно попадет. Вот почему, перед тем как ставить ловушки, приходится внимательно, с превеликим тщанием обследовать выбранное место, отмечая, какие воздушные тропы в кронах или потайные ходы на лесном "дне" проложены животными; где ожидается урожай плодов; в каких укромных уголках прячутся днем животные, ведущие ночной образ жизни. В черных зарослях Западной Африки я подолгу наблюдал за лесным населением, тщательно изучал привычки животных, чтобы знать, в каком месте их легче всего поймать и что им будет нужно в неволе.

Одно такое место я изучал недели три. В лесах Камеруна попадают участки, где слой почвы слишком тонок и корням гигантских деревьев негде закрепиться, поэтому их сменяют более низкие кустарники, мелкий подрост и высокие травы, которым достаточно тонкого слоя земли, прикрывающего серый каменный панцирь горных пород. Я быстро отыскал на границе природной поляны местечко, идеальное для наблюдения за животными. Там смыкались три ландшафта с разной растительностью: сама травяная пустошь - пять акров сплошной травы, почти добела высушенной солнцем; непосредственно к ней примыкавшая узкая полоса кустарника с мелкими деревцами, густо переплетенными лианами-паразитами и украшенными яркими цветами дикого вьюнка, и, наконец, начинавшийся за полосой кустарников настоящий тропический лес - гигантские, высотой сто пятьдесят футов, стволы, поддерживающие, как колонны, сплошной, непроницаемый свод сомкнутых зеленых крон. Если удачно выберешь место, можно одновременно наблюдать небольшие участки каждого из этих ландшафтов.

Я выходил из лагеря ранним утром, но даже в самую рань солнце припекает всюду. Я спешил уйти с расчищенного для стоянки места и нырнуть под прохладную сень, где сумеречный зеленоватый свет едва проникал сквозь толстый полог листвы, уходивший далеко вверх. Пробираясь между колоссальными стволами, я ступал по лесной подстилке, образованной многими слоями опавшей листвы, - она мягко пружинила под ногами, словно пушистый персидский ковер. В тишине царил лишь один непрерывный звук - стрекотание миллионов цикад изумительно красивых серебристо-зеленых насекомых; прильнув к древесной коре, они сотрясали воздух своим стрекотанием, а когда я к ним подходил слишком близко, то срывались с места и неслись в лес, как крохотные аэропланчики, посверкивая прозрачными плоскостями крыльев. Откуда-то слышалось жалобное "чъивы?" - это кричала мелкая пичужка, которую я так и не смог определить, несмотря на то что она всегда сопровождала меня в лесу, повторяя свой вечный вопрос негромким мелодичным голоском.

Кое-где в "крыше" леса зияли широкие прорехи: должно быть, какой-нибудь мощный сук, подточенный насекомыми и гнилью, подламывался и летел на сотни ярдов вниз, вырывая клочок из зеленого полога и открывая доступ золотым стрелам солнечных лучей. В таких местечках, согретых ослепитель-

ным солнцем, собирались массы бабочек: одни - крупные, с длинными и узкими крыльями оранжево-красного цвета - горели в лесном полумраке, как огоньки сотен свечей; другие - мелкие, хрупкие - снежным облаком поднимались из-под ног и медленно снижались, кружась, словно в вальсе, на темный ковер опавшей листвы. Я вышел наконец на берег ручейка; еле слышно шепчущими струйками он просачивался среди источенных водой камней, увенчанных одинаковыми шапочками из зеленого мха и крохотных растеньиц. Ручеек протекал лесом, пересекал опушку с невысоким подростом и выбежал на травянистую пустошь. Но на самом выходе из леса, где был небольшой уклон, он разбивался на множество игрушечных водопадов, каждый из которых украшал кустик дикой бегонии с ярко-желтыми, словно восковыми, цветами.

Здесь, на окраине леса, неистовые дожди понемногу подмыли мощные корни одного из лесных великанов, и его упавший ствол лежал поверженный наполовину в лесу, наполовину в траве поляны - колоссальная, медленно истлевающая, заросшая диким вьюнком и мхом оболочка, а по ступенькам отставшей коры на штурм лезли миллионы поганок. Это дерево я и облюбовал для засады: в одном месте кора совсем отвалилась, открылось пустое, словно лодка, нутро, где я мог спокойно затаиться под прикрытием невысокого подростка. Предварительно убедившись, что в дупле нет никакой живности, я усаживался в укрытие и терпеливо ждал.

Примерно с час ничего не происходило - раздавался только треск цикад, заливалась неожиданной трелью древесная лягушка на берегу ручья, да изредка, порхая, пролетали бабочки. Пройдет еще немного времени, и лес словно забудет о вас, укрыв в своих недрах. Просидев часок в полной неподвижности, вы превращаетесь в привычную, хотя и не очень приглядную деталь лесного ландшафта.

Обычно первыми на сцене появляются гигантские бананоеды, прилетающие полакомиться плодами диких фиговых деревьев, которые растут на опушке. Эти громадные птицы с длинными, болтающимися, как у сорок, хвостами возвещают о своем прибытии не менее чем за полмили, оглашая лес громкими, пронзительными веселыми криками "кру... ку-у, ку-у, ку-у". Потом они стремглав вылетают из леса, забавно ныряя на лету, и рассаживаются на деревьях, восторженно перекликаясь; когда они дергают своими длинными хвостами, их золотисто-зеленое оперение, сверкая, переливается радужным блеском. Бананоеды принимают бегать по сучьям не по-птичьи, а как кенгуру, лихо перепрыгивают с ветки на ветку, срывают и жадно заглатывают спелые фиги. За ними на пиршество являются мартышки мона, одетые в ржаво-рыжие меха, с серыми лапками и диковинными ярко-белыми отметинами по бокам у корня хвоста, словно это отпечатки двух больших пальцев. Обезьян слышно издали: кажется, что на лес налетела буря - с таким треском и шелестом они прочесывают кроны. Но если вы прислушаетесь, до вас откуда-то донесутся другие звуки: гулкое уханье и громкие гнусаво-пьяные выкрики - ни дать ни взять клаксоны допотопных такси, армадой застрявших на уличном перекрестке. Это голоса птиц-носорогов, которые всегда двигаются следом за мартышками и питаются не только плодами, обнаруженными этими четверорукими, но и ящерицами, древесными лягушками, а также насекомыми, вспугнутыми их нашествием.

Добравшись до окраины леса, предводитель обезьян взбирается куда-нибудь повыше и со своего наблюдательного пункта, подозрительно ворча, осматривает открытое пространство. Стая, в которой примерно полсотни обезьян, сидит позади него в полнейшем молчании, только изредка слышится хриловатое хныканье какого-нибудь младенца. Наконец, убедившись, что на поляне никого нет, старый, полный достоинства вожак неторопливо шествует по суку, загнув хвост над спиной наподобие вопросительного знака, а затем мощным прыжком перелетает на фиговое дерево, с треском и шумом "приземляясь" в гуще листвы. Тут он снова замирает и еще раз обводит взглядом поляну; потом срывает первый плод и отдает громкий приказ: "Онък, онък, онък". Словно вымерший лес внезапно оживает: сучья ходят ходуном, трещат и шуршат, шумя, как валы морского прибоя; обезьяны "катапультируются" из чащи леса и налетают на фиговые деревья, не переставая перекрикиваться и верещать даже на лету. У многих самочек под брюхом висят, крепко уцепившись, крохотные младенцы; когда матери прыгают, крошки пронзительно визжат - вот только трудно сказать, от страха или от восторга.

Не успеют обезьянки рассестись по сучьям, лакомясь спелыми фигами, как появляются обнаружившие их птицы-носороги. С радостными воплями они сыплются из поднебесья, хлопают крыльями, ломают и раскачивают ветви. Словом, устраивают полный бедлам среди древесных крон. Уставившись на обезьян нахальными глазами в густых длинных ресницах, они с глуповатым видом, но точными движениями срывают плоды своими громадными, неудобными на вид клювами и небрежно подбрасывают их вверх. Плод падает прямо в разверстый клюв и исчезает в его глубине. Птицы-носороги ведут себя "за столом" куда приличнее, чем обезьяны, по крайней мере они съедают каждый сорванный плод, а обезьянка, не успев откусить от одного, уже тянется к другому лакомому кусочку, швыряя надкушенный плод на землю.

Прибытие шумной компании явно не понравилось гигантским бананоедам, и, как только появились обезьяны и птицы-носороги, они улетели. Примерно через полчаса земля под деревом была обильно усеяна недоеденными плодами, а обезьянки отправились восвояси, самодовольно покрикивая: "Онък, онък". Птицы-носороги, задержавшись будто специально для того, чтобы перехватить напоследок еще по одной фиге, с шумом полетели следом.

Не успело затихнуть вдали хлопанье их крыльев, как к фиговому дереву пожаловали новые гости. Крохотные существа возникли из высокой травы столь неожиданно и бесшумно, что без бинокля, заблаговременно направленного на нужное место, ни за что не заметишь, как они появляются и исчезают. Это были маленькие полосатые мыши, ютящиеся в куртинках травы, между корнями деревьев, под камнями на опушке леса. Размером они примерно с домовую мышь, с тонкими длинными хвостиками, а их рыжевато-серая холеная шкурка украшена нарядными белыми полосками от носа до хвоста. Неслышно перемещаясь короткими перебежками, они то и дело замирают: садятся столбиком, прижимая к груди крохотные розовые кулачки, носики дергаются, усишки трепещут - не несет ли ветер запах врага? В такой позе среди стеблей травы их полосатые шкурки, так бросающиеся в глаза при движении, превращаются в плащи-невидимки, скрывающие из виду маленьких животных.

Уверившись, что "носороги" улетели ("носорог" не прочь иногда полакомиться мышкой), мыши принимаются серьезно и деловито поедать плоды,

щедро разбросанные обезьянами. В отличие от большинства лесных мышей и крыс эти мелкие существа чрезвычайно сварливы и нередко спорят из-за пищи, сидя столбиком и осыпая друг друга пронзительными пискливыми оскорблениями. Случается, что две мышки разом бросаются на один плод, каждая вцепляется в свой конец и, зарываясь розовыми лапками в податливую лесную подстилку, отчаянно тянет и дергает добычу, норовя вырвать ее у противника. Если фи́га оказывается спелой, она чаще всего просто лопаётся пополам, и обе мыши валяются на спинку, прижимая к груди взятую с бою добычу. Потом они усаживаются в шести дюймах друг от друга и мирно поедают каждая свою долю. Бывает, что их испугивает внезапный шум, и тогда они, как по команде, взвиваются вверх, на шесть и больше дюймов, словно их подбросила пружина, а приземлившись, долго дрожат и прислушиваются - миновала ли опасность? Но стоит им успокоиться, как тут же начинается очередная схватка из-за еды.

Как-то раз мне пришлось наблюдать трагические события в стайке полосатых мышей, подбиравших остатки обезьяньего пира. Откуда ни возьмись, на опушке появилась генетта. Мне кажется, что это одно из самых грациозных и красивых животных, каких только можно увидеть в лесу: длинное, гибкое, как у хорька, тело, кошачья мордочка, великолепный золотой фон шкурки густо испещрен узором из черных пятен, а хвост по всей длине украшен чередующимися черными и белыми кольцами. Генетта не бродит спозаранку, как многие другие животные, ведь охотится она в сумерках и ночью.

Думаю, что тому зверьку не повезло на охоте, раз он бродил в поисках пищи утром: не ложиться же на пустой желудок! Выглянув из леса и заметив полосатых мышей, зверек замер, распластавшись на земле, а потом вдруг понесся по траве стремительно и воздушно, как брошенный над зеркалом пруда плоский камешек. Слово́но гром среди ясного неба он свалился на мышей. Они по своей привычке пружинками подскочили вверх, а потом бросились врассыпную, напоминая солидных маленьких чиновников в полосатых пиджаках, лихорадочно перебирающих "картотеку" трав. С генеттой соперничать в ловкости трудно, и она удалилась, неся в зубах двух обмякших мышек: горячо и яростно сражаясь из-за фи́ги, они замешкались и не успели удрать.

К полудню все кругом затихло под палящими лучами солнца, и даже неумолчное стрекотание цикад казалось каким-то сонным. Настало время сиесты, когда все живое отдыхает и почти никого не видно. Только сцинки, обожжающие солнце, вышли на поляну погреть косточки и полакомиться кузнечиками и кобылками. Это пестро окрашенные ящерицы, шкурка которых блестит, словно покрытая глазурью, и похожа на драгоценную мозаику, составленную из сотен мелких чешуек рубиново-красного, кремового и черного цвета. Они сновали туда-сюда, посверкивая на солнце яркими чешуйками, словно в траве устроили какой-то небывалый фейерверк. Кроме этих пресмыкающихся, обычно никого не бывает видно, пока солнце не снижается и не становится чуть прохладнее. Я обычно использовал полуденный период всеобщей спячки для того, чтобы съесть захваченный с собой завтрак и выкурить желанную сигарету.

Как-то раз во время такого позднего завтрака я стал единственным зрителем удивительной комедии - мне даже показалось, что она была разыграна специально в мою честь. Примерно в шести футах от меня на ствол, где я си-

дел, из-под занавеса густой листвы вверх по коре медленно, целеустремленно и величаво выползала гигантская сухопутная улитка размером с яблоко. Продолжая закусывать, я зачарованно следил, как моллюск словно без малейшего усилия скользит по коре, рассматривал его "рожки" с круглыми удивленными глазками на концах - они ни минуты не оставались в покое, выбирая дорогу в своем игрушечном мире грибов и зеленого мха. Вдруг я понял: в то время как улитка неспешно и слегка неуверенно продвигается по стволу, оставляя за собой, как всегда, влажный, поблескивающий след, за ней пробирается одно из самых свирепых и кровожадных (для своей весовой категории) животных Западной Африки.

Отбросив в сторону плети вьюнка, на ствол с важным видом выбралось крохотное существо, длиной не больше сигареты, одетое в блестящий черный мех; его длинный тонкий нос не отрывался от следов улитки - ни дать ни взять малюсенькая черная гончая. Это была лесная землеройка - их тут несколько видов, и все эти миниатюрные зверьки славятся своим бесстрашием и ненасытностью. Про лесную землеройку можно сказать, что она и вправду живет, чтобы есть. Проголодавшись, она способна слопать и собственного родича.

Попискивая от возбуждения, землеройка резво бежала следом за улиткой и скоро настигла ее. Пронзительно взвизгнув, она бросилась вперед и вцепилась в ту часть тела улитки, которая торчит сзади из-под раковины. Улитка в ответ на внезапную и наглую атаку с тыла втянула мягкий "хвост" в раковину ничего другого ей не оставалось. Мышцы улитки сократились быстро и мощно, хвост мигом втянулся в домик, а землеройка врезалась носом в раковину и разжала зубы. Ничем не поддерживаемая раковина опрокинулась на бок, землеройка, вереща во весь голос от злости, кинулась к ней и сунула мордочку внутрь, пытаясь достать спрятавшуюся улитку. Но улитка встретила ее во всеоружии, и не успела землеройка сунуть в чужой домик голову, как ее окатил фонтан зеленовато-белой пены, покрыв пенистой массой нос и голову зверька. Ошеломленная землеройка отскочила, стукнувшись о край раковины. Улитка немного покачалась и, свалившись на бок, скатилась в траву возле ствола. А землеройка, вне себя от ярости, уселась столбиком, отчаянно чихая и пытаясь передними лапками стереть пену с мордочки. Эта препотешная сценка меня рассмешила, и я громко расхохотался. Землеройка, бросив на меня взгляд, полный ненависти и страха, спрыгнула вниз и была такова. Не часто приходится так веселиться во время "мертвого часа" лесных обитателей.

Ближе к вечеру, когда спадает жара, жизнь в лесу снова идет своим чередом. На фиговые деревья собираются новые гости, в основном белки. Одна парочка явно имела свою точку зрения на правило "Делу - время, потехе - час" и отлично сочетала то и другое. Они носились в ветвях фигового дерева, играли в прятки и чехарду, должно быть ухаживая друг за другом, но время от времени эта самозабвенная и восторженная гонка прекращалась, зверьки усаживались с самым серьезным и благонаправленным видом, закинув хвостики на спину, и угощались фигами.

Когда тени становятся длиннее, вы можете, если вам повезет, подсмотреть, как дукер спускается к ручью на водопой. Небольшие антилопы с блестящей желтовато-коричневой шерстью, осторожно переступая стройными ножками-карандашиками, выбирают дорогу среди лесных великанов, то и дело оста-

навливаясь и оглядывая все вокруг громадными влажными глазами; ушки у них так и стригут воздух, ловя лесные шорохи. Бесшумно скользя в густой прибрежной поросли, антилопы испугивают забавных водяных мышей, которые там кормятся. Это маленькие серые грызуны с длинными глуповатыми мордочками, большими полупрозрачными ушами, похожими на уши мула, и длинными задними лапками, на которых они временами скачут точь-в-точь как крохотные кенгуру. В вечерние часы они всегда бродят в неглубокой воде у берега и тонкими передними лапками прочесывают прибрежные водоросли, выбирая из них крохотных водяных насекомых, миниатюрных крабов и водяных улиток. Тут же выходят на охоту и другие маленькие крысы, по моему самые суетливые, самодовольные и симпатичные из всех грызунов. Они сплошь покрыты зеленоватой шерстью, только носы и задняя часть несколько неожиданно окрашены в ярко-рыжий, как у лисы-огневки, цвет: кажется, что все они носят оранжевые спортивные трусики и маски.

Их любимые охотничьи уголья располагались между корнями-контрфорсами гигантских деревьев, где скапливалась влажная опавшая листва. Там они и ходили вразвалочку, перекликаясь пронзительными голосами, переворачивая каждый листок, ветку и камешек в поисках затаившихся насекомых. Временами зверьки прекращали поиски пищи и устраивали собрания, рассаживаясь на задних лапках друг перед другом: их усики подрагивали от непрерывного щебетания и писка, они переговаривались очень быстро, каким-то жалобным тоном, словно выражая друг другу соболезнование по поводу убожества здешних мест. Иногда вдруг, принявшись к какому-то местечку, все разом приходили в неопишное возбуждение и с громким писком принимались азартно, как фокстерьеры, вкапываться в мягкую лесную подстилку. Наконец зверьки победоносно извлекали громадного шоколадного цвета жука, величиной почти не уступавшего им самим. Жуки были рогатые и очень сильные, и крыскам стоило немало труда с ними справиться. Они переворачивали добычу на спину и быстро обкусывали шиповатые, мельтешащие в воздухе ножки. Лишив таким образом свою жертву возможности защищаться, они одним-двумя укусами приканчивали жука. Затем маленькие крысы усаживались столбиком, держа обеими лапками жука, и с хрустом, как большой леденец, принимались грызть добычу, отрывисто попискивая себе под нос от удовольствия.

К вечеру, когда на поляне еще довольно светло, в лесу уже наступают сумерки, и бывает трудно что-нибудь увидеть. Если повезет, вы можете обнаружить ночных животных, выходящих на охоту; случается, мимо трусцой пробежит кистехвостый дикобраз, с солидным и деловитым видом он куда-то поспешает, шурша иглами. И снова фиговые деревья превращаются в место сбора ночных животных. Галаго, или буш-бэби, возникают словно по волшебству, как феи; они сидят на ветвях, вглядываясь в полутьму громадными глазами-блюдцами, и вдруг воздевают маленькие, совершенно человеческие ручки в священном ужасе - точь-в-точь домовые, вдруг осознавшие греховность этого мира. Они поедают фиги, а иногда совершают головокружительные прыжки между сучьями в погоне за ночной бабочкой, в то время как в небе, уже подсвеченном пламенем заката, серые попугаи парами слетаются в лес на ночевку, пронзительно пересвистываясь и перекликаясь, так что лес наполняется звенящим эхом. Где-то очень далеко внезапно поднимается дикий крик,

уханье и сумасшедший хохот - этот жуткий бедлам устраивает компания шимпанзе, готовясь отойти ко сну. К тому времени галаго исчезают, мгновенно и неслышно, как и появились, и на смену им в темнеющем небе появляются неровные стаи плодоядных летучих мышей. С гулкими криками, хлопая крыльями, они пикируют на деревья и устраивают драки из-за оставшихся на их долю плодов. Когда летучие мыши взмахивают крыльями, кажется, что в кронах деревьев кто-то встряхивает сотни мокрых зонтиков. Издали доносятся последние истерические визгливые вопли шимпанзе, и лес погружается в непроглядную тьму, наполненную бесчисленными негромкими шорохами, писком, топотом лапок и фырканием, - начинается напряженная, бьющая через край жизнь миллионов ночных существ.

Я поднялся, расправил затекшие руки и ноги и неверной походкой отправился через лес. Каким жалким, тоненьким и потеряннным казался луч моего карманного фонарика среди громадных безмолвных лесных великанов! Так вот он каков, тропический лес, - дикий, жестокий и полный опасностей, если судить по прочитанным мною книгам. А я увидел прекрасный, сказочный, невероятный мир, сотканный из миллионов крохотных жизней, где все живое - будь то растение или животное - связано со множеством других организмов, как в одном гигантском ребусе. Мне стало жаль тех людей, которые не хотят расставаться со старым представлением о страшной лесной чащобе: ведь этот мир, полный колдовского очарования, только и ждет, чтобы его исследовали, разглядели и поняли.

Озеро яканы

Может быть, Британская Гвиана*, расположенная на севере Южной Америки, - одно из самых красивых мест на земле: густой тропический лес, бескрайние саванны, зубчатые горные цепи, грандиозные белопенные водопады. Но моему сердцу всего дороже край ручьев - прибрежная полоса, протянувшаяся от Джорджтауна до границы с Венесуэлой. Здесь тысячи лесных рек и речушек пробираются наконец к морю и, достигнув открытой равнины, разбегаются по ней миллионами протоков и ручейков, покрывая ее сетью зеркально сверкающего серебра. Роскошь и разнообразие растительности не поддаются описанию, а ее невиданная красота превращает этот уголок в сказочную страну. В 1950 году я ловил в Британской Гвиане животных для английских зоопарков и провел там целых шесть месяцев; побывал я и в саваннах на севере страны, и в тропическом лесу, и, само собой, в краю ручьев, охотясь за диковинным зверьем.

* Ныне Кооперативная Республика Гайана. (Примеч. пер.)

Я поселился в маленькой деревушке американских индейцев неподалеку от городка Санта-Роса, избрав ее своей штаб-квартирой в стране ручьев - до нее было два дня пути. Сначала мы шли на катере по реке Эссекибо, углубляясь в наиболее широкие протоки, пока не добрались до места, где катер пройти не мог: было слишком мелко, да и густые заросли не пропускали. Там мы пересели в утлые долбленки, которыми ловко управляли индейцы, наши гостеприимные хозяева - спокойные, славные люди. И вот, покинув широкое русло главной протоки, мы углубились в лабиринт узеньких речушек. Это было одно из самых прекрасных путешествий, какие я помню.

Протоки, которыми мы пробирались, порой были шириной не более десяти

футов, и поверхность воды скрывалась под пышным ковром громадных белых водяных лилий с розоватыми лепестками, вперемежку с невысокими похожими на папоротники водяными растениями, которые протягивали к поверхности тонкие стебли, и на каждом из них у самой воды красовался крохотный аленький цветочек. Берега протоки густо поросли кустарником и громадными деревьями, согбенные и перекрученные стволы которых склонялись над водой, образуя туннель; с их узловатых сучьев свисали длинные бороды зеленовато-серых лишайников и масса розово-лимонных орхидей. Вода была сплошь укрыта зеленью, и мне казалось, что я, сидя на носу лодки, бесшумно и легко скольжу по усыпанному цветами зеленому газону, который слегка колышется, смыкаясь за кормой нашей лодки. Большие черные дятлы с алыми хохолками и светлыми клювами перелетали с дерева на дерево с громкими криками, старательно долбили подгнившую кору, а в тростниках и кустах по берегам ручья внезапно ракетой взмывали вертикально вверх вспугнутые болотные птицы, их ярко-красные грудки фонариками вспыхивали в небе.

Как оказалось, деревушка была расположена на возвышении - собственно говоря, это был остров, со всех сторон оплетенный кружевом речушек и проток. Маленькая хижина, в которой я разместился, стояла в очаровательном месте чуть поодаль от деревни. Она приютилась на краю долинки, занимавшей не больше акра, а вокруг нее собрались в кружок несколько громадных деревьев, похожих на толпу древних старцев с длинными седыми бородами из лишайника. Во время зимних дождей окрестные речушки вышли из берегов, и долинка все еще скрывалась под шестифутовым слоем воды; над поверхностью торчали только стволы высоких деревьев, отражения которых дрожали на агатовой темной глади. По краю затопленной долины разрослись тростник и широкий ковер из лилий.

С порога хижины можно было любоваться этим игрушечным озером в оправе зеленых берегов. Я проводил здесь многие часы ранним утром и по вечерам и своими глазами увидел, какое множество живых существ обитает на крохотном озерце и в окружающей его зеленой чаще.

Например, по вечерам к воде спускался енот-крабод. Это немного странное животное, ростом с небольшую собачку, хвост у него пушистый, с чередующимися черными и белыми кольцами, лапы большие, плоские, розовые, а шкурка серого цвета, если не считать черной полумаски на глазах, которая придает зверьку довольно потешный вид. Двигается енот-крабод очень забавно сторбившись, вывернув ступни, неловко загребая и шаркая лапками, будто они натерты или обморожены. Спустившись к воде, мой енот с минуту уныло разглядывал собственное отражение, отпивал несколько глотков и, с безнадежным видом волоча лапки, отправлялся вдоль берега на поиски пропитания. В местах, где помельче, он входил в воду у самого берега, усаживался на задние лапы, а передними принимался шарить вокруг себя в темной воде. Его тонкие длинные пальцы, похлопывая, разгребали и перебирали ил; время от времени он с выражением радостного удивления извлекал нечто съедобное и тогда поспешно выходил с добычей на берег. Свой улов он всегда нес, аккуратно зажав в передних лапках, и съедал его только на сухом берегу. Лягушек он прижимал к земле и обезглавливал одним быстрым укусом.

Но если еноту попадался - что случалось нередко - крупный пресноводный краб, он бросался к берегу со всех ног, а выскочив на сушу, отбрасывал краба

подальше от себя. Опомнившись, краб становился в оборонительную позицию, угрожающе размахивая клешнями, и тогда енот расправлялся с ним оригинальным и весьма эффективным способом. Краба легко обескуражить: если его похлопывать по панцирю, он не может ухватить вас клешнями и в конце концов поджимает все лапки, а уж разобидевшись, совсем отказывается вступать в неравную игру. Поэтому енот просто преследовал краба, постукивая по панцирю длинными пальцами и успевая отдергивать их от острых клешней. Минут через пять сбитый с толку краб подбирал лапки, складывал клешни и застывал в неподвижности. Тут-то енот, который до сих пор смахивал на милую старую даму, играющую с любимым мопсом, выпрямлялся, принимал деловой вид, затем быстро наклонялся и молниеносно перекусывал злосчастного краба почти пополам.

На краю долинки какой-то прежний владелец хижины посадил несколько деревьев манго и гуайявы, и плоды на них поспели как раз тогда, когда я там был; они привлекали множество разных животных. Обычно первыми жаловали древесные дикобразы. Они вразвалочку выходили из кустов, напоминая полных пожилых джентльменов немного навеселе, вынюхивая что-то громадными толстыми носами; их маленькие печальные глазки, словно полные непролитых слез, с надеждой шарили вокруг. Дикобразы карабкались на манговые деревья, как заправские верхолазы, и, шурша в кронах черно-белыми иглами, для страховки хватались за ветки длинными гибкими хвостами. Потом они пробирались на удобное местечко среди веток, надежно закреплялись там несколькими оборотами хвоста, усаживались столбиком и выбирали спелый плод. Держа плод в лапках, зверьки быстро вращали его, врезаясь в мякоть своими крупными резцами. Покончив с мякотью, дикобразы иногда довольно забавно играли с большой косточкой. Не трогаясь с места, они оглядывались как-то неуверенно и беспомощно, перебрасывая косточку из лапки в лапку, словно не знали, куда ее девать, а порой роняли понарошку и ловили в самый последний момент. Пожонглировав так минут пять, зверьки швыряли косточку на землю и отправлялись дальше по сучьям, шаркая лапками, за новым плодом.

Когда двум дикобразам случалось столкнуться носом к носу на одной ветке, они оба закреплялись на месте с помощью хвостов, поднимались на задние лапки и затевали самый смехотворный боксерский матч. Они уворачивались, размахивали лапками, закатывали оплеухи, делали обманные выпады, били "крюком" слева, "апперкотом", наносили удары по корпусу - и все это, ни разу не задев противника. Во время этого представления (минут пятнадцать) они сохраняли на мордах выражение легкого удивления и благодушного любопытства. Как вдруг, словно по неуловимому сигналу, оба зверька становились на четвереньки и расходились в разные стороны. Мне никогда не удавалось угадать ни причину таких боксерских спаррингов, ни "победителя", несмотря на это, я получал громадное удовольствие и покатывался со смеху.

На мои плодовые деревья приходили и другие очаровательные существа мирикины. Эти забавные маленькие обезьянки с длинными хвостами, стройными, почти как у белочек, тельцами и громадными совиными глазами - единственные обезьяны, ведущие ночной образ жизни. Хотя мирикины приходили небольшими группами по шесть - восемь особей и прыгали на деревья совершенно бесшумно, их присутствие вскоре обнаруживалось - они вели

между собой длинные, разнообразные застольные беседы.

У мирикин был необычайно богатый запас звуков, какого я не встречал ни у одного вида обезьян, да, собственно говоря, и ни у одного вида животных сопоставимого с мирикинами размера. Во-первых, они издают громкое мурлыкающее рывканье - далеко разносящийся вибрирующий клич, предупреждающий об опасности; когда звучит этот горловой крик, глотки обезьянок раздуваются до размеров небольшого яблока. Беседуя друг с другом, они пронзительно вскрикивают, ворчат, мяукают почти по-кошачьи, издают длинные мелодичные воркующие трели, не похожие ни на один звук, который мне приходилось слышать. Иногда одна обезьянка в порыве нежности обвивает рукой плечи приятельницы, тогда они обе сидят, обнявшись и прижавшись друг к другу, и всю воркуют, неотрывно и серьезно глядя друг другу в глаза. Я не встречал обезьян, которые, как мирикины, по малейшему поводу бросались бы целовать друг друга прямо в губы, обнимаясь и переплетая хвосты.

Естественно, эти животные жаловали в гости довольно нерегулярно, однако два существа постоянно обитали в моей затопленной половодьем долинке. Первый - юный кайман, южноамериканский аллигатор длиной фут четыре. Это был настоящий красавец - черная с белым шкура, покрытая буграми и извилинами, прихотливыми, как на коже грецкого ореха, зубчатый драконий гребень на хвосте и большие золотисто-зеленые глаза, испещренные янтарными точечками. Кайман был единственным обитателем маленького водоема. Я так и не понял, почему к нему не присоединились другие сородичи, ведь окружающие ручьи и протоки, в каких-нибудь ста ярдах от озера, кишели кайманами. Так или иначе маленький кайман жил в полном одиночестве в озере возле моей хижины и весь день с видом собственника плавал дозором вокруг своих владений.

Кроме него я всегда видел в озере якану - быть может, одну из самых диковинных птиц Южной Америки. По размерам и внешнему виду она напоминает нашу английскую куропатку, только ее обтекаемой формы тельце как бы возвышается на длинных тонких ногах, опирающихся на веер необычайно длинных пальцев. С помощью этих пальцев, распределяющих вес на большую площадь, якана может ходить по воде, пробираясь по листьям лилий и других водяных растений. Поэтому ее называют еще "бегуньей по лилиям".

Якана опасалась каймана, а он, как видно, решил, что природа послала якану на принадлежащее ему озеро специально для того, чтобы внести некоторое разнообразие в его рацион. Но молодой кайман был слишком неопытен, и его первые попытки подкрасться и сцапать якану были неловкими до смешного. Якана жеманно выглядывала из зарослей, где проводила большую часть времени, и начинала свое "шествие по водам", легко переступая с одного листа лилии на другой, а они лишь слегка погружались в воду под тонкими, как паучьи лапки, пальцами, принимавшими на себя вес птицы. Кайман, заметив ее, тут же погружался в воду; только глаза виднелись на поверхности. Водная гладь была спокойна, как зеркало, ни малейшей ряби, а голова каймана скользила все ближе и ближе к якане. Птица принималась самозабвенно копать клювом в листве водяных растений, разыскивая червячков, улиток и мелкую рыбешку, и не замечала подкрадывающегося каймана. И быть бы ей у него в зубах, если бы не одно обстоятельство. Когда до жертвы оставалось каких-нибудь десять двенадцать футов, кайман, вместо того чтобы поднырнуть и схва-

тить ничего не подозревающую птицу снизу, в страшном возбуждении начал бить хвостом по воде и бросался вперед как глиссер, поднимая волну с таким шумом и плеском, что ему не удалось бы застать врасплох даже самое безмозглое пернатое. Якана, конечно, с паническим воплем срывалась и взлетала, хлопая желтыми, как лютики, крыльями.

Я долго не догадывался, отчего птица проводит почти все время в зарослях тростника на дальнем конце озера. Осмотрев отмель, я сразу нашел причину - на топкой почве была устроена аккуратная мягкая подстилка из водорослей, а на ней лежали четыре круглых кремовых яйца, покрытых шоколадными и серебряными "веснушками". Должно быть, якана давно сидела на яйцах - прошло несколько дней, и однажды я заметил, что гнездо опустело, а часа через два увидел, как якана впервые выводит своих птенцов "в свет".

Она вышла из чащи тростника, пробежала немного по листьям лилий, остановилась и оглянулась. Из тростника показались четыре малыша, похожих в своем черном с золотом пуху на шмелей-переростков, и их тонкие ножки с длиннопальчатыми лапками казались хрупкими, как паутинки. Они вышагивали в затылок друг другу следом за матерью, строго соблюдая дистанцию на один лист и терпеливо выжидая, пока мать обследует местность и снова двинется вперед. Они были так малы, что умещались все вместе на одном большом листе, и так легки, что лист под ними почти не погружался в воду. Кайман, заметив прибавление семейства, стал охотиться с удвоенным азартом, но якана оказалась весьма осмотрительной мамашей. Она прогуливалась свой выводок неподалеку от берега, и стоило кайману двинуться в их сторону, как малыши мгновенно ныряли с листьев, скрывались под водой и мгновение спустя непостижимым образом оказывались уже на берегу.

Кайман пускался на все известные ему уловки; дрейфовал как можно незаметнее и как можно ближе, маскировался, подныривая под островок водяной растительности и выглядывая на поверхность из-под укрытия, весь облепленный водорослями. Он часами лежал в полной неподвижности, терпеливо подстерегая якан у самого берега. Целую неделю он применял поочередно все эти трюки, но только раз ему почти повезло. В тот день он самое жаркое время, около полудня, пролежал у всех на виду в центре озера, тихонько поворачиваясь, как флюгер на оси, и осматривая таким образом весь берег. Ближе к вечеру он подкрался к прибрежным водорослям и лилиям, изловчился и поймал лягушонка, принимавшего солнечную ванну в чашечке лилии. Приободрившись, кайман подплыл к плавучему островку из зеленых водяных растений, усеянному крохотными цветами, и поднырнул под него. Я высматривал его битых полчаса по всему озеру, пока не догадался, что он прячется под кучей растений. Даже наведя бинокль на этот островок величиной не больше двери, я лишь через десять минут смог разглядеть каймана. Он оказался почти в самой его середине. Выныривая, кайман зацепился лбом за стебель водяного растения; зеленые листья нависли на глаза, скрывшиеся под гирляндой розовых цветочков. Это украшение придавало ему несколько легкомысленный вид, будто он в праздничной шляпке с цветами, зато служило отличной маскировкой. Прошло еще полчаса, но вот наконец появились на сцене яканы, и развернулись драматические события.

Мать, как обычно, выскользнула из тростников, с балетной легкостью выбежала на листья лилий и позвала своих детей. Они зашлепали следом за ней,

словно набор диковинных заводных игрушек, и столпились на листе лилии, терпеливо ожидая дальнейших приказаний. Мать неторопливо повела их по озеру, подкармливая по дороге. Она останавливалась на одном листе, брала клювом соседний, тянула его и дергала до тех пор, пока не переворачивала нижней стороной вверх. Там обычно оказывалось целое сборище червячков и пиявок, улиток и мельчайших рачков. Детвора налетала на лист, наперебой склевывала всю эту мелочь, очищала лист и переходила к следующему.

Я почти с самого начала понял, что мамаша ведет свой выводок прямехонько к тому месту, где затаился кайман, и с ужасом вспомнил, что это было ее любимое кормовое угодье. Я видел, как она, стоя на листе лилии, извлекала спутанные комки нежного папоротникообразного растеньица и раскладывала их на подходящем цветке лилии, чтобы малышам было удобнее выклевывать оттуда массу микроскопических съедобных существ. Я был уверен, что якана, до сих пор успешно избегавшая каймана, и на этот раз заметит его вовремя, но, хотя она все время останавливалась и осматривалась, вся семья продолжала двигаться напрямиком к каймановой засаде.

Честно признаться, я растерялся. У меня было твердое намерение помешать кайману слопать мать или маленьких якан, но я не знал, что предпринять. Взрослая птица привыкла к шуму, производимому людьми, и совершенно перестала обращать на нас внимание, поэтому, хлопать в ладоши было бесполезно. Добраться до нее не было никакой возможности - все происходило на противоположной стороне озера, и пока я успел бы добежать туда по берегу, все было бы кончено - птица оказалась бы уже в двадцати футах от пресмыкающегося, не больше. Кричать бессмысленно, камнем не докинешь далеко, и мне оставалось только сидеть на месте, не отрывая бинокля от глаз, и клясться страшными клятвами, что, если кайман тронет хоть перышко моих драгоценных якан, я выслежу его и прикончу. Как вдруг я вспомнил про ружье.

Конечно, стрелять в каймана я не собирался: дробь долетит до него слишком разбросанно, и в него угодит всего несколько дробинок на излете, а вот якан, которых я так жаждал спасти, я мог запросто перебить. Однако, насколько я знал, якана никогда не слышала выстрелов, так что, если я выстрелю в воздух, она вернее всего испугается и уведет свой выводок в укрытие. Я бросился в хижину, схватил ружье и потерял еще драгоценную минуту или две, лихорадочно вспоминая, куда я сунул патроны. Наконец я зарядил ружье и выскочил из хижины. Зажав под мышкой ружье с направленными в землю стволами, я другой рукой поднес бинокль к глазам, чтобы посмотреть, не опоздал ли я.

Якана уже стояла на краю зарослей лилий, совсем близко от кучи водорослей. Малыши сгрудились на листе позади и немного в стороне от нее. Я вижу, как она наклоняется, хватает длинную плеть водоросли, выволакивает ее на листья лилии... и тут кайман, до которого оставалось всего четыре фута, внезапно выныривает из-под своего зеленого укрытия и, как был, в дурацкой наплежке из цветов, бросается вперед. В ту же секунду я выпалил из обоих стволов, и грохот раскатился по всему озеру.

Не знаю, что спасло якану - я или ее собственная молниеносная реакция, но она свечой взмыла в воздух с листа в тот самый момент, когда зубы каймана, сомкнувшись, разрезали лист почти надвое. Она пронеслась над головой кай-

мана, он, высунувшись из воды, попытался ее схватить (я слышал, как щелкнули зубы) - и вот моя якана, совершенно невредимая, с громким криком улетает прочь.

Кайман напал так внезапно, что птица не успела дать команду своим птенцам, кучкой рассевающимся на листе лилии. Теперь, услышав ее отчаянный крик, они ожили, как от удара тока, и попрыгали в воду, а кайман устремился к ним. Пока он подоспел, они уже нырнули, и он тоже ушел под воду. Постепенно волны разошлись, и водная гладь успокоилась. Я с тревогой следил за матерью-яканой - она с громкими криками кружила, все кружила над озером. Внезапно она скрылась в зарослях тростника, и больше в этот день я ее не видел. Кстати, и кайман тоже не попадался мне на глаза. Меня преследовала ужасная мысль - что он догнал и переловил все крохотные комочки пестрого пуха там, в темной глубине, где они отчаянно удирали от него, - и весь вечер я вынашивал планы мести. На следующее утро я пошел по берегу к тростниковой заросли и - вот радость! - увидел якану с тремя довольно унылыми и напуганными птенцами. Я стал высматривать четвертого, но его нигде не было и понял, что кайман хотя бы отчасти своего добился. Особенно меня огорчило то, что якана, несколько не уstraшенная событиями вчерашнего дня, снова повела свой выводок по листьям лилий, и я следил за ними весь день сам не свой от страха. Кайман не подавал признаков жизни, и все же я так намучился за несколько часов, что к вечеру решил - пора кончать! Больше не выдержу. Я пошел в деревню и одолжил маленькую лодку - двое индейцев любезно перенесли ее на мое озеро. Как только стемнело, я взял мощный фонарь, вооружился длинным шестом со скользящей петлей на конце и отправился на поиски каймана. Хотя озерцо было маленькое, обнаружить противника мне удалось только через час - он лежал на виду, неподалеку от зарослей лилий. Когда луч фонаря нашарил каймана, его большие глаза вспыхнули рубиновым светом. С невероятной осторожностью я подгонял лодку все ближе и ближе, пока не удалось незаметно опустить петлю и понемногу завести ее на шею каймана; он лежал совершенно неподвижно, то ли ослепленный, то ли замороженный ярким светом. Потом я резким рывком затянул петлю и втащил бьющееся, извивающееся тело в лодку, не обращая внимания на щелканье челюстей и яростные лающие звуки, вылетающие из раздутого горла каймана. Я упрятал его в мешок, а на следующий день завез на пять миль в сторону по лабиринту протоков и там выпустил. Он так и не нашел дорогу обратно, и я, пока жил в маленькой хижине у затопленной долины, мог сидеть и любоваться сколько душе угодно своим семейством "бегуний по лилиям", весело сновавшим по озерцу в поисках пищи, и сердце у меня уже не уходило в пятки, когда легкий ветерок, налетая, морщил рябью темную, как агат, воду озера.

Глава 2

О животных вообще

Сколько помню, меня всегда увлекало поведение животных, удивительное разнообразие их привычек и инстинктов. В этой части пойдет речь о поразительных уловках, какими они привлекают себе пару, о диковинных методах защиты и способах постройки гнезд.

Даже самое уродливое и страшное животное - как и уродливый, страшный человек - не бывает совсем лишено каких-то пусть самых маленьких привлекательных черт. Бывает, вас совершенно обезоруживает встреча с абсолютно

неинтересным или даже отталкивающим животным, и вдруг оно завоевывает ваше сердце трогательным, милым поступком. Это может быть ухвертка, прикрывающая своим телом, как наседка, гнездо с яичками и заботливо снова собирающая их в кучку, если у вас хватило жестокости разорить гнездо; паук, который, играя на струне паутинки, заморозил свою прекрасную даму, а потом спеленал ее шелковистой нитью, чтобы она, опомнившись после спаривания, не слопала его; морская выдра, старательно привязывающая себя к морским водорослям, чтобы спокойно спать "на якоре", не опасаясь, что течение или отлив унесут ее далеко в море.

Помню, в Греции, еще совсем мальчишкой, я сидел на берегу маленького сонного ручейка. Вдруг из воды вылезло создание, похожее на гостя из космоса. Оно с трудом вползло на стебель тростника. У него были громадные выпуклые глаза, бугристое тело, паучьи лапки, а на спинке горбом выпирало какое-то странное, аккуратно свернутое приспособление, похожее на марсианский акваланг. Насекомое деловито карабкалось все выше, а солнце мало-помалу высушивало уродливое мокрое тельце. Затем страшилище замерло казалось, оно впало в транс. Я не мог отвести глаз от уродца - в то время мой жадный, всепоглощающий интерес к природе можно было сравнить только с моим невежеством, и я не понял, что это за тварь. Вдруг я увидел, что мой уродец, подсохший на солнце и побуревший, как орех, лопнул, и мне показалось, что через продольную трещину на спине пытается выбраться наружу что-то живое. Минуты шли, трещина расширялась, поддаваясь усилиям живого существа; внезапно оно сбросило уродливую оболочку и неуверенно выползло на стебель тростника. Тут я сообразил, что это стрекоза. Еще влажные и скомканые после столь странного рождения на свет крылья комочками липли к мягкому телу, но прямо у меня на глазах под теплыми лучами солнца они развернулись и отвердели, прозрачные, как снежинки, причудливые, как витражи в окнах собора. Тело тоже стало крепким, окрасилось в ослепительный небесно-голубой цвет. Стрекоза несколько раз затрепетала крыльями - они так и вспыхнули на солнце, а потом снялась и полетела еще не совсем уверенно, оставив позади уцепившуюся за стебель неприглядную оболочку, скрывавшую ее волшебную красоту.

Впервые в жизни мне посчастливилось наблюдать это чудесное превращение, и, все еще не сводя глаз с уродливой кожурой, под которой недавно таилось прекрасное, сверкающее насекомое, я дал себе слово никогда не судить о живом существе по его внешнему виду.

Брачные игры

Животные в большинстве своем относятся к уходу за своим потомством весьма серьезно, и у некоторых из них веками вырабатывались удивительные способы привлекать свою избранницу. Каких только потрясающих украшений из перьев, рогов, шпор, сережек, каких только красок, узоров, ароматов не найдешь у самцов - и все это богатство служит одной-единственной цели: привлечь самку. Мало того, некоторые птицы преподносят самочке подарки, устраивают для нее настоящую выставку цветов, очаровывают ее акробатическими трюками, танцами, песней. Когда животное добывается своей избранницей, оно не жалеет ни времени, ни сил, а порой - даже самой жизни.

Конечно же среди животных самые несравненные щеголи "шекспировских времен" - птицы, которые одеваются в роскошные наряды, танцуют и высту-

пают, словно придворные кавалеры, и в любую минуту готовы спеть серенаду или сразиться насмерть.

Не знают себе равных райские птицы - и не только потому, что носят самые блистательные брачные одежды, но и потому, что умеют их показать во всей красе.

Вспомните, например, королевскую райскую птицу. Однажды мне по счастливой случайности довелось своими глазами увидеть в бразильском зоопарке брачный танец такой птицы. Три райские птицы - две самочки и самец - жили в громадном вольере, густо заросшем тропической растительностью; там были даже деревья. Самец, величиной с нашего дрозда, поражал контрастом бархатисто-оранжевой головки с белоснежной грудкой и сверкающей алой спинкой; перья у него переливались, будто отполированные. Клюв желтый, а ноги словно окунули в великолепный синий кобальт. По бокам, как и положено в брачный сезон, отросли длинные перья, а средняя пара рулевых перьев хвоста вытянулась длинными тонкими стеблями, дюймов десять в длину. Перья были туго свернуты наподобие часовой спирали, и тонкие, как проволока, стебельки заканчивались парой сверкающих изумрудно-зеленых дисков.

Птица искрилась и вспыхивала в лучах солнца при малейшем движении, тоненькие перья в хвосте вздрагивали, изумрудные диски качались, отсвечивая на солнце. Самец сидел на длинной голой ветке, а самочки смотрели на него, притаившись под кустом неподалеку. Внезапно он приосанился и испустил странный крик - нечто среднее между мяуканьем и тявканьем. С минуту он молчал, как будто ожидая знаков одобрения от самок; но они сидели, как и прежде, глядя на него равнодушными круглыми глазами. Он разок-другой подпрыгнул на ветке, должно быть стараясь привлечь их внимание, потом приподнял крылья и неистово замахал ими над спиной; казалось, он вот-вот взвоет к небу в торжествующем полете. Широко распахнув крылья, он наклонился вперед, так что каскад перьев скрыл его головку. Потом снова поднял оба крыла, опять энергично захлопал ими и повернулся на ветке, чтобы ослепить самочек белоснежным сверканием перьев на грудке. Испустил долгую мелодичную трель, мгновенно встопорщил длинные, ниспадающие по бокам перья, которые засверкали водопадом пепельно-серых, золотисто-желтых и изумрудно-зеленых искр, трепеща и переливаясь в такт песне. Певец поднял короткий хвостик и плотно прижал его к спине, так что длинные хвостовые перья свесились вперед над его головой и по обе стороны желтого клюва закачались изумрудные диски. Он принялся слегка раскачиваться из стороны в сторону - диски тоже закачались, как маятники, и казалось, птица жонглирует ими. Танцор кланялся, кивая головкой, самозабвенно заливался песней, а диски мерно крутились. Самочки сидели как ни в чем не бывало. Они смотрели на него с любопытством, но без интереса, напоминая парочку домохозяек, попавших в роскошный салон мод: наряды, может, им и нравятся, но все равно ведь не по карману. Самец, в последнем отчаянном усилии вызвать хотя бы тень одобрения у зрительниц, вдруг повернулся на ветке, мелькнув великолепной алой спинкой, потом присел и широко раскрыл клюв, показывая глотку яркого яблочно-зеленого цвета, блестящую, как глазурированный фарфор. Так он и застыл, не переставая петть, с раскрытым ртом, и мало-помалу, вместе с замирающей песней, его оперенье складывалось, прилегая к телу и теряя свое трепетное мерцание. На минуту он выпрямился во весь рост, глядя

на самок. Они глазели на него с видом зевак, которые только что видели трюки фокусника и ждут, не покажет ли он что-нибудь новенькое. Самец несколько раз негромко защебетал, потом снова залился песней, как вдруг свалился, словно подкошенный, и повис на ветке вниз головой. Не прерывая песни, он распустил крылья и прошелся в одну, потом в другую сторону - вниз головой! Это чудо акробатики, кажется, наконец-то заинтересовало одну из самочек: она недоуменно склонила головку набок. Хоть убейте, не понимаю, как эти самочки могли оставаться такими бесчувственными: я был совершенно очарован песней и ослеплен красотой певца. Походив вверх ногами минуту-другую, он сложил крылья и повис, слегка раскачиваясь, но ни на миг не переставая с упоением распевать. Словно диковинный алый плод, подвешенный на синих ножках-стебельках, он слегка раскачивался на ветру.

Именно в этот момент одной из самок, как видно, наскучило представление, и она улетела в другой конец вольера. Но вторая осталась и, склонив головку набок, внимательно рассматривала самца. Резко взмахнув крыльями, он снова уселся на ветке с несколько самодовольным видом - на что, впрочем, имел полное право. Я с нетерпением ждал, что же будет дальше. Самец застыл, вытянувшись в полной неподвижности, только оперение сверкало и переливалось в лучах солнца. Самочка явно забеспокоилась. Я был уверен, что это сказочное представление, внезапное и великолепное, как взрыв фантастического фейерверка, наконец покорило ее сердце. Я уже было решил, что она поблагодарит его за доставленное удовольствие и они начнут жить-поживать как положено. Но к моему несказанному удивлению, она просто взлетела на ветку, где сидел самец, склюнула мелкого жучка, слонявшегося по коре невесть зачем, и, удовлетворенно кудахнув, улетела с добычей в дальний конец вольера. Самец встряхнулся и принялся безмятежно приводить в порядок свое оперение, смирившись с неудачей, а я решил, что эти самочки или отличаются небывалым жестокосердием, или начисто лишены художественного вкуса, иначе они нипочем не устояли бы перед таким зрелищем. Я горячо сочувствовал самцу, который после столь великолепного концерта не заслужил одобрения зрительниц. Но как оказалось, он не нуждался в сочувствии: радостно вскрикнув, он схватил другого жука и принялся весело колотить его об ветку. Несомненно, он вовсе не огорчился своим "провалом".

Далеко не все пернатые так замечательно танцуют, как райские птицы, или могут похвастаться роскошными нарядами, зато они восполняют эти недостатки очаровательно оригинальными способами привлечь свою подружку. Возьмите, к примеру, шалашников. По-моему, в нашем мире не часто встретишь такую неотразимую манеру ухаживать. Атласный шалашник - скромная на вид птичка, размером с дрозда - одет в темно-синие перья, отливающие на свету металлическим блеском. Положа руку на сердце, этот невзрачный кавалер, словно донашивающий потертый до блеска шевиотовый костюмчик, кажется, ни за что не сумеет заставить самочку позабыть про его убогое одеяние и отдать ему сердце. Но он добивается своего удивительно хитрым способом - он строит шалаш!

Еще раз мне посчастливилось увидеть в зоопарке, как атласный шалашник строит свой храм любви. Он самым тщательным образом расчистил в центре вольера пространство вокруг двух куртинок травы и провел между ними дорожку. Затем он принялся таскать ветки, солому и куски веревок, переплетая

их с травой так, что получился туннель. Я обратил внимание на его работу, когда он уже построил туннель и начал украшать свой домик. Сначала он притащил пару пустых раковин, затем серебряную обертку от пачки сигарет, где-то раздобытый клочок шерсти, шесть разноцветных камешков и кусок бечевки с остатками сургучной печати. Я решил, что ему пригодятся еще кое-какие декоративные предметы, и принес несколько ниток цветной шерстяной пряжи, парочку пестрых морских раковин и старые автобусные билеты.

Шалашник пришел в восторг; он подбежал к решетке, аккуратно взял приношения у меня из рук и вприпрыжку поскакал к своему шалашу пристраивать их на место. Примерно с минуту он стоял, созерцая каждое украшение, потом подскакивал и передвигал автобусный билет или нитку шерсти так, чтобы добиться лучшего художественного эффекта. Законченный шалаш и вправду получился хоть куда, и строитель, стоя у входа, прихорашивался, время от времени вытягивая одно крыло, словно с гордостью предлагал полюбоваться своим шедевром. Потом он несколько раз пробежал по туннелю взад-вперед, переставил раковины получше и снова гордо встал в позу, вытянув одно крыло. Он и вправду трудился над шалашом, не покладая клюва, и я почувствовал острую жалость: ведь весь его труд пропадет даром, потому что его самочка недавно погибла, и в вольере с ним не было никого, кроме горсточки крикливых обыкновенных вьюрков, не проявлявших ни малейшего интереса к его таланту архитектора и декоратора.

На воле атласный шалашник - одна из немногих птиц, использующих орудия; иногда он раскрашивает плетеные стенки своего шалаша соком ярких ягод или влажным углем, пользуясь пучком каких-нибудь волокон. К сожалению, я вспомнил об этом слишком поздно, и, когда я наконец принес ему горшочек с голубой краской и растрепанный обрезок веревки - шалашники равнодушны именно к голубому цвету, - он больше не занимался своим шалашом и совершенно равнодушно отнесся к набору открыток из сигаретных пачек, где были изображены военные мундиры всех времен.

Шалашник другого вида возводит еще более монументальное строение - от четырех до шести футов высотой, оплетая ветками стволы двух соседних деревьев и покрывая шалаш сверху лианами. Внутри помещение тщательно выложено мхом, а снаружи этот шалашник - видимо, светская птица с изысканным вкусом - украшает особняк орхидеями. Перед входом в дом он сооружает небольшую клумбу из свежего зеленого мха и выкладывает на ней все яркие ягоды и цветы, какие удастся отыскать, причем этот аккуратист меняет экспозицию ежедневно, складывая потерявшие вид украшения позади домика.

У млекопитающих, конечно, нет такого разнообразия в манерах и ухищрениях, как у птиц. Они в общем-то подходят к своим любовным делам куда более прозаически, под стать современной молодежи.

Когда я работал в Уипснейдском зоопарке, мне пришлось наблюдать за любовными играми тигров. Тигрица до поры до времени была запуганным, робким существом. Стоило ее "повелителю" рыкнуть, как она вся сжималась от страха. Но когда она пришла в охоту, она в одночасье превратилась в коварного, опасного зверя, причем прекрасно сознавала свою власть и пользовалась ею вовсю. К полудню тигр уже ходил за нею как тень, униженный, на полусогнутых лапах, а на носу у него красовалось несколько глубоких кровоточащих царапин - так его "приласкала" подруга. Стоило ему, забывшись, сунуться чуть

поближе, как он получал очередную оплеуху когтистой лапой. Если же он обижался, уходил и укладывался под кустом, самочка с громким мурлыканьем подкрадывалась к нему и терлась об него боком до тех пор, пока он снова не поднимался и не принимался бродить за нею, как приклеенный, не получая за свои мучения ничего, кроме новых оплеух.

Понемногу тигрица выманила супруга к небольшой ложбинке с длинной травой, улеглась там и замурлыкала себе под нос, прижмутив глаза. Кончик ее хвоста, похожий на громадного мохнатого шмеля, дергался в траве туда-сюда, и бедняга-тигр, совершенно потерявший голову, гонялся за ним, как котенок, пытаясь прихлопнуть его как можно нежнее громадными мощными лапами. Наконец тигрице наскучило его мучить; припав к траве, она издала странный мурлыкающий зов. Самец, утробно рыча, двинулся к ней. Подняв голову, она снова позвала, и самец стал слегка, едва касаясь, покусывать ее выгнутую шею и загривок. Тигрица еще раз удовлетворенно мурлыкнула, и два золотистых громадных тела словно слились в одно на шелковистой траве.

Далеко не все млекопитающие так великолепно раскрашены и красивы, как тигры, но они возмещают этот недостаток грубой физической силой. Им приходится добывать самку с бою, как некогда пещерному человеку. Вот, например, гиппопотамы. Когда смотришь на этого необъятного толстяка, день-деньской полеживающего в воде, то кажется, что он только и способен, что созерцать вас выпученными глазами с видом безобидного добряка и время от времени испускать самодовольные сонные вздохи. Трудно вообразить, что в брачный сезон на него нападают приступы неистовой, устрашающей ярости. Если вам случалось видеть, как гиппо зеваает, открывая пасть с четырьмя изогнутыми, торчащими в стороны клыками и еще парой острых, как рогатины, клыков между ними, то поймете, какие ужасные раны они могут наносить.

Во время экспедиции за животными в Западную Африку мы как-то раз устроили лагерь на берегу реки, где обитало небольшое стадо гиппопотамов. Они казались мирной и жизнерадостной семейкой. Когда мы проплывали мимо них на лодках вверх или вниз по течению, они неназойливо сопровождали нас, подплывая каждый раз все ближе, и, шевеля ушами, с нескрываемым интересом рассматривали нас. Иногда они громко фыркали, поднимая тучи брызг. Насколько я успел заметить, стадо состояло из четырех самок, громадного старого самца и молодого, поменьше. У одной из самок был уже подросток, и этот толстенный великанский младенец все еще время от времени восседал у нее на спине. Как я уже говорил, они казались вполне счастливым семейством. Но как-то вечером, в густых сумерках, наша семейка вдруг разразилась истошными воплями и ревом - ни дать ни взять хор взбесившихся обезьян. Взрывы шума чередовались с минутами затишья, когда до нас доносились только фыркание и всплески, но с наступлением темноты шум нарастал.

Поняв, что заснуть не удастся, я решил спуститься к реке и посмотреть, что же там творится. Столкнув в воду лодчонку, я спустился вниз по течению к повороту, где река врезалась в берег, образуя широкую заводь с пляжем в форме полумесяца, покрытым белым блестящим песком. Я знал, что там гиппопотамы любят проводить целые дни, да и шум доносился именно оттуда. Да, там явно не все в порядке: обычно в этот час гиппопотамы уже вылезали из воды и продвигались, как танки, вдоль берега, где опустошали плантацию како-

го-нибудь невезучего жителя, а сейчас они все еще торчали в воде, хотя время ночной кормежки уже давно наступило. Я причалил к песчаному берегу и, пройдя немного дальше, нашел место, откуда все было видно как на ладони. Опасаться, что меня услышат, не приходилось: жуткое рыканье, рев и плеск, доносившиеся из заводи, совершенно заглушали шорох моих шагов.

Поначалу я ничего не мог разглядеть, кроме вспышек белой пены, когда гиппопотамы, плюхаясь всей тяжестью в воду, поднимали фонтаны брызг, но вскоре выглянула луна, и при ее свете я разглядел самок, стоявших вместе с детенышем. Они сбились в кучу на дальнем краю заводи, и над поверхностью воды блестели только их мокрые головы с прядущими ушами. Время от времени звери открывали пасти и гулко ревели, напоминая своеобразный хор в греческой трагедии.

Самки с интересом наблюдали за двумя самцами - старым и молодым, которые стояли поближе ко мне, на отмели в центре заводи. Вода едва доставала до толстых животов, и громадные бочкообразные тела и двойные подбородки самцов лоснились, будто смазанные маслом. Они стояли друг против друга, наклонив головы и пыхтя, как паровозы. Вдруг молодой самец поднял голову, разинул громадную пасть, сверкнув клыками, и заревел - от его протяжного рева кровь стыла в жилах, но не успел он умолкнуть, как старый самец с разверстой пастью кинулся на него, обнаружив непостижимую для такого увальня резвость. Молодой самец ловко вильнул в сторону. Старик неся в пенных бурунах, как заблудившийся линкор, да так быстро, что затормозить уже не мог. Когда он пробежал мимо молодого, тот нанес ему сногшибательный удар сбоку своей тяжелой мордой. Старик повернулся и снова бросился в атаку, но, когда противники сблизилась, на луну напозло облако. А когда луна снова выглянула, бойцы стояли друг против друга, как и прежде, опустив головы и громко всхрапывая.

Два часа я просидел на берегу, глядя на бой гигантов в неверном свете луны, в хаосе взбаламученной воды и песка. Насколько я мог судить, старому самцу приходилось плохо, и мне было очень его жаль. Он напомнил мне некогда прославленного боксера, который, потеряв гибкость и заплыв жиром, вышел на ринг, заранее зная, что проиграет бой. Молодой соперник, более легкий и ловкий, без труда уворачивался от него, каждый раз оставляя отметины зубов на плече или загривке старика. На заднем плане самки следили за схваткой, переключая уши, как семафоры, и по временам разражались громким похоронным хором: то ли сочувствовали старику, то ли поощряли его удачливого соперника, то ли просто восхищались зрелищем. Наконец, прикинув, что сражение продлится еще не один час, я поплыл обратно в деревню и лег спать.

Проснулся я, когда рассвет едва забрезжил над горизонтом; гиппопотамов уже не было слышно. Должно быть, бой закончился. Мне очень хотелось, чтобы победил старый самец, да только не очень-то в это верилось, по правде говоря. В то же утро об исходе сражения доложил один из моих охотников: оказалось, что тушу старого самца прибило к берегу реки мили на две ниже по течению, в развилке песчаной отмели. Я отправился поглядеть и пришел в ужас - так немилосердно было исполосовано его массивное тело клыками молодого самца. Плечи, шея, тяжелый подвес, болтавшийся под нижней челюстью, бока, брюхо - все тело было покрыто зияющими рваными ранами, и мел-

кая вода возле туши все еще краснела от крови.

Вместе со мной пришла и вся наша деревня в полном составе: для них это был настоящий праздник - еще бы, гора мяса словно с неба упала. Они стояли вокруг молча, с любопытством глазей, пока я осматривал труп старого самца, но стоило мне кончить осмотр и отойти, как они налетели на него, словно муравьи, вопя и толкаясь, размахивая ножами и мачете. Глядя, как громадную тушу гиппопотама разносят на мелкие кусочки изголодавшиеся люди, я подумал, не слишком ли дорогой ценой приходится животным платить за продление своего рода.

Про человека, чересчур романтически настроенного, говорят, что у него "горячая кровь"; а вот в мире животных самые поразительные "любовные" подвиги совершают как раз холоднокровные существа. При виде обычного крокодила, бревном лежащего на бережку и с застывшей сардонической улыбкой немигающим взором созерцающего текущую мимо речную жизнь, можно подумать, что из него получится довольно-таки холодный любовник. Однако в подходящее время, в подходящем месте и в присутствии подходящей дамы он бросается в битву за ее "руку"; два самца, щелкая зубами и взбивая воду хлещущими хвостами, клубятся в схватке. Под конец победитель, воодушевленный победой, начинает кружиться в диковинном танце на поверхности реки, задрав нос и хвост, прерывисто взрывывая, как сирена маяка в тумане; должно быть, таков крокодилий вариант старинного вальса.

А вот терапины, или водяные черепахи, придерживаются, как видно, мнения, что, "чем больше женщину мы лупим, тем больше нравимся мы ей". У одного из видов этих маленьких рептилий когти на передних лапах сильно удлинены. Когда плавающий самец заметит подходящую самочку, он оттесняет ее от других и в сторонке принимается колотить ее по голове своими длинными когтями, да так быстро, что они сливаются, мелькая, как спицы в колесе. Самочка, судя по всему, нисколько не обижается; может быть, ей даже приятно. Но как бы то ни было, самочка, даже если она черепаха, не может сразу уступить первым знакам внимания со стороны самца. Она должна хотя бы ненадолго напустить на себя вид неприступной добродетели, поэтому вырывается из его объятий и уплывает. Самец, распаленный до неистовства, бросается со всех лап вдогонку, опять оттесняет ее в сторонку и снова задает ей взбучку. И ему приходится повторять это несколько раз, пока самочка не согласится жить с ним, так сказать, одним домом. Что ни говори, а терапин - честное пресмыкающееся: он нелицемерно дает понять с самого начала, каков у него нор. Самое интересное, что самочку нисколько не тревожат эти несколько порывистые манеры. Они ей кажутся даже приятными и не лишены оригинальности. Но ведь на вкус и цвет товарищей нет, даже среди людей.

Но высшую ступеньку на пьедестале почета я бы присудил насекомым настолько разнообразны и поразительно нестандартны их любовные ухищрения. Вот, например, богомол - вы только взгляните на выражение его "лица", и вас уже не удивят никакие странности частной жизни этих существ. Маленькая головка с громадными выпуклыми глазами над заостренным носиком, на котором вибрируют короткие усики; а глаза-то, глаза: водянистого, бледно-сломенного цвета, с черными щелочками кошачьих зрачков, придающих им исступленное и безумное выражение. Пара сильных, украшенных страшны-

ми шипами передних ног согнута под грудью в ханжеском смирении, словно в молитве, готовая в любой момент, выбросившись вперед, сжать жертву в объятиях, дробя ее, как зазубренные ножницы.

У богомоллов есть еще одна отталкивающая привычка - присматриваться, потому что они могут поворачивать голову совсем по-человечески; словно в недоумении, они склоняют свою заостренную головку без подбородка набок, глаза на вас дико выпученными глазами. А если вы подкрались сзади, богомол оглядывается на вас через плечо с чрезвычайно неприятным выжидающим видом. Только богомол-самец, думается мне, может найти что-то хоть чуточку привлекательное в самке, и можно, казалось бы, надеяться, что у него хватит ума не доверять невесте с таким "личиком". Увы, ничего подобного - я видел, как один из них, стгорая от любви, сжимал самку в объятиях, и в тот самый момент, когда они осуществляли свой брачный союз, супруга с нежным изяществом обернулась через плечо и принялась буквально есть поедом своего благоверного, с видом гурмана смакуя каждый кусочек, откушенный от его тела, все еще приникшего к ее спинке, причем усики у нее дрожали и трепетали, когда она проглатывала очередной нежный, свеженький комочек.

Паучихи, разумеется, тоже славятся этой неприятной и антиобщественной привычкой пожирать своих мужей, поэтому и для паука ухаживание сопряжено с опасностью для жизни. Если дама проголодалась, то, не успев сделать предложение, жених окажется спеленутым в аккуратный сверточек, и его прекрасная дама высосет из него все соки. У одного вида пауков самцы выработали специальный ритуал, который позволяет им подобраться достаточно близко к самке, чтобы, поглаживая и щекоча, привести ее в благодушное настроение и при этом не попасть ей на закуску. Самец является с небольшим подарком - мухой, например, - тщательно упакованным в шелковистый кокон. Пока самка возится с угощением, он подбирается сзади и поглаживает ее, доводя до легкого транса. Случается, что ему удается удрать после свадьбы, но по большей части в конце медового месяца его постигает иная судьба воистину, путь к сердцу паучихи лежит через ее желудок...

Самец другого вида пауков выработал еще более хитроумный способ обуздания своей кровожадной супруги. Подкравшись к ней, он тихонько поглаживает ее лапками, пока она, как это свойственно паучихам, не впадает в своеобразное гипнотическое состояние. Тогда самец, не теряя ни секунды, ловко прикрепляет ее к земле прочной паутиной, так что, опомнившись от транса на этом брачном ложе, она не может слопать своего мужа, как завтрак в постели, пока не выпутается из тенет. Обычно он успевает удрать.

Если хотите быть свидетелем действительно экзотического романа, совсем не обязательно пускаться в путешествие по тропическим джунглям - достаточно выйти на собственный задний дворик и осторожно подкрасться к самой обыкновенной улитке. Семейный уклад здесь так же замысловат, как сюжет современных романов, а все потому, что улитка - существо гермафродитное, то есть двуполое: она играет, так сказать, двойную роль в брачных церемониях и при спаривании. Но мало того - улитка обладает еще одной, более замечательной особенностью. У нее на теле есть небольшая, похожая на мешочек полость, в которой из углекислого кальция формируется крохотная листообразная пластинка - ее называют в народе "стрела любви". Когда одна улитка - напомним, сочетающая мужской и женский пол - встречается с другой,

тоже обоеполой, они приветствуют друг друга самым диковинным образом. Они колют друг друга "стрелами любви", которые входят глубоко в плоть и очень быстро рассасываются. Очевидно, эта забавная дуэль не так уж неприятна, как может показаться; "стрела", втыкаясь в бок улитки, явно доставляет ей удовольствие - может быть, изысканное щекочущее ощущение. Но как бы там ни было, эта предварительная игра создает у улиток подходящее настроение для серьезного дела - продолжения рода. Сам-то я не занимаюсь садоводством, но, будь я огородником, у меня не хватило бы духу уничтожать улиток, даже если бы они ели мои овощи. По-моему, существо, которое не нуждается в Купидоне, а носит с собой собственный колчан с любовными стрелами, стоит целой грядки скучной, бесстрастной капусты. И угощать такого гостя в своем огороде большая честь.

Животные-архитекторы

Как-то раз я получил посылочку от приятеля из Индии. В коробке лежала записка: "Держу пари - ты не знаешь, что это такое". Я нетерпеливо, стора от любопытства, отогнул верхний слой обертки и увидел нечто сильно напоминающее два листа, неумело сметанные на живую нитку.

Свое пари мой друг проиграл. Стоило мне взглянуть на крупные, неровные стежки "через край", как я понял: это гнездо птицы-портного, которое я давным-давно жаждал увидеть. Листья дюймов шести в длину, по форме похожие на лавровые. Сшитые по краям, они напоминали сумочку с прорехой на дне. Внутри сумочки было устроено уютное гнездышко из сена и мха, а в нем лежали два маленьких яичка. Птица-портной - из мелких пернатых, размером она с синичку, но клюв у нее длинный. Это и есть ее "швейная игла". Облюбовав пару подходящих листьев, висящих рядом, портной сшивает их настоящей хлопковой нитью. Самое любопытное даже не то, что птица ухитряется сшить листья, а то, где она берет хлопок, чтобы ссучить нитку? Некоторые знатоки уверяют, что птица и прядет сама, другие считают, что готовый материал добывается где-то "на стороне", а вот где именно - никто не знает. Как я уже говорил, стежки получаются довольно крупными и не очень-то красивыми, но признайтесь, много ли вы встречали людей, которые сумели бы сшить пару листьев, пользуясь вместо иголки клювом?

В мире животных строительное мастерство исключительно разнообразно. Разумеется, одни животные понятия не имеют о том, что такое приличный дом, зато другие строят комфортабельные жилища сложнейшей конструкции. Удивительно, что у самых близких родственников можно наблюдать неисчерпаемое разнообразие вкусов во всем, что касается архитектурного стиля, расположения и размеров гнезда, а также выбора строительных материалов.

Само собой, у птиц можно найти гнезда любых форм и размеров. Они варьируют от листовенной колыбельки птицы-портного до полного отсутствия гнезда, как у императорского пингвина: ведь вокруг ничего нет, кроме снега. Пингвины просто носят яйцо на тыльной стороне широкой плоской лапы, прикрывая его складкой кожи на брюшке. А стрижи саланганы лепят свое хрупкое чашевидное гнездышко из собственной слюны, иногда с примесью веток или лишайников, прилепляя его к стене пещеры. Разнообразие гнезд у африканских ткачей совершенно поразительно. Один из видов обитает в колониальных гнездовьях: размером с хорошую копну сена, они смахивают на многоэтажные дома, где каждая семья имеет собственную квартиру. В колос-

сальных гнездовьях порой кроме законных хозяев обитает превеликое множество разных квартирантов. Там любят селиться змеи, лемуры и белки. Если такое коммунальное гнездо разорить, можно найти богатейшую коллекцию живых существ. Стоит ли удивляться, что порой деревья подламываются под тяжестью грандиозных сооружений. Обыкновенные общественные ткачи, обитающие в Западной Африке, плетут круглое, аккуратное гнездышко, похожее на корзиночку из пальмовых волокон. Селятся они тоже колониями и подвешивают свои гнезда к каждому мало-мальски подходящему сучку на одном дереве, и подчас кажется, будто оно принесло невиданный урожай каких-то диковинных плодов. Пестрые крикливые обитатели этих коммунальных квартир совсем как люди занимаются уходом, высиживают яйца, вскармливают потомство и переругиваются с соседями, словно в густонаселенном муниципальном доме.

Строя гнезда, ткачи не только превзошли других птиц в мастерстве плетения - они научились даже узлы завязывать! Их гнезда накрепко привязаны к веткам, и оторвать их удается не сразу. Однажды я наблюдал за ткачиком, закладываящим, так сказать, фундамент своего гнезда, - это было нечто поразительное. Он решил подвесить гнездо на кончике тонкой веточки в середине кроны и полетел к ветке с длинным пальмовым волокном в клюве. Когда он опустился на ветку, она заходила под ним ходуном - он едва удерживался, хлопая крыльями. Наконец, кое-как уравновесившись, он принялся вертеть в клюве пальмовое волокно, пока не перехватил его точно посередине. Затем попытался обернуть волокно вокруг ветки, чтобы оба конца свисали с одной стороны, а петля - с другой. Ветка качалась, и ткачик два раза ронял волокно - приходилось лететь вниз, подбирать, но все же он ухитрился перекинуть волокно через ветку, как ему хотелось. Тогда он прижал волокно лапкой, чтобы не сползло, а сам нагнулся вниз головой, рискуя свалиться, и, пропустив свободные концы волокна в петлю, туго затянул их клювом. Затем он еще несколько раз слетал за новыми волокнами и повязал их на ветку. Целый день он сновал туда-сюда, пока на ветке не оказалось двадцать или тридцать крепко привязанных волокон, свисавших вниз странной бородой.

К сожалению, дальнейшие стадии постройки гнезда я пропустил и увидел его уже пустым - должно быть, самка вывела птенцов и улетела. Гнездо напоминало бутылку с узким круглым входным отверстием, прикрытым навесиком, сплетенным из пальмовых волокон. Я попробовал было оторвать гнездо от ветки, но не тут-то было - пришлось ломать всю ветку. Потом я попробовал "взломать" гнездо и заглянуть внутрь. Но пальмовые волокна были так крепко переплетены и запутаны, что понадобилась уйма времени и сил, чтобы их разорвать. Подумать только: птица соорудила эту потрясающую конструкцию без всяких инструментов, при помощи клюва и пары лапок!

Четыре года назад, приехав в Аргентину, я заметил, что в пампе почти все пни или столбы заборов были увенчаны диковинными глинобитными сооружениями, по размерам и форме напоминающими футбольный мяч. Поначалу я принял их за гнезда термитов: очень уж они напоминали подобные сооружения, встречающиеся повсюду в Западной Африке. Но только когда я увидел восседающую на верхушке одного гнезда маленькую осанистую птичку размером с нашу малиновку, с буровато-коричневой спинкой и серой манишкой, я понял, что это - гнезда печников.

Как только мне попало брошенное гнездо, я осторожно разрезал его пополам и рассмотрел, поражаясь искусству строителя. Мокрая глина была замешана вместе со стебельками сена, корешками и шерстинками, что придавало конструкции дополнительную прочность. Стенки гнезда были примерно в полтора дюйма толщиной. Снаружи оно не отделано - не оштукатурено, так сказать, - но изнутри выглажено и отполировано до зеркального блеска. Входом в гнездо служило небольшое отверстие в виде арки, напоминающей церковные ворота, а вело оно в узкий коридор, огибавший наружный край гнезда и кончавшийся круглой гнездовой камерой, выстланной мягкими корешками и пухом. Все вместе сильно смахивало на спиральную раковину.

Как я ни старался найти хоть одно гнездо в процессе стройки, обследуя громадные пространства, мне не везло - у всех птиц уже вывелись птенцы. Но все же одно незаконченное гнездо я отыскал. В Аргентине печники встречаются повсеместно и очень напоминают нашу английскую малиновку - так же склоняют набок голову, разглядывая вас блестящими темными глазками. Пара птичек, занятая постройкой гнезда, не обращала на меня ни малейшего внимания при условии, что я не подходил ближе чем на двенадцать футов. Но иногда то одна, то другая пичужка подлетала поближе, внимательно рассматривала меня, склонив голову набок, потом встряхивала крыльшками, как будто пожимала плечами, и возвращалась строить гнездо. Как я уже сказал, оно было достроено только до половины и прочно закреплено на столбе изгороди, как на фундаменте; стены и внутренняя стенка коридора уже были выведены на высоту в четыре-пять дюймов. Оставалось только покрыть все строение куполообразной крышей.

Ближайшее место, где можно было набрать влажной глины, находилось примерно в полумиле от гнезда, на берегу неглубокого залива. Птички прыгали у самой воды, сустились, хотя не теряли чувства собственного достоинства, и то и дело пробовали клювом глину. Глина требовалась строго определенной консистенции. Отыскав подходящее местечко, птицы начинали весело прыгать вокруг, собирая мелкие корешки и кусочки травы; казалось, что из битком набитых клювиков вдруг выросли длинные моржовые усы. С грузом этой растительной арматуры птички отправлялись на облюбованное местечко и ухитрялись, не выпуская ее из клюва, с ловкостью цирковых жонглеров набрать еще и порядочное количество глины. Забавными движениями клювов они прессовали полученную массу, и их "моржовые усы" принимали чрезвычайно неряшливый, запущенный вид. Тогда птички с приглушенным, но торжествующим писком летели обратно к гнезду. Лепешку из глины помещали в намеченное место на стенке и до тех пор утаптывали, укладывали и приколачивали ее клювом, пока она не сливалась с готовой стенкой в одно целое. Затем птицы забирались в гнездо и наводили лоск на новый участок, выглаживая его клювами, грудками и даже наружной стороной крыльев, чтобы добиться требуемого зеркального блеска.

Когда осталось доделать только самую верхушку крыши, я принес на берег озера несколько ярко-алых шерстяных нитей и разбросал возле того места, где печники добывали глину. Немного времени спустя я подошел к заливу и с величайшей радостью увидел, что печники уже собрали мои нитки. Потрясающее зрелище: маленькие буроватые птички с ярко-алыми усами! Они вмонтировали шерсть в верхушку гнезда, и я уверен, такое гнездо, увенчанное чем-то

вроде приспущенного красного вымпела, было единственным во всей пампе.

Птицу-печника можно назвать мастером-строителем: ведь его гнездо можно разбить только молотком, да еще не с одного удара. Некоторые голуби бросаются в другую крайность: они не имеют ни малейшего понятия о том, что такое приличное гнездо. Четыре-пять прутиков, как попало приткнутых на ветке, кажутся среднему голубю сверхсложным архитектурным сооружением. На эти ненадежные помосты и откладываются яйца - обычно не более двух. Стоит ветру повеять в кроне, как дурацкое гнездышко начинает трястись и качаться того и гляди, яйца вывалятся на землю. Как голубиной паре удастся вырастить хотя бы одного птенчика, до сих пор не пойму.

Я прекрасно знал, что голуби - никудышные, бестолковые строители, но о том, что их гнезда могут оказаться опасными для натуралиста, не догадывался. В Аргентине мне пришлось это испытать на собственном опыте. Я набрел на небольшой лесок на берегу реки в окрестностях Буэнос-Айреса. Все деревья, высотой не больше тридцати футов, были так густо усеяны голубиными гнездами, что образовалась настоящая колония. На каждом дереве было по тридцать, а то и по сорок гнезд. Проходя под деревьями, я видел сквозь небрежно набросанные ветки то толстое брюшко птенца, то поблескивающую скорлупу яиц. Гнезда казались такими непрочными, что мне хотелось идти на цыпочках - как бы ненароком не нарушить своими шагами и без того ненадежное равновесие.

В глубине леска я увидел дерево, отягощенное массой гнезд, но по неизвестной причине покинутое голубями. На самой верхушке дерева заметил кучу веток и листвы: бесспорно, это было чье-то гнездо, и явно не голубиное. Я подумал - а не хозяин ли сего безобразного нагромождения ветвей распугал голубей? Решил влезть на дерево и взглянуть, дома ли хозяин. К несчастью, я осознал свою ошибку, когда взмогился уже достаточно высоко: за малым исключением, во всех гнездах на дереве остались брошенные яйца, и каждое мое движение обрушивало мне на голову целый водопад из голубиных яиц - они разбивались, оставляя на куртке и брюках подтеки желтка и кусочки битой скорлупы.

Я бы к этому в общем притерпелся, если бы не то, что яйца успели основательно протухнуть, и когда я, обливаясь потом, добрался до верхушки, то благоухал, как дубильная мастерская и сточная канава, вместе взятые. Мало того - перенесенные страдания оказались напрасными: обитателя в гнезде не было. Мое восхождение ничего мне не принесло, кроме обильного орошения тухлыми яйцами, отчего я так благоухал, что мне мог позавидовать даже скунс. Я проделал весь трудный путь в обратном направлении, мечтая добраться до земли и закурить наконец сигарету: может быть, она заглушит несусветную вонь. Земля под деревом оказалась густо усеянной битыми яйцами, между которыми кое-где были с несомненным художественным вкусом разбросаны полуразложившиеся трупы голубиных птенцов. Я выскочил на открытое место со всей доступной мне резвостью; облегченно вздохнув, уселся поудобнее и полез в карман за сигаретами. С раскисшей пачки капало содержимое яйца. Пока я карабкался наверх, какое-то шальное яйцо неведомо как закатилось ко мне в карман и разбилось. Пропали мои сигареты! Пришлось идти целых две мили без единой сигареты, вдыхая густую вонь тухлых яиц, а выглядел я так, словно принимал участие в конкурсе на приготовление

омлетов и провалился. С тех пор, признаться, я недолюбливаю голубей.

Млекопитающие в целом не могут сравниться с птицами по части строительства, хотя и среди них встречаются истинные мастера.

К примеру, барсук строит очень сложное жилище, и порой его нору достраивают следующие поколения. Со временем она становится похожа на сложнейшую систему подземных галерей, переходов, тупичков, спален, детских и столовых.

Другой мастер строительного дела - бобр, возводящий свою хатку наполовину в воде, наполовину под водой. Его толстостенное сооружение из скрепленных глиной сучьев имеет "подземный" ход. Он может входить и выходить из гнезда даже зимой, когда озеро покрыто льдом. Бобры умеют рыть каналы и сплавляют по ним к озеру деревья, которые валят далеко от берега - для пропитания или на починку плотин. Плотины - настоящие архитектурные шедевры. Эти массивные сооружения из глины и скрепленных в сплошную массу древесных стволов простираются порой на многие сотни метров. Малейшую пробоину в плотине бобры поспешно заделывают, опасаясь, что вода уйдет, оставив открытыми входы в их хатки, куда могут проникнуть хищники. Все эти хатки, каналы, плотины заставляют думать, что бобры - необычайно смысленные и рассудительные существа. Должен вас разочаровать: к сожалению, это вовсе не так. Судя по всему, потребность строить у них настолько сильна, что ни один уважающий себя бобр не может с ней бороться, даже когда в строительстве нет никакой надобности: в вольере с большим бетонированным бассейном они методично и старательно воздвигают плотину поперек "озера", чтобы удержать в нем воду. Но самые непревзойденные строители, несомненно, насекомые; достаточно взглянуть на соты обыкновенной пчелы с их изумительной красотой и геометрической правильностью. Насекомые создают самые удивительные жилища из великого множества строительных материалов - дерева, бумаги, воска, глины, шелка, песка, богатство архитектурных стилей также поразительно.

В Греции, где прошло мое детство, я, бывало, часами бродил по берегу, разыскивая гнезда пауков-немезий. Эти гнезда - наиболее поразительные и прекрасные из всех шедевров архитектуры. Сам паук с расправленными лапками уместится на двухшиллинговой монете, и кажется, что он покрыт блестящей шоколадной глазурью. У него крепко сбитое тельце и сравнительно короткие лапы; с первого взгляда вы ни за что не признаете в нем мастера тончайшей, филигранной работы. Однако неуклюжие на вид пауки копают в прибрежной земле норы глубиной около шести дюймов, диаметром с шиллинг. Норки тщательно выстилаются паутиной и после окончательной отделки выглядят как туннели из чистого шелка. Но самая главная достопримечательность всего сооружения шарнирная крышечка, "откидная дверца" норки. Она круглая, с аккуратно скошенным краем и плотно прилегает к краю норки. "Дверца" держится на шелковой "пружинке", а снаружи замаскирована кусочками мха или лишайника, поэтому закрытая норка абсолютно незаметна на земле. Если хозяина нет дома, и вы откинете крышечку, то увидите на ее шелковой обивке аккуратные черные точки. Это, так сказать, ручки, в которые паучиха запускает коготки, чтобы накрепко запереть дверь от непрошенных гостей. Единственное существо, которое не придет в восторг от красоты дворца немезии, - это самец-паук: когда он, приподняв откидную дверцу, вхо-

дит в шелковый туннель, для него этот дом становится не только свадебным чертогом, но и гробницей. Проникнув в темную глубину и совершив свою миссию, бедняга обречен на съедение.

Впервые я наблюдал за животными-строителями, когда мне было лет десять. Я тогда страстно увлекался жизнью пресных вод и все свободное время бродил по мелким прудам и ручейкам, вылавливая сачком массу всякой мелкой живности и расселяя ее по банкам из-под варенья в своей комнате. В одной из банок у меня жили многочисленные личинки ручейников. Эти занятные, похожие на гусениц существа окутывают себя шелковистым чехлом вроде кокона, открытого с одной стороны, а снаружи покрывают его разным подручным материалом, который, как они полагают, наилучшим образом подходит для камуфляжа. Мои ручейники выглядели скучными замарашками - я выловил их из довольно грязной лужи. Их домики были облицованы снаружи убогими клочками мертвых водорослей.

Но меня уверяли, что, если я выгоню ручейников из их чехлов и посажу в банку с чистой водой, они спрядут себе новые чехлики и украсят их любым материалом, который им подложат. Я не очень-то этому верил, но решил провести эксперимент. Взял четырех личинок ручейника и вытурил возмущенно извивающихся хозяев из их домиков. Затем я поместил их в банку с чистой водой и бросил на дно горсть крохотных выцветших морских ракушек. Я был поражен и восхищен, когда личинки поступили точно так, как предсказывал мой друг, и выстроили себе домики, похожие на филигранные игрушки из морских ракушек.

Я пришел в неопишуемый восторг и, признаюсь, заставил несчастных личинок потрудиться. Я снова и снова вынуждал их строить домики, облицованные все более и более невероятными материалами. Вершиной моих достижений стало вот какое открытие: если личинок пересадить в новую банку с другим дном, когда их кокон еще не закончен, можно заставить их строить домик с полосатым покрытием! Я получил довольно странное сочетание. Одна личинка, например, жила в домике, наполовину облицованном великолепными морскими ракушками, а наполовину - кусочками угля. Но самых сногсшибательных результатов я добился, заставив трех личинок украсить свои домики кусочками голубого стекла, красного кирпича и белыми ракушками. Мало того, эти цвета были расположены полосами - признаюсь, довольно неровными, - но как-никак это были отчетливые полосы!

С тех пор прошло много лет, и у меня перебивало множество животных, которыми я мог гордиться, но не припомню случая, когда бы я так раздувался от гордости, как в то лето, показывая друзьям своих красно-бело-голубых личинок ручейника. Пожалуй, бедные существа, вылупившись, с глубоким облегчением вылетели из своих домиков, чтобы навсегда забыть о квартирных мытарствах.

Войны у животных

Помню, в Греции я лежал на залитом солнцем, поросшем причудливыми оливами и миртовым кустарником склоне холма, наблюдая за долгим и кровопролитным сражением, разыгравшимся у самых моих ног. Собственно говоря, мне сказочно повезло: я стал военным корреспондентом - свидетелем великой битвы. Мне довелось наблюдать такую битву всего раз в жизни, и я ни за что на свете не согласился бы ее пропустить.

В сражении принимали участие две армии - армии муравьев. Одна блестящие кроваво-красные муравьи - наступала, а другая - муравьи угольно-черного цвета - оборонялась. Может быть, я так и не стал бы свидетелем боевых действий, если бы в один прекрасный день не наткнулся на муравейник, который показался мне чрезвычайно странным. В нем обитали два вида муравьев - красные и черные, которые, судя по всему, прекрасно уживались друг с другом. Раньше я таких муравейников не видывал и тут решил побольше разузнать о муравьях. Оказалось, что красные - настоящие хозяева муравейника - носят звучное имя "красные муравьи-рабовладельцы", а черные "рабы", которых первые захватили и поработили еще в виде "яичек", точнее, куколок. Прочитав о привычках "рабовладельцев", я стал внимательно наблюдать за гнездом в надежде увидеть, как они отправляются в грабительский набег за "рабами". Прошло несколько месяцев, и я пришел к выводу, что в этом муравейнике или слишком ленивые хозяева, или "рабов" более чем достаточно для всеобщего благоденствия.

Замок "рабовладельцев" высился среди корней оливы, а футов на тридцать ниже по склону холма было расположено жилище черных. Однажды утром, проходя мимо муравейника черных, я заметил, что группы красных бродят всего в тридцати сантиметрах от чужого дома, и остановился посмотреть. Красных муравьев было десятка три-четыре, и они, рассыпавшись, ползали на большой площади вокруг муравейника. Было сразу видно, что они не разыскивают пищу в их движениях не было обычной стремительности и деловитости.

Они бродили вокруг, иногда взбираясь на стебелек травы и застывая в задумчивости - только усики шевелятся. То и дело двое сталкивались и затевали, судя по всему, оживленную беседу, скрепящую усики-антенны. Мне пришлось довольно долго наблюдать за ними, чтобы догадаться, что они тут делают. Красные вовсе не слонялись без дела; как стая гончих, они тщательно обследовали окружающую местность, изучая каждый клочок земли, по которому предстояло пройти их армии. Черные муравьи явно были обеспокоены. Случалось, что один из них подбегал к красному муравью, а затем удирал со всех ног и присоединялся к одной из многочисленных групп своих сородичей - они собрались кучками тут и там, по всей видимости, держали военный совет. Красные муравьи производили глубокую разведку местности целых два дня, и я уже было решил, что они сочли город черных муравьев слишком неприступным. Но однажды утром я заметил, что военные действия уже начались.

Разведчики красных в сопровождении нескольких небольших отрядов подступили под самые стены муравейника черных, и в двух-трех футах от него уже завязывались небольшие потасовки. Черные муравьи бросались в бой, очертя голову, а красные продвигались вперед медленно, но неуклонно, хватая каждого подвернувшегося черного муравья и мгновенно прокусывая его голову или грудь мощными смертоносными челюстями.

С холма спускалась целая армия "рабовладельцев" - ее главные силы были уже на полдороге между муравейниками. Примерно через час они подошли на метр к жилищу черных и разделились на три колонны с такой великолепной военной точностью, что я был просто потрясен. Одна колонна продолжала маршировать прямо, а две другие развернулись и обошли муравейник с

флангов, захватывая его в "клещи". Мне казалось, что я чудесным образом вознесся на громадную высоту и наблюдаю оттуда за полем какой-то исторической битвы - битвы при Ватерлоо, например. Я мог одним взглядом окинуть расположение армий агрессоров и защитников муравьиного города, видел, как резервные когорты спешно подтягиваются, прячась в высокой траве; видел, как две штурмовые колонны обходят муравейник с флангов, пока черные муравьи, ничего не подозревая, бросили всю живую силу навстречу средней колонне. Было яснее ясного, что, если черные муравьи в считанные минуты не обнаружат, что их обходят и вот-вот возьмут в кольцо, для них все будет кончено. Мою душу раздирали противоречивые чувства - конечно, хотелось прийти на помощь черным, но куда сильнее было желание наблюдать за естественным ходом событий, не вмешиваясь. Все же, пытаюсь помочь, я взял одного черного муравья и перенес поближе к одной из обтекавших муравейник колонн, но его прикончили в мгновение ока, и меня охватило тягостное чувство вины.

Но черные наконец-то заметили, что их аккуратно берут в кольцо. Это посеяло в их рядах страшную панику: они толпами метались в полной растерянности, а некоторые даже бросались прямо навстречу врагам и тут же погибали. Но другие, очевидно сохранявшие самообладание, пустились в недра гнезда и принялись эвакуировать яйца, складывая их в тылу - за муравейником, подальше, так сказать, от мародеров. К ним присоединялись все новые члены муравьиной семьи, хватали яйца и пытались унести их в безопасное место. Но было уже поздно.

Фланговые колонны "рабовладельцев", маршировавшие парадным строем, внезапно хлынули во все стороны и затопили пространство вокруг муравейника шуршащей, неудержимой красной волной. Повсюду образовались кучки дерущихся муравьев. "Рабовладельцы" догоняли хозяев муравейника, окружали их и заставляли выпустить куколки, зажатые в челюстях-жвалах. При малейшей попытке сопротивления черных сразу же приканчивали; но более робкие спасали свою жизнь, мгновенно бросая ношу при виде красного воина. Вся земля вокруг муравейника была усеяна мертвыми и умирающими муравьями обоих видов, между трупами бессмысленно метались черные муравьи, а "рабовладельцы", подобрав все яйца, отправились восвояси - к цитадели, расположенной выше по склону. Тут и мне настала пора покинуть поле боя - стало слишком темно, и я ничего не мог разглядеть.

На следующий день я прибежал спозаранку, но битва уже завершилась. Муравейник черных опустел, только бесчисленные мертвые тела устилали его склоны. Нигде не было видно ни черных, ни красных войск. Я понесся к муравейнику красных и успел еще увидеть последние ряды подтягивающегося "обоза" - каждый муравей бережно нес в челюстях свой трофей - муравьиное "яйцо". У входа в муравейник их восторженно приветствовали черные "рабы": они касались "яиц" своими антеннами, суетились вокруг хозяев - короче говоря, были вне себя от радости, приветствуя победителей собственных родичей. Все это неприятно задело меня: уж очень они напоминали людей...

Может быть, не совсем справедливо приписывать животным увлечение войнами: они по большей части достаточно умны, чтобы не развязывать войну в нашем, человеческом, смысле. Муравьи, конечно, исключение, особенно "рабовладельцы". Но почти все остальные живые существа или защищаются

от врага, или нападают на добычу ради пропитания - вот и все их "войны".

Увидев своими глазами грабительский набег "рабовладельцев", я восхищался их военной стратегией, но никакой симпатии к ним уже не испытывал. Я даже обрадовался, когда узнал, что существует некое "подпольное" движение, уничтожающее их. Это "муравьиные львы". Взрослое насекомое похоже на стрекозу, оно хрупкое и совершенно безобидное. Но в детстве, так сказать, это воздушное создание представляет собой прожорливое чудовище и завлекает в свою хитрую ловушку многих насекомых, в подавляющем большинстве - муравьев.

Личинка - толстое, почти круглое существо с большой головой, вооруженной громадными, похожими на клещи челюстями. Она закапывается в наиболее податливую песчаную почву, устраивая в ней круглую воронку, похожую на кратер вулкана. На самом дне, затаившись в песке, личинка и поджидает свою жертву. Долго ждать не приходится: какой-нибудь муравей, как всегда, со свойственным муравьям занятым видом мчится куда-то и впопыхах валится в яму, вырытую "муравьиным львом". Опомившись, муравей пытается выкарабкаться, но не тут-то было - сыпучий песок не выдерживает веса насекомого. Тщетно бьется муравей у края кратера, а оползающие из-под его лапок песчинки скатываются на дно и пробуждают коварного убийцу, притаившегося под землей. Пользуясь широкой головой и челюстями, как ковшом экскаватора, он осыпает ураганным огнем песка и гравия несчастного муравья, отчаянно старающегося выбраться на край кратера. Земля так и струится у него из-под лапок, летящие снизу песчинки, как кучный заряд дроби, сбивают с ног, муравей скатывается на дно, где песок под ним раздвигается, как занавес, и он попадает прямо в нежные объятия "муравьиного льва", точнее, в его страшные челюсти. Постепенно бьющийся муравей, отчаянно отмахиваясь лапками, исчезает, будто засосанный зыбучим песком, и через несколько секунд кратер совершенно пуст - мирная картина! - но в его недрах "муравьиный лев" высасывает жизнь из своей жертвы.

Другое существо пользуется своеобразной "стрельбой из пулемета", чтобы сбить свою жертву. Это брызгун - довольно красивая рыбка, обитающая в реках Азии. У брызгуна выработался хитроумный способ сбивать добычу - мух, разных бабочек и прочих насекомых. Рыбка тихо плавает под водой у самой поверхности, пока не заметит насекомое, опустившееся на лист или на низко нависающий над водой стебель. Тут рыбка осторожно подкрадывается к жертве. Подобравшись "на расстояние выстрела", она останавливается, прицеливается и с пугающей неожиданностью выстреливает в добычу целый фонтанчик крохотных брызг. Эта водяная дробь бьет поразительно метко: ошеломленное насекомое, сбитое с листа, падает в воду, секунда - рыбка подплывает снизу, небольшой водоворот, похожее на поцелуй чмокание - и насекомое бесследно и безвозвратно исчезает.

Когда-то я работал в зоомагазине в Лондоне, и однажды в числе прочей живности мы получили брызгуна. Он пленил меня с первого взгляда, и я с разрешения старшего продавца написал плакатик о его забавных привычках, тщательно оформил аквариум, пустил туда рыбку и выставил в витрине на всеобщее обозрение как главную приманку. Рыбка имела громадный успех, да только вот все зрители непременно хотели видеть, как она охотится, а это показать было не очень-то легко. Затем меня осенило. Через несколько домиков

от нас была рыбная лавка, и я решил, что можно без особого зазрения совести позаимствовать у них некоторое количество жирных жужжащих мух. Я подвесил над аквариумом брызгуна кусок изрядно протухшего мяса и оставил наружную дверь магазина открытой. Продавцу я об этом не докладывал. Пусть, думаю, будет для него сюрприз. Это был сюрприз, да еще какой!

Когда начальство явилось, в магазине толклись тысячи мух. Брызгун блаженствовал, как никогда в жизни, и я смотрел на него изнутри, а человек пятьдесят - шестьдесят - снаружи витрины. Продавец пришел одновременно с полисменом. Тому было плевать на зоологию, а хотелось скорее узнать, с чего это народ толпится на самом ходу на тротуаре. Я был крайне удивлен, когда продавец (он же, кстати, и хозяин), нисколько не восхищенный моей изобретательностью в оформлении витрины, переметнулся на сторону полиции. В довершение всего хозяин, наклонившись над аквариумом, чтобы отцепить подвешенный мною кусок мяса, получил полный заряд водяной дроби в лицо брызгун норовил сбить прямой наводкой особенно аппетитную муху. Мой хозяин больше никогда не упоминал об этом случае, но с тех пор не разрешал мне прикасаться к витрине, а брызгун в тот же день куда-то исчез.

Разумеется, один из самых распространенных трюков, к которому прибегает безобидное животное, защищаясь от врага-хищника, состоит в том, чтобы убедить его: перед ним ужасное, опасное чудовище, с которым лучше не связываться! Забавный образчик такого поведения мне продемонстрировала выпь - я тогда ловил животных в Британской Гвиане. Эту стройную величавую птицу с длинным тонким клювом один индеец выкормил из рук, и она была совсем ручная. Я разрешил ей бродить на свободе весь день и только на ночь запирали в клетку. Выпь одета в прелестное оперение всех оттенков осеннего леса, и когда она стоит неподвижно на фоне желтой листвы, то исчезает с глаз, становится невидимой. Эта небольшая, нежного и хрупкого сложения птичка казалась мне трогательно незащищенной. Однако я ошибался.

Как-то вечером к нам в лагерь зашел охотник в сопровождении трех громадных свирепых охотничьих псов. Один из них, конечно, тут же унюхал выпь, неподвижно застывшую в трансе на опушке леса. Поставив торчком уши и негромко рыча, пес пошел на нее. К нему тут же примкнули два других пса, и вся тройка с наглым видом двинулась к птичке. Птица позволила им подойти почти на метр и лишь тогда соблаговолила обратить на них внимание. Она повернула голову, смерила собак уничтожающим взглядом и повернулась к ним грудью. Псы остановились несколько обескураженные: что делать с птицей, которая встречает вас лицом к лицу, вместо того чтобы удирает со всех ног, истошно вопя? Они подступили ближе. Тут выпь резко нагнула голову, распустила крылья - и перед псами возник веер из перьев. В центре каждого крыла оказалось по красивому пятну (при сложенных крыльях их не было видно), похожее на глазище колоссального филина, уставившегося на врага. Это преобразование стройной и непритязательной птички в нечто смахивающее на расшвирипевшего хищного филина застигло собак врасплох. Они застыли как врытые в землю, еще разок взглянули на колыхающиеся крылья - да как припустят со всех ног! Выпь встряхнулась, аккуратно сложила крылья, поправила несколько сбившихся перышек на груди и снова впала в транс. Было очевидно, что нападение собак ее нимало не встревожило.

Самые оригинальные способы защиты в мире животных "запатентованы"

насекомыми. Они непревзойденные мастера камуфляжа и притворства, строители хитроумных ловушек, им известны сотни способов защиты и нападения. Несомненно, одним из самых нестандартных способов защиты владеет жук-чернотелка.

Некогда я был счастливым владельцем настоящей дикой черной крысы, точнее, небольшого крысенка. Это был удивительно красивый зверек с черным как смоль шелковистым мехом и блестящими черными глазками. Вся его жизнь была посвящена двум занятиям, которым он уделял примерно равное время: наводил лоск на шкурку или ел. Он обожал насекомых независимо от формы и размеров: бабочек, богомол, палочников, тараканов - всех их ожидала одна участь, как только они попадали в клетку обжоры. Самый крупный богомол и тот не мог от него отбиться, хотя и успевал иногда цапнуть врага за нос даже до крови своей зазубренной лапой. Крысенок уплетал его с хрустом, и все тут. Но однажды я нашел наконец насекомое, которое одержало верх над крысой. Это был большой черно-бурый жук, задумчиво сидевший под камнем, который я перевернул из любопытства. Решив, что это лакомый кусочек для крысы, я сунул жука в спичечную коробку и спрятал в карман. Придя домой, я вытащил крысу из гнездышка, где она спала, открыл спичечную коробку и вытряхнул толстого аппетитного жука на пол клетки.

Надо сказать, что крыса справлялась с насекомыми одним из двух способов в зависимости от их вида. С проворными и воинственными насекомыми вроде богомола она не мешкала: прыгала на него и как можно быстрее приканчивала, одним укусом. Но беззащитного и неуклюжего жука она держала в лапках и неторопливо смаковала, похрустывая, как сухариком.

Увидев, что большой жирный жук - редкое лакомство! - бродит прямо у него под носом, крысенок подбежал, быстро схватил его розовыми лапками и уселся на задние лапы с видом гурмана, собирающегося отведать первый в сезоне трюфель. У него даже усики дрожали от нетерпения, когда он подносил лакомство ко рту, но тут случилось нечто неожиданное. Крысенок оглушительно чихнул, бросил жука и отскочил назад, будто его ужалили, потом уселся столбиком и стал лихорадочно тереть лапками нос и мордочку. Я было подумал, что на него просто напал насморк, и это помешало ему съесть добычу. Умывшись, крысенок снова подошел к своей жертве, опасливо взял ее лапками и поднес ко рту. На этот раз он сдавленно фыркнул, уронил насекомое, как горячий уголек, и снова принялся обиженно умываться. Второй попытки оказалось достаточно, чтобы он наотрез отказался подходить к жуку, прямо-таки наводившему на него ужас. Когда жук вразвалочку приблизился к забившемуся в угол хозяину клетки, тот в ужасе отпрянул. Я сунул жука обратно в спичечную коробку и взял его с собой для определения. Тут уж я узнал, что угостил моего злополучного крысенка чернотелкой-бомбардиром! Оказалось, это жесткокрылое, защищаясь, выбрасывает из заднего конца тела струю жидкости, которая в воздухе взрывается как маленькая бомба, распространяя такой едкий и отталкивающий запах, что ни одно животное, получив в нос такой зловонный заряд, ни за что больше не станет трогать "бомбардира".

Мне было совестно перед черным крысенком.

Я представил себе, каково ему было: только взял в лапки аппетитный, жирный кусочек, а он возьми да и взорвись под носом, как граната со слезоточивым газом! Кстати, у бедняги с тех пор образовался, так сказать, комплекс жу-

кобоязни: еще долгое время спустя он со всех ног бросался в свое гнездышко при виде любого жука, даже толстого безобидного навозника. С другой стороны, он был еще молодым крысенком, и, по-моему, ему пришло самое время понять, что в нашей жизни ни о ком нельзя судить по внешнему виду.

Животные-изобретатели

Как-то раз я возвращался из Африки на пароходе, капитан которого, ирландец, животных не любил. Мне явно не повезло: ведь мой багаж в основном состоял из двухсот с лишним набитых разной живностью клеток, расставленных на носу, на колодезной палубе. Капитан - мне кажется, больше шутки ради, чем со зла - то и дело старался меня втравить в спор, понося всех животных вообще и моих в частности. Но я, к счастью, не поддавался на провокации. Во-первых, капитану корабля вообще возражать не стоит, а если капитан еще и ирландец, спорить с ним - значит попросту напрашиваться на неприятности. Тем не менее наше путешествие подходило к концу, и я решил, что капитана следует проучить и сделать это при первой возможности.

Однажды вечером на подходе к Ла-Маншу сильный ветер с дождем согнал нас всех в кают-компанию, и мы слушали радио - рассказывали о радарах (тогда еще это было в новинку и интересовало широкую публику). Глаза капитана лукаво поблескивали, пока он слушал, а когда передача кончилась, обратился ко мне:

- Вот вы тут травили бог весть что про ваших животных. А такие штучки у них есть? Нету! И нечего расписывать, будто они такие умники-разумники.

Сам того не ведая, капитан как нельзя лучше мне подыграл, и я решил расчитаться с ним сполна.

- А вы побьетесь об заклад, - спросил я, - что я не смогу рассказать вам по меньшей мере о двух великих научных изобретениях, которыми животные пользовались задолго до того, как человек вообще обратил на них внимание?

- Гоните четыре изобретения, и я ставлю против вас бутылку виски, заявил мой противник, предвкушая победу.

Я согласился.

- По рукам, - сказал капитан с самодовольной улыбочкой. - Валяйте, полный вперед!!

- Надо бы минутку подумать, - попросил я.

- Ага, - торжествующе пропел капитан, - уже просите пардону!

- Не в том дело, - возразил я, - просто примеров великое множество, надо сообразить, какой лучше.

Капитан смерил меня уничтожающим взглядом.

- А почему бы не начать прямо с радара, а? - издевательски спросил он.

- Ну что ж, можно и с радара, - сказал я. - Мне-то казалось, что это слишком уж примитивно. Но раз вы сами выбрали, пожалуй, начну с радара.

На мое счастье, капитан был весьма далек от биологии, иначе он вряд ли выбрал бы радар. Для меня это был сущий клад: я рассказал о скромной, незаметной летучей мышке.

Многим из нас случалось увидеть у себя в гостиной или в спальне незваного ночного гостя - летучую мышку, и, если человек не перепугается до полусмерти, его непременно приведут в восхищение стремительный, уверенный полет зверька, мгновенные перемены направления и повороты, умение обходить любое препятствие и уворачиваться от запущенных хозяином дома тапо-

чек или полотенец. Кстати, вопреки старинной поговорке летучая мышь во все не слепа. Зрение у летучих мышей отличное, только глаза так малы, что их мудрено разглядеть в густой шерстке. И все же у них не настолько острое зрение, чтобы с его помощью можно было выделять такие головокружительные фигуры высшего пилотажа. Итальянский ученый по имени Спалланцани еще в XVIII веке начал изучать полет летучих мышей. Он пользовался непростительно жестокой методикой, но ослепленные им летучие мыши продолжали летать по-прежнему, избегая любых препятствий.

Тайна полета летучих мышей была разгадана, по крайней мере отчасти, совсем недавно. Когда изобрели радар - прибор, посылающий звуковые волны и обнаруживающий препятствия по отраженному от них эху, - ученые задумались: а не пользуются ли тем же методом летучие мыши? Последовала серия экспериментов, которые принесли поразительные открытия. Для начала нескольких летучих мышей лишили возможности пользоваться зрением, залепив им глаза воском, и они, как всегда, летали совершенно свободно, ни на что не натываясь. Затем выяснилось, что, если залепить им не только глаза, но и уши, они начинают задевать предметы и вообще не отваживаются летать. Когда было залеплено только одно ухо, они еще кое-как летали, но то и дело на что-нибудь натывались. Это доказывало, что летучие мыши получают информацию о препятствиях, воспринимая отраженные от них звуковые волны. Тогда ученые заклеили рты и носы летучих мышей, а уши оставили открытыми. Зверьки опять натывались на препятствия. Значит, рот, нос и уши - все это части единой системы - радара летучей мыши.

Пользуясь чрезвычайно чувствительной аппаратурой, ученые выяснили некоторые факты. На лету летучая мышь испускает непрерывные ультразвуковые сигналы - свертонкий писк, не воспринимаемый человеческим ухом. Как выяснилось, частота этих сигналов - около тридцати "писков" в секунду. Эхо, то есть отраженный от препятствий сигнал, воспринимается ушами зверька, а в некоторых случаях - причудливыми носовыми выростами, благодаря чему летучая мышь узнает о наличии препятствия и определяет расстояние до него. Собственно говоря, это принцип действия радара в чистом виде. Но вот что заставило ученых задуматься: посылая звуковой сигнал от радара, необходимо отключить приемное устройство в момент, когда посылается сигнал, чтобы принимать только эхо. Иначе будет зафиксирован и сам звук, и его отражение, то есть сигналы смешаются и все смажется. Электрическое устройство обеспечивает такое разделение, но как летучие мыши выходят из положения вот вопрос. В конце концов обнаружили почти незаметную мышцу в ухе зверька она-то и помогает справиться с задачей. В тот самый момент, когда зверек издает писк, мышца сокращается, и ухо перестает слышать, после чего мышца вновь расслабляется, и ухо готово принимать отраженный сигнал.

Но самое поразительное во всем этом не то, что каждая летучая мышь имеет свой личный радар (со временем перестаешь поражаться чудесам природы), а то, что зверьки настолько опередили человека. В отложениях раннего эоцена найдены ископаемые летучие мыши, почти ничем не отличающиеся от современных. Выходит, летучие мыши пользуются радаром на протяжении почти пятидесяти миллионов лет. Человек же овладел этой тайной всего несколько десятков лет назад.

Я сразу заметил, что мой первый пример слегка сбил спесь с капитана. Кажется, он был уже не так уверен в себе и боялся проиграть пари. Услышав, что следующий пример будет связан с электричеством, капитан немного приободрился. Он даже расхохотался и заявил, что нипочем не поверит, чтобы у животных были электрические лампочки. Я возразил: я говорю не о лампочках, а об электричестве и могу назвать нескольких животных, которые им пользуются. Вот, например, электрический скат, или "торпедо", - странное существо, похожее на сковородку, расплющенную паровым катком. Скаты исключительно хорошо маскируются; мало того, что их окраска в точности подходит к цвету песчаного дна, у них есть еще и неприятная привычка закапываться в песок, делаясь практически невидимыми. Помню, как-то раз мне пришлось видеть собственными глазами действие электрических органов ската - они занимают довольно большую площадь на его спине. Это было в Греции - я сидел и смотрел, как местный мальчишка ловит рыбу в мелком заливе с песчаным дном. Он брел по колено в прозрачной воде, держа наизготовку трезубец, который рыбаки применяют при ночной ловле. Мальчишка двигался вдоль берега, охота шла как нельзя лучше - он уже наколот на трезубец несколько крупных рыб и небольшого осьминога, прятавшегося в кучке камней. Когда он подошел к тому месту, где я сидел, с ним стало твориться что-то до такой степени странное, что я даже испугался. Он медленно шел вперед, пристально вглядываясь в воду и держа трезубец наготове, но вдруг рывком выпрямился, как по команде "смирно!", и ракетой вылетел из воды вертикально вверх с воплем, слышимым на полмили. Мальчишка плюхнулся обратно в воду, поднял фонтан брызг и тут же, издав еще более душераздирающий вопль, взвился вверх. На этот раз он, упав в воду, уже не смог подняться на ноги и выбрался на берег ползком, подтягиваясь на руках. Когда я подбежал, он лежал навзничь, бледный и дрожащий, и задыхался, будто пробежал с полмили. Я не понял, то ли это шоковое состояние, то ли прямое действие электричества, но, как бы то ни было, больше я в этом заливе не купался.

Самое знаменитое из всех электрических животных - электрический угорь. Но как ни странно, эта рыба вовсе не угорь, она только похожа на него формой тела. Такие длинные черные рыбыны живут в ручьях и реках Южной Америки и достигают порой восьмифутовой длины, а толщиной бывают с бедро взрослого мужчины. Несомненно, сведения о них сильно преувеличены, но крупный экземпляр может, пожалуй, своим "зарядом" сбить с ног переходящую через реку лошадь.

Когда я ловил животных в Британской Гвиане, мне очень хотелось добыть и привезти в Англию нескольких электрических угрей. В том месте, где мы разбили лагерь, их было множество, но они прятались в глубоких пещерах, образованных в каменистых берегах реки. Почти все пещеры имели выход наружу в виде круглых углублений, промытых паводками, и в каждом углублении обитал электрический угорь. Стоило подойти к его убежищу и затопать посильнее, как угорь откликнулся странным мурлыкающим хрюканьем - казалось, глубоко под землей сидит крупная свинья.

Как я ни пытался поймать хотя бы одного угря, мне это не удавалось. Однажды мы с товарищем в сопровождении двух индейцев отправились на лодке за несколько миль в деревню, обитатели которой слыли великими рыболовами. Там мы купили несколько животных, в том числе древесного дикобраза. И

тут, к моей несказанной радости, явился еще один индеец и принес в довольно хлипкой корзинке электрического угря. Поторговавшись и заплатив за всю живность, включая электрического угря, мы навалили добычу в лодку и тронулись в обратный путь. Дикобраз восседал на носу, с интересом разглядывая берега, а перед ним лежал в своей корзинке угорь. На полпути к дому электрический угорь выбрался из корзинки. Обнаружил побег дикобраз. Насколько я понимаю, он принял угря за змею, поэтому стремглав бросился с носа на корму и попытался забраться ко мне на голову. Отбиваясь от колючих объятий дикобраза, я вдруг заметил, что угорь резво скользит прямо мне под ноги, и тут я проделал невероятный трюк. В жизни не подозревал, что способен на такое: я подскочил в воздух сразу из сидячего положения, прижимая к груди дикобраза, и снова приземлился, пропустив угря и не перевернув утлую лодчонку! У меня были еще свежи воспоминания о мальчишке, наступившем на электрического ската, и я не собирался разыгрывать ту же сцену с электрическим угрем, совершенно неподходящим партнером. К счастью, угорь никого из нас не ударил током; пока мы пытались разными жонглерскими приемами загнать его в корзинку, он скользнул через борт и нырнул в реку. Признаюсь, никто о нем не пожалел.

Мне пришлось как-то раз кормить электрического угря, который жил в большом аквариуме в зоопарке, и я не отрываясь смотрел, как он расправляется с добычей. Длинной футов в пять, угорь мог справиться с рыбой пяти или десяти дюймов. Рыбу ему давали живую, но смерть ее была мгновенной, и я не испытывал угрызений совести. Угорь, как видно, знал обычное время кормежки и плавал по своему аквариуму взад-вперед с монотонной размеренностью часового у ворот Букингемского дворца. Когда в аквариум бросали рыбу, он застывал на месте, очевидно выжидая, пока она подплывет поближе. Как только она оказывалась в зоне поражения - примерно в одном футе от него, угорь начинал мелко вибрировать всем телом, будто в этом длинном черном шланге вдруг заработала динамо-машина. Рыба застывала в полной неподвижности: смерть наступала ее раньше, чем я замечал, что происходит; рыба медленно переворачивалась вверх брюшком, повисая в воде. Угорь подплывал чуть ближе, открывал пасть и всасывал добычу, как длинная "кишка" пылесоса. Только ее и видели!

Победоносно, как мне показалось, завершив рассказ об электричестве, я перешел к новой теме - к медицине. Я объявил, что рассказ пойдет об анестезирующих веществах. Капитан напустил на себя еще более скептический вид.

Самые высококвалифицированные хирурги в мире насекомых - одиночные осы: они проделывают операцию, которая вызвала бы восхищение любого знаменитого хирурга. Есть много видов дорожных и роющих ос, но привычки у всех примерно одинаковые. Самка строит для своего потомства гнездо из глины. Внутри гнездо аккуратно разделено на трубчатые камеры диаметром с сигарету и длиной с полсигареты. В эти трубочки самка откладывает яйца. Но прежде чем запечатать ячейки, ей приходится заниматься еще одним делом: ведь из яиц вылупятся личинки, а личинкам надо что-то есть, прежде чем они превратятся в настоящих ос. Оса могла бы наполнить камеру убитой добычей, но к тому времени, как вылупится личинка, добыча протухнет, так что осам пришлось выработать другой способ.

Главная добыча осы-пелопея - пауки. Налетая на жертву, словно хищный

ястреб, оса наносит ему глубокий и точный удар жалом. Укол производит поразительное действие - полностью парализует паука. Оса подхватывает его и относит в гнездо, где запикивает в ячейку, а сверху откладывает яйцо. Если пауки попадаются мелкие, их может быть по семь-восемь на одну ячейку. Удостоверившись, что ее будущим потомкам хватит пищи, оса запечатывает ячейку и улетает. Так и лежат пауки рядком в этой жуткой родильной камере порой до семи недель. Пауки кажутся совершенно мертвыми - можете брать их в руки, рассматривать в лупу - ни малейшего признака жизни. Так они и хранятся, будто в холодильнике, пока крохотные личинки осы не вылупятся и не начнут поедать "консервы" из парализованных пауков.

Как мне показалось, даже капитана передернуло при мысли, что можно лежать в полном параличе, пока кто-то спокойно отъедает от тебя по кусочку, и я решил поскорее перейти к более приятной теме. Я выбрал самое милое, забавное и изобретательное маленькое создание - водяного паука. Человек совсем недавно получил возможность находиться под водой более или менее долгое время, изобретая для начала воздушный колокол. А водяной паук уже многие тысячи лет назад завоевал новый подводный мир - у него есть свой оригинальный способ. Во-первых, он плавает под водой свободно и беззаботно: у него есть собственный акваланг - пузырек воздуха, удерживаемый несмачивающимися волосками на брюшке и позволяющий прекрасно дышать под водой. Редкостное приспособление, но этого мало: паук строит под водой домик в виде перевернутого колокола из паутины и накрепко привязывает его к подводным растениям. Затем он поднимается несколько раз на поверхность, принося на себе пузырьки воздуха и наполняя ими паутиновый "колокол". В домике, полном воздуха, он живет так же удобно, как и на суше. В период размножения паук присматривает домик подходящей самки и строит рядом свой флигелек, а затем - очевидно, из склонности к романтике - прокладывает подводный ход к замку своей прекрасной дамы. Наконец он пробивает стену ее дома, и воздух в двух домах смешивается. Здесь, в этом волшебном подводном жилище, паук добивается благосклонности самки, спаривается с ней и живет рядом, пока она не отложит яйца и из них не вылупятся паучата. Он дожидается той минуты, когда потомки отправятся в большой мир, унося с собой из родительского дома по крохотному воздушному пузырьку на дорогу.

Мой рассказ про водяного паука позабавил всю аудиторию, даже самого капитана, и он признал, хотя с большой неохотой, что пари я выиграл.

Спустя год, не меньше, я повстречал одну даму, которая только что проделала рейс на том же пароходе с тем же самым капитаном.

- Очаровательный человек, не правда ли? - спросила она. Я вежливо согласился.

- Представляю себе, он был бы на седьмом небе от счастья, узнав, что вы плывете на его пароходе, - продолжала она. - Он же просто помешан на животных! Как-то вечером мы слушали его, затаив дыхание, подумайте, целый час! Он рассказывал о разных научных открытиях - вы, наверно, слышали про радар и все такое, - и оказалось, что животные буквально за сотни лет до человека уже ими пользовались! Просто уму непостижимо! Я его уговаривала непременно записать этот рассказ и выступить по Би-би-си!

Исчезающие животные

Недавно в Англии я видел, должно быть, самую странную группу бежен-

цев. Я говорю "странную", потому что они оказались у нас вовсе не из-за религиозных или политических преследований на своей родине. Они попали сюда совершенно случайно, зато были спасены от полного истребления. Это последние оставшиеся в живых представители погибшего рода; в той стране, где они жили раньше, все их родичи до одного были загнаны, убиты и съедены. Я говорю об оленях Давида.

Первым об их существовании узнал французский миссионер, некий отец Давид, подвизавшийся в Китае в начале XIX века. Китай в те времена, с точки зрения зоолога, был исследован не больше, чем африканские джунгли, поэтому отец Давид, страстный натуралист, собирал в свободное время коллекции растений и животных и отсылал в парижский музей. В 1865 году, приехав по делам в Пекин, он услышал, что в Императорском охотничьем парке, к югу от Пекина, содержится стадо каких-то необыкновенных оленей. Парк испокон веков служил для охоты и увеселений императорской семьи и представлял собой обширное пространство, огороженное глухой стеной сорок пять миль длиной. Ее охраняли бдительные монгольские воины, и никто не смел входить в парк или даже приближаться к нему. Французский миссионер, крайне заинтригованный услышанными рассказами, твердо решил, не обращая внимания на стражу, заглянуть за таинственную стену и посмотреть своими глазами на диковинных оленей. Однажды ему это удалось, и вот он лежит наверху стены, глядя на заповедный парк и наблюдая, как пасутся между деревьями разнообразные копытные - дичь для царской охоты. Заметив с высоты большое стадо оленей, отец Давид убедился, что никогда не видел подобных животных, и вполне возможно, что это неизвестный науке вид.

Олени, как вскоре узнал отец Давид, находятся под строжайшей охраной, и всякого, кто попытался бы ранить или убить редкостное животное, ждет смерть. Миссионер прекрасно понимал, что в ответ на любую официальную просьбу он получит вместо оленя вежливый отказ, поэтому ему пришлось искать иные, так сказать неофициальные, пути. Он проведал, что монгольские стражи время от времени добавляют к своему скудному пайку немного оленины, хотя знали: если попадутся на браконьерстве, им несдобровать. Как только ни улещивал их слугитель божий, они наотрез отказывались продать ему шкуры или рога убитых оленей (еще бы, ведь это вещественное доказательство преступления). Но отец Давид не сдавался и в конце концов спустя долгое время добился своего. Он отыскал нескольких воинов, то ли самых смелых, то ли самых нищих, и они достали ему две шкуры, которые он тут же, возликовав, отправил морем в Париж. Его ожидания оправдались: это оказался олень совершенно нового вида, и его назвали в честь первооткрывателя оленем отца Давида или просто оленем Давида.

Само собой, каждый зоопарк в Европе, услышав о новом виде оленя, захотел заполучить его для экспозиции, и в результате длинных переговоров китайские власти очень неохотно разрешили вывоз на континент нескольких животных; и хотя в те времена такой метод спасения животных от уничтожения никому не приходил в голову, именно вывоз в другие страны спас оленей.

В 1895 году, тридцать лет спустя после открытия оленя Давида, возле Пекина произошло грандиозное наводнение: река Хуанхэ вышла из берегов, затопила все вокруг, погубила посевы. Людям грозила голодная смерть. Волны подмыли и незыблемую стену, окружавшую Императорский охотничий парк.

Кое-где стена завалилась, и олени Давида убежали на свободу; их тут же перебили и съели изголодавшиеся крестьяне. В стране не осталось ни одного оленя, в то время как в разных зоопарках Европы сохранилась горсточка животных. Незадолго до катастрофы небольшое стадо оленей было отправлено из Китая в Европу. Тогдашний герцог Бедфордский держал в своем поместье Вуборн в Бедфордшире замечательную коллекцию редких животных, которую он, приложив все усилия, сумел пополнить новым видом китайского оленя. Герцог скупил в европейских зоопарках всех оленей Давида - восемнадцать голов - и выпустил их в своем парке. Олени сразу же почувствовали себя как дома, в Китае, и прекрасно освоились, а вскоре начали размножаться. В наше время стадо, насчитывавшее поначалу всего восемнадцать оленей, разрослось примерно до ста пятидесяти голов - и это единственное в мире стадо оленей отца Давида.

Когда я работал в Уипснейдском зоопарке, к нам прислали на искусственное вскармливание четырех новорожденных оленят из Вуборна. Очаровательные малыши, неловко стоявшие на длинных ножках, с которыми им никак не удавалось справиться, и с удивительными раскосыми глазами, выдававшими их восточное происхождение. Они впервые в жизни увидели бутылку с соской и не понимали, что это за штука, поэтому нам приходилось крепко зажимать олененка коленями и поить его чуть ли не силой. Но оленята очень быстро разобрались что к чему, и через несколько дней дверь сарайчика приходилось открывать с превеликой осторожностью: лавина оленят могла вас сбить с ног. Они выскакивали, устраивали настоящую давку, и каждый старался добраться до бутылки раньше других.

Оленят приходилось кормить не только днем, но и дважды за ночь: в полночь и на рассвете. Мы разработали график ночных дежурств - по неделе раз в месяц - работали мы вчетвером. Признаться, я полюбил ночные дежурства. Пробираясь глубокой ночью по озаренному луной парку к сарайчику, где жили оленята, приходилось идти мимо рядов клеток и открытых загонов, где животные всегда бодрствовали. Медведи, в неверном свете луны казавшиеся раза в два больше истинных размеров, пофыркивали друг на друга, грузно шаркая лапами среди зарослей куманики в своем загоне, но их было нетрудно отвлечь от поисков улиток и прочих лакомств, если у вас в кармане лежало несколько неотразимых кусочков сахара. Медведи сходились и усаживались в ряд на корточках, положив лапы на колени, - ни дать ни взять собрание мохнатых сопящих Будд. Они вскидывали головы, ловили на лету куски сахара и съедали их хрустя и облизываясь. Увидев, что запас сахара истощился, они страдальчески, глубоко вздыхали и снова отправлялись искать улиток.

Мой путь проходил мимо волчьего леса - двух акров сосняка. В мрачной, таинственной чаще, где луна серебрила стволы и бросала на землю черные тени, легконогая волчья стая двигалась среди стволов стремительно и бесшумно, словно невиданный теневой прибор. Они обтекали стволы, стелясь по земле совершенно беззвучно, но порой до меня доносилось еле слышное дыхание или внезапное рычание и щелканье зубов - видимо, волки сцепились на бегу.

Наконец, вы подходите к сарайчику, зажигаете фонарь. Маленькие оленята, услышав шаги, начинают метаться по выстланному соломой полу, взывая к вам дрожащими голосками. Как только вы приоткрываете дверь, они бросаются навстречу на расползающихся, неуклюжих ножках и принимаются

неистово сосать ваши пальцы, даже полы пиджака и так неожиданно подбивают вас под колени, что вы еле удерживаетесь на ногах. Затем наступает прекрасная минута, когда соски удалось затолкать им в рот, и они захлеб пьют теплое молоко, широко раскрыв глаза и пуская пузыри, собирающиеся, как усы, по углам рта. Кормить звериных малышей из бутылочки всегда очень приятно, хотя бы потому, что они забывают про все на свете и всецело поглощены этим важным делом. Но с этими маленькими оленятами Давида я испытывал совсем особенное чувство. Глядя, как они в неровном свете фонаря захлеб сосут молоко, пуская слюни, иногда поддавая лбами воображаемое вымя, я думал о том, что они, может быть, самые последние представители своего рода.

В Уипснейде я ухаживал и за небольшой группой крупных животных, которых тоже не встретишь в природе, - это были самые очаровательные и забавные существа, с какими мне приходилось встречаться. Я имею в виду малочисленное стадо белохвостых гну.

С виду белохвостый гну - создание, похожее на химеру. Попробуйте вообразить существо, у которого тело и ноги стройной маленькой лошадки, тупая круглая морда с широко расставленными ноздрями, густая белая грива на крутой шее и белый хвост, развевающийся, словно плюмаж. Рога, как у буйвола, загнуты наружу и вверх над самыми глазами, и животное взирает на вас как бы исподлобья с неизменно подозрительным и брюзгливым выражением. Если бы гну вел себя нормально, такая странная наружность не очень бросалась бы в глаза, но в том-то и дело, что ведет он себя ненормально. Некоторое понятие о его "манерах", пожалуй, можно получить, вообразив нечто среднее между лихой пляской и классическим балетом со включением элементов йоги.

Обычно я кормил гну по утрам, и времени у меня всегда уходило вдвое больше, чем нужно: гну устраивали для меня спектакль настолько поразительный, что я терял представление о времени. Они гарцевали, приплясывали, лягались, взвивались на дыбы и кружились волчком, выбрасывая стройные ноги далеко в стороны, словно у них нет суставов, со свистом били хвостами - ни дать ни взять цирковой шталмейстер с шамбарьером. В разгаре своего дикого танца они внезапно останавливались как вкопанные и сверлили меня глазами, вторя моему хохоту гулким утробным фырканьем. Глядя на гну, носившихся в диком, бешеном танце по загону, я воображал, что это геральдические звери, сошедшие со старинных гербов: они гарцуют и отрабатывают на зеленом травяном ковре странные "живые картины".

Не знаю, как можно поднимать руку на таких игривых, уморительных животных. А ведь это делали первые поселенцы на юге Африки, которые считали мясо белохвостого гну подходящим продуктом питания и безжалостно истребляли громадные стада веселых, полных жизни существ. Этому истреблению антилопы сами содействовали своим необычным поведением. Их любопытство не знает пределов, и, конечно, увидев фургоны первых поселенцев, ползущие по равнине-вельду, они непременно должны были собираться поглазеть. Они плясали и носились вокруг фургонов галопом, храпя и взбрыкивая, а потом вдруг останавливались и глазели. Естественно, эта привычка носиться сломя голову, а потом останавливаться поглазеть в пределах убойного выстрела превращала их в добровольную и легкую мишень для предприимчивых "спортсменов". И их убивали, да так рьяно, что приходится только удивляться,

как вообще не стерли с лица земли. Сегодня в живых осталось меньше тысячи этих удивительных животных - небольшие стада сохранились в некоторых районах на юге Африки. Если бы белохвостые гну были истреблены, Южная Африка лишилась бы одного из самых талантливых и оригинальных представителей фауны, славной антилопы, само присутствие которой может оживить любой, даже самый унылый, ландшафт.

Как ни печально, олени Давида и белохвостые гну - далеко не единственные животные на Земле, которых едва не истребил человек. Длинный и горестный список включает имена уже исчезнувших животных и тех, что пока еще не исчезли. Расселяясь во все концы света, человек всюду сеял смерть и разрушение, отстреливая, ставя ловушки, сводя леса топором и огнем и с непростительной жестокостью и беспечностью ввозя естественных врагов животных в те места, где их раньше не было.

Вспомните, например, дронта, крупного увальня-голубя, размером с гуся, который обитал на острове Маврикий. Отгороженный от мира океаном, голубь разучился летать: ведь врагов у него не было, от кого улетать? Гнезвился он на земле, где был в полной безопасности. Но он не только потерял способность летать - он начисто разучился узнавать врага и опасаться его. Это было безгранично доверчивое, почти ручное существо. В "дронтовый рай" человек заявился примерно в 1507 году и привез с собой своих неизменных опасных спутников: собак, кошек, свиней, крыс и коз. Дронты созерцали новоприбывших с кротким и благожелательным интересом. И началась бойня. Козы подчистую съедали кустарник, служивший дронтам укрытием; псы и кошки гоняли и ловили старых птиц; свиньи тем временем опустошали остров, с хрюканьем пожирая яйца и птенцов, а следом за ними крались крысы, подбирая остатки пиршества. К 1681 году жирный, нелепый и беззащитный голубь перестал существовать, откуда и пошла поговорка "Мертвый, как дронт".

По всему миру катилась волна уничтожения и распугивания дикой фауны; она наступала упорно и беспощадно, оставляя единицы из некогда многочисленных видов прекрасных и интересных животных, которые без охраны и помощи уже не могли выжить. И если они не найдут себе мирного пристанища, где можно спокойно жить и выводить потомство, их будет все меньше и меньше, пока они не присоединятся к дронту, квагге и бескрылой гагарке в длинном списке уничтоженных видов.

Конечно, в последние десятилетия немало сделано для сохранения дикой фауны: учреждены резерваты и национальные парки, проводится реинтродукция ряда видов в те места, где они прежде обитали. В Канаде, например, бобров расселяют при помощи самолетов. Животное сажают в специальный ящик с парашютом и сбрасывают с самолета над намеченным пунктом. Клетка плавно спускается на парашюте, при ударе о землю автоматически открывается, и бобр сам находит дорогу к ближайшему озеру или реке.

Но хотя многое делается, еще больше остается сделать. Как ни печально, мы по большей части стараемся сохранить животных, имеющих для нас экономическую ценность, а ведь есть еще множество скромных, никому не нужных животных, которых защищают только на бумаге, а на самом деле позволяют им вымирать - просто потому, что никто, кроме нескольких зоологов-энтузиастов, не счел их достойными материальных затрат.

Сейчас, когда человечество множится с каждым годом и все шире распро-

страняется по земному шару, истребляя и выжигая все на своем пути, немного утешает то, что некоторые люди или организации стараются спасти загнанных и обездоленных животных, не жалея на это сил и средств. Это по многим причинам очень нужное дело, но самая убедительная причина: как ни изобретателен человек, он не в силах ни сотворить новый вид животного, ни воссоздать уничтоженный вид. Представьте себе, какой взрыв возмущения вызовет попытка стереть с лица земли, скажем, лондонский Тауэр - и это будет справедливое негодование; а единственный в своем роде, чудесный вид, который эволюционировал сотни тысяч лет, чтобы достичь сегодняшнего совершенства, можно отправить в небытие одним духом, как гасят огонек свечи, и никто даже пальцем не пошевелит, кроме считанной горсточки людей, никто и слова не скажет в их защиту. Так вот, до тех пор, пока мы не поймем, что живые существа так же достойны внимания и благоговения, как и старинные книги, картины или памятники истории, рядом с нами всегда будут обитать животные-беженцы, которым помогают удержаться на грани жизни и смерти лишь усилия и милосердие горсточки людей.

Глава 3

Отдельные животные

Держать дома диких животных - дело трудное и утомительное как в городских, так и в экспедиционных условиях. Вы частенько выходите из себя, порой вас охватывает отчаяние, и тем не менее животные-любимцы приносят вам огромную радость. Меня всегда спрашивают, почему я люблю животных, и каждый раз мне трудно ответить. Это все равно, что отвечать на вопрос, почему я люблю покушать. Дело в том, что животные не только интересуют меня и доставляют мне удовольствие. В этом есть и кое-что другое. Мне кажется, животные завоевывают сердце еще и потому, что во многом напоминают человека, но в них нет ни капли лжи и лицемерия, свойственных человеческому обществу. Отношения с животным всегда недвусмысленны: если вы ему не понравились, оно даст вам это почувствовать весьма наглядным образом, а если понравились - не станет этого скрывать.

Но порой любовь живого существа оказывается сомнительной честью. Не так давно у меня жил пегий ворон из Западной Африки. Он полгода демонстративно не обращал на меня внимания, видимо исподтишка присматриваясь и оценивая, что я за птица, как вдруг решил, что я - единственное дорогое для него существо на всем белом свете. Стоило мне подойти к клетке, как он приседал, весь трепеща от восторга, или спешил поднести мне подарок (обрывок газеты или перышко): он совал его сквозь прутья клетки, непрерывно бормоча себе под нос хриплым голосом, истерически икая и вскрикивая. Это еще ничего, но, когда я выпускал его из клетки, он стремглав взлетал и усаживался мне на голову, для начала крепко вцепившись когтями мне в волосы, потом разукрашивал мой пиджак сзади "приятными" жидкими испражнениями, а в довершение всего любовно клевал меня в темя. А клюв у него был в три дюйма длиной и острый-преострый, так что эти ласки можно назвать по меньшей мере болезненными.

Безусловно, в отношениях с животными всегда надо соблюдать меру. Стоит потерять бдительность, и любовь к ним может превратиться в чудачество, если вовремя не остановиться. Я остановился вовремя - в прошлое Рождество.

Я решил незадолго до Нового года купить жене рождественский подарок

белку-летягу из Северной Америки; сам я всю жизнь мечтал иметь такую зверюшку и был уверен, что жене она тоже понравится. Зверек прибыл к нам и сразу завоевал наши сердца. Он оказался очень пугливым, и мы решили на недельку-другую поместить его у нас в спальне - будем разговаривать с ним по ночам, когда он вылезает поразмяться, пускай привыкает. Задуманное удалось бы как нельзя лучше, но мы кое-чего не предусмотрели. Белка мастерски прогрызла дыру в клетке и устроилась за платяным шкафом. Поначалу мы с этим примирились: казалось бы, ничего страшного. Ночью, сидя в постели, мы любовались акробатическими трюками зверька на шкафу, слушали, как он, шурша и шаркая лапками, снует вверх-вниз по комоду, где мы оставляли для него орехи и яблоки. Наступил последний день старого года, мы были приглашены встречать Новый год, и я собирался надеть смокинг. Все шло отлично, пока я не заглянул в комод. Наконец-то я получил ответ на мучивший меня вопрос: где наша белочка хранит запасы орехов, яблок, сухариков и прочих лакомств? Мой шелковый пояс, ни разу не надеванный, стал похож на кусок тонких испанских кружев. Выгрызенные кусочки - весьма экономно! - пошли на устройство двух гнездышек прямо на манишках моих парадных рубашек. В этих кладовых хранились семьдесят два лесных ореха, пять грецких орехов, четырнадцать кусочков хлеба, шесть мучных червей, пятьдесят два огрызка яблок и двадцать виноградин. Яблоки и виноград, само собой, не были рассчитаны на длительное хранение, и обе рубашки оказались расписанными прелюбопытными абстрактными картинами в стиле Пикассо.

Пришлось пойти на новогодний вечер в пиджачной паре. Белочка теперь живет в Пейнтонском зоопарке.

Однажды моя жена сказала, что было бы чудесно иметь дома малютку выдру. Я поспешно переменял тему.

Животные-родители

Я глубоко уважаю животных-родителей. В детстве я сам более или менее удачно пытался вскармливать различных животных, да и потом, когда я путешествовал по всем частям света и отлавливал животных для зоопарков, мне пришлось выхаживать множество звериных детенышей. Могу сказать одно - это сплошная нервоотрепка.

Мой первый дебют в амплу приемной матери - попытка вырастить четверых новорожденных ежеат. Ежиха - образцовая мать. Она заблаговременно строит под землей детскую, где будут жить малыши: это круглое помещение примерно сантиметрах в тридцати от поверхности земли, выстланное толстым слоем сухой листвы. Здесь ежиха рождает малышей, слепых и абсолютно беспомощных. Они рождаются в шкуре, густо покрытой колючками, только колючки эти белые и мягкие, как из каучука. Но постепенно они отвердевают и через недельку-другую обретают свой обычный буроватый цвет. Когда младенцы подрастут и окрепнут, мать выводит их наружу и учит добывать пищу; они идут гуськом, напоминая школьников, вышедших на прогулку: каждый малыш держится зубами за хвостик переднего. Первый в колонне цепляется изо всех сил за хвост матери - так они и шествуют в сумерках среди кустарника, как диковинная колючая сороконожка.

Для ежихи-матери воспитание детей - дело привычное. Но когда у меня на руках оказалась четверка слепых, белесоватых, покрытых мягкими иголками "грудных" младенцев, я почувствовал себя очень неуверенно. (Мы тогда жили

в Греции, и крестьянин, обрабатывавший свое поле, вывернул на поверхность ежиное гнездо из дубовых листьев, размером с футбольный мяч.) Первым делом надо было накормить малышей, а это оказалось непросто: соска, налезавшая на бутылочку, была слишком велика для их маленьких ртов. На счастье, у дочки моего друга оказалась кукольная бутылочка с соской, и я всеми правдами и неправдами уговорил девочку отдать ее мне. Ежата быстро приновились сосать и благоденствовали, питаясь разбавленным коровьим молоком.

Сначала я держал их в неглубокой картонной коробке, пристроив в ней их родное гнездо. Но в рекордно короткое время они так загадили гнездо, что мне пришлось менять листовую подстилку по десять - двенадцать раз в день. Я призадумался: неужели мать-ежиха только и делает, что шныряет туда-сюда с охапками листьев, прибирая свой дом? А как же она тогда успевает накормить своих ненасытных крошек? Мои питомцы готовы были поглощать еду в любое время дня и ночи. Стоило только прикоснуться к коробке, как из листьев с пронзительным хоровым писком высовывались головки с острыми рыльцами и прическами "ежиком" из белых неколючих иголок; крошечные черные носы лихорадочно подергивались, вынюхивая вожделенную бутылочку.

Большинство животных даже во младенчестве никогда не объедаются, но, насколько мне известно, к ежатам это не относится.

Как потерпевшие кораблекрушение, оказавшиеся на грани гибели от голода и жажды, они бросались к бутылочке, присасывались и сосали, сосали так, словно у них неделю капли во рту не было. Если бы я дал им волю, они заглотнули бы раза в два больше, чем нужно. Да я и так, кажется, их перекармливал: тоненькие лапки не в силах были выдержать увесистые жирные тельца, и ежата ползали по ковру уморительным "брассом", скользя на брюшке. Как бы то ни было, они росли как на дрожжах: лапки у них окрепли, глаза открылись, и они совершали рискованные вылазки из ящичка на целых шесть дюймов!

Я с гордостью любовался своей колючей семейкой, предвкушая, как однажды вечером вынесу их погулять в сад и угощу тончайшими яствами вроде слизня или садовой земляники. Увы, моей мечте не суждено было осуществиться. Мне было необходимо уехать на целый день, да еще с ночевкой. Брать с собой целый выводок ежат было неловко, и пришлось оставить их на попечение моей сестры. На прощанье я еще раз напомнил ей о прожорливости ежат и наказал, чтобы она ни под каким видом не давала им больше чем по одной бутылочке - пусть хоть испищатся до хрипоты.

Как будто я не знал свою родную сестру!

На следующее утро, когда я вернулся и спросил, как там мои ежата, она посмотрела на меня как на детоубийцу. Она заявила, что я приговорил бедных крошек к медленной и мучительной смерти от голода. Жуткое предчувствие сжало мне сердце, и я спросил, поскольку бутылочек она скармливала им за раз. По четыре, заявила она, и просто любо поглядеть, какие они стали гладенькие и полненькие. Да уж, полненькие, спору нет. Животики у них так раздулись, что лапки даже не доставали до земли. Они были похожи на немислимые колючие футбольные мячики, к которым по ошибке прилепили четыре лапки и рыльце. Как я ни бился, ничего поделать не мог - все они погибли за одни сутки от острого воспаления кишечника. Сестра, конечно, горевала боль-

ше всех, но я подозреваю, что она заметила, с каким неприступным видом я слушал ее покаянные рыдания, и поняла одно: больше никогда в жизни я не доверю ей своих питомцев.

Далеко не все животные так нянчатся со своими отпрысками, как ежиха. Многие из них, можно сказать, относятся к семейным обязанностям довольно небрежно, как и многие из нас. Взять хотя бы кенгуру. Кенгурята рождаются недоношенными - фактически это просто эмбриончики: самка большого рыжего кенгуру, в сидячем положении достигающая пяти футов высоты, разрешается от бремени малюткой в полдюйма длиной! И этому слепому, голенькому комочку еще приходится самостоятельно пробираться к материнской сумке. Вы понимаете, что это труднейшая задача для недоразвитого зародыша, но мало того: кенгуренок может владеть только передними лапками - задние аккуратно скрещены позади хвостика. А мамаша сидит себе, не обращая внимания на собственного младенца, хотя однажды видели, как она вылизывала тропинку в зарослях шерсти у себя на животе, чтобы малыш не сбился с пути. Крохотный, недоношенный детеныш вынужден пробираться сквозь густую шерсть, как сквозь джунгли, пока - скорее чудом, чем чутьем - не разыщет вход в сумку. Тогда он ныряет внутрь и накрепко присасывается к соску. Перед этим подвигом бледнеет даже восхождение на Эверест.

Я не удостоился чести выкормить младенца кенгуру, но мне пришлось повозиться с маленьким валлаби, близким родственником кенгуру, только карликового роста. Я работал тогда служителем в Уипснейдском зоопарке. Валлаби бегали по парку на свободе, и стайка мальчишек погналась за самкой, у которой был уже вполне сформировавшийся детеныш. Перепуганная, она поступила так же, как все кенгуру в минуту опасности: выбросила малыша из сумки. Я нашел его немного спустя: он лежал в густой траве, конвульсивно подергиваясь и еле слышно постанывая и чмокая. Откровенно говоря, это был самый необаятельный из всех звериных детенышей, каких я только видел. Он был длиной около фута, но еще слепой и совершенно голый, а кожа была пронзительно розового цвета, как марципан. Судя по всему, он не владел еще своими мышцами, только время от времени судорожно лягался непомерно длинными задними лапами. Он сильно побился при падении, и я был почти уверен, что ему не выжить. Но я все равно взял его домой и, уломав свою хозяйку, водворил его в собственной спальне.

Кенгуренок прекрасно сосал из бутылки, но вот как его не простудить, как обогреть? Я заворачивал его в фланелевую пеленку и обкладывал горячими грелками, но грелки-то стынют - того и гляди, мой кенгуренок простудится. Выход был один - держать его поближе к себе, и я стал носить его за пазухой, под рубашкой. Тут-то я понял, какие муки терпит самочка-валлаби! Я уж не говорю о том, что он беспрерывно тыкал меня мордой, пытаясь сосать, - он к тому же периодически выбрасывал вперед задние ноги, вооруженные страшными когтями, и лягал меня прямо "под дых". Прошло несколько часов - и я чувствовал себя так, будто провел время на ринге, где меня измолотил сам Примо Карнера. Было ясно, что придется придумать другой выход, иначе не миновать мне язвы желудка. Я попытался носить его на спине, но он, не теряя времени, перебирался ко мне на грудь короткими конвульсивными бросками, цепляясь за голую кожу длинными когтями. Ночью в постели он устраивал мне настоящий ад: мало того, что всю ночь пробовал на мне все приемы са-

мой неклассической борьбы; иногда он лягался так отчаянно, что сам вылетал из-под одеяла, и мне приходилось еще нагибаться и поднимать его с пола. Как ни печально, он погиб через два дня - должно быть, от внутренних кровоизлияний. Боюсь, что этот безвременный уход вызвал у меня двойственное чувство, хотя, безусловно, жаль, что я лишился возможности выпестовать такого необычайного младенца.

Кенгуру, конечно, небрежно обращается со своим отпрыском, зато карликовая мартышка - образец материнской, точнее, отцовской любви. Карликовая мартышка, размером с крупную мышь, в своей пестренькой зеленой шерстке, с миниатюрным личиком и ясными карими глазами похожа на существо из волшебной сказки - на мохнатого гномика или домового. После свадьбы, когда самочка приносит потомство, ее крошка муж оказывается идеальным отцом. Он принимает появляющихся на свет младенцев - обычно их двое - и прямо после рождения носит их на бедрах, как пару перекидных седельных сумок. Он непрестанно вылизывает их до ослепительной чистоты, а ночью, согревая, прижимает к себе и уступает их своей довольно равнодушной супруге только на время кормления. Но ему так не терпится получить обратно своих дорогих чад, что, кажется, он бы и кормил их сам, если бы мог. Да, самец карликовой мартышки - идеальный муж и отец.

Как ни странно, обезьяньи младенцы туповаты и дольше других не могут научиться сосать из бутылочки. Обучив их с превеликим трудом сосать, вы в недалеком будущем снова претерпите невероятные мучения, пытаясь научить подросших обезьянок пить из блюдечка. Видимо, они считают, что самый надежный способ пить из блюдца такой: надо как можно глубже окунать мордочку в молоко и не вынимать ее, пока не лопнешь или не утонешь в стакане молока. Один из самых очаровательных детенышей обезьян, каких я помню, - маленькая зеленая мартышка гвенона. Спинка и хвост у зверька были зеленые, как темный мох, а живот и усы - красивого цвета желтого лютика. На верхней губе широкая белая полоса в форме банана, роскошные усы - ни дать ни взять отставной бригадный генерал. Как у всех обезьяньих детенышей, голова казалась чересчур большой, а лапки - длинными и неуклюжими. Он с комфортом умещался в чайной чашке. Когда он попал в мои руки, то наотрез отказался пить из бутылочки, видимо считая это какой-то изобретенной мною адской пыткой. Однако со временем, разобрав, что к чему, он приходил в бешеный восторг при одном виде бутылки, впивался в соску, самозабвенно обнимал бутылку и перекатывался на спину. Бутылка же была раза в три больше его самого, и мне всегда хотелось сравнить ее с белым дирижаблем, за который судорожно цепляется единственный оставшийся в живых после катастрофы пилот.

Когда гвенончик, пуская пузыри и отфыркиваясь, как дельфин, овладел наконец искусством пить из блюдца, возникли новые затруднения. Я обычно сажал его на стол, а потом приносил блюдце с молоком. Едва завидев блюдце, он пронзительно вскрикивал и начинал дрожать, как в лихорадке или в пляске святого Витта, но это было всего лишь выражение восторга и ярости - восторга при виде блюдца, ярости от того, что оно слишком медленно снижается. Он так надрывался от крика и так трясся, что буквально подпрыгивал, как кузнецик. Если у меня хватало ума поставить блюдце на стол, не зацепив предварительно малыша за хвостик, он с победным, терзающим уши воплем нырял в

блюдце вниз головой, а когда я протираю глаза и лицо, залитые молочным штормом, он восседал передо мной в самом центре блюда и причитал, захлебываясь от ярости, - пить-то ему было уже нечего.

Одна из самых главных проблем в воспитании звериных детенышей необходимость держать их в тепле ночью, и, как ни странно, эта проблема существует даже в тропиках, где ночью температура заметно снижается. На свободе детеныши, конечно, прижимаются к теплой мохнатой матери, и им всегда тепло. Грелки как источник тепла никуда не годятся, в чем я убедился на собственном опыте. Грелки быстро остывают, и приходится то и дело вставать среди ночи и менять воду, а если у вас несколько малышей, не считая множества взрослых зверей, то за одну ночь вы измотаетесь вконец. Получается, что легче всего взять всех младенцев с собой в постель. Вы быстро научитесь спать, не переворачиваясь, а порой, когда захочется перевернуться, просыпаться, чтобы не передавить малышку.

У меня в постели за долгую жизнь перебивало множество разных детенышей, иногда по несколько разных видов сразу. Помню, как на моей узкой походной раскладушке уместились три мангуста, пара маленьких мартышек, бельчонок и младенец шимпанзе. Мне самому почти не оставалось места. Кажется, после таких жертв и неудобств человек имеет право на капельку благодарности, но по большей части получается совсем наоборот. Одним из своих самых живописных шрамов я обязан маленькому мангусту, которому пришлось лишиться пяти минут дожидаться соски. Теперь, когда меня спрашивают, откуда этот страшный шрам, я вынужден отвечать, что на меня напал свирепый ягуар. Кто же поверит, что ногу мне располосовал сосунок-мангуст в постели, под одеялом?!

"Бандиты"

Мое первое знакомство с удивительными зверюшками, которых называют кузиманзе, произошло в Лондонском зоопарке. Я зашел в экспозицию грызунов поближе рассмотреть прелестных белочек из Западной Африки. Мне предстояла первая в жизни экспедиция для отлова животных, и я понимал, что задача значительно облегчится, если я заблаговременно познакомлюсь с животными, обитающими в тропических лесах.

Поглазев на белок, я пошел вокруг домика, заглядывая в другие клетки. Мне бросилась в глаза висевшая на одной клетке дощечка, где значилось, что здесь обитает животное, называемое кузиманзе (*Grossarchus obscurus*), и что родом оно из Западной Африки. Я же видел только кучку соломы на полу, которая ритмически и еле заметно приподымалась в такт доносившемуся до меня тихому похрапыванию. Убежденный, что мне вскоре предстоит встреча с этим животным, я счел себя вправе нарушить его покой.

В любом зоопарке существует строгое правило, которое я сам неукоснительно соблюдаю и советую соблюдать всем: никогда не тревожить спящих животных, тыкая в них палками или бросая орешки. У них и без того нелегкая жизнь - весь день на виду. Тем не менее на этот раз я нарушил правило: провел ногтем большого пальца по решетке туда-сюда. Вообще-то я не ожидал, что это подействует. Но треск еще не затих, а в недрах соломенной кучи что-то словно взорвалось, и тут же высунулся длинный, подвижный, вздернутый нос, а следом за ним показалась мордочка, напоминающая крысину, пара аккуратных ушек и блестящие любопытные глазки. Зверек с минуту рассмат-

ривал меня, но, заметив кусок сахара, который я тактично держал у самой решетки, негромко вскрикнул, как восторженная старая дева, и принялся с бешеной скоростью выпутываться из своего соломенного кокона.

Пока была видна только голова, я думал, что зверек маленький, не больше хорька, но когда он наконец выкарабкался на пол и вразвалочку пошел ко мне, я поразился: тело было не просто большое, а почти шарообразное. И этот толстяк, шаркая короткими лапками, бросился к решетке и вцепился в кусок сахара с такой жадностью, как будто уже много лет не видел ничего вкусенького.

Насколько я понял, это был один из видов мангуст, только совершенно непохожий на других - ни у каких мангуст я не встречал такого вздернутого, шмыгающего носа, таких прямо-таки фанатически горящих глаз. Конечно, это круглое пузо у зверька было не от матери-природы, а от обжорства. Ножки у него были коротенькие, с довольно изящными лапками и двигались с такой скоростью, что, когда он бегал по клетке, они, как спицы в колесе, сливались в облачко, неся увесистое тело. Каждый кусочек лакомства он выхватывал из моих пальцев с негромким, жеманным аханьем, словно укорял за то, что я соблазнил его нарушить диету.

Зверек настолько меня очаровал, что я опомнился только после того, как скормил ему сахар весь, до последнего кусочка. Убедившись, что лакомства иссякли, зверек глубоко, страдальчески вздохнул и трусцой вернулся в свою кучу соломы. Секунды через две он уже снова крепко спал. Я не сходя с места решил, что если в тех местах, куда еду, водятся кузиманзе, то в лепешку разобьюсь, но хотя бы одного раздобуду.

Три месяца спустя я был уже в самом сердце камерунских джунглей, и мне предоставилась полная возможность познакомиться с кузиманзе. Оказалось, что этот вид - один из самых обычных видов мангуст, и мне частенько приходилось наблюдать за ними, поджидая в лесной засаде совсем других животных. Первый дикий мангуст внезапно вынырнул из кустарника на берегу лесного ручейка. Он долго потешал меня, демонстрируя оригинальный способ охоты на крабов: он шел вброд по мелкому руслу, переворачивая своим вздернутым носом (должно быть, дыхание он при этом задерживал) все попадавшиеся на пути камни, пока не выковырнул большого черного пресноводного краба. Без малейшего промедления он схватил его в зубы и молниеносным движением головы отшвырнул на берег. Потом догнал свою жертву и принялся плясать вокруг, взвизгивая от восторга и не забывая при этом пускать в ход зубы. Молниеносными укусами он наконец прикончил добычу. Но когда особенно крупный краб ухитрился цапнуть врага за вздернутый носик, я чуть не задохся от смеха и боюсь, звуки моего сдавленного хохота заставили кузиманзе поспешно нырнуть в чащу.

В другой раз я видел, как один зверек ловил тем же способом лягушек, но охота явно не удалась. По-моему, зверек был молодой, неискушенный и ловить лягушек явно не умел. Он долго вынюхивал и вытапывал очередную лягушку, хватал ее зубами и швырял на берег, но, пока выбирался сам, лягушка успевала опомниться и прыгнуть обратно в ручей; бедняге приходилось начинать все сначала.

Как-то утром в наш лагерь пришел местный охотник с корзинкой из пальмовых листьев. Я заглянул туда и увидел тройку невообразимо забавных зве-

рят. Размером они были с новорожденных котят, лапки у них были коротенькие, а хвостики словно побиты молью. Их рыжевато-бурая шкурка топорщилась хохолками и сосульками, так что они смахивали на каких-то невиданных ежиков. Пока я их разглядывал, пытаюсь понять, что это за зверьки, они подняли мордочки и уставились на меня. Как только я увидел длинные розовые, словно резиновые, носы, я догадался, что это кузиманзе, причем совсем недавно появившиеся на свет: глаза у них только-только открылись, а зубов не было вовсе. В восторге от малышей, я расплатился с охотником, но, когда попытался научить их сосать, в мою душу закралось сомнение: а не взвалил ли я на себя непосильное дело? Ни одна из разнокалиберных бутылочек моего арсенала не годилась: рты были слишком маленькие, и пришлось прибегнуть к испытанной уловке - намотать на спичку немного ваты, обмакнуть в молоко и дать им пососать. Поначалу они решили, что я - чудовище, которое садистски старается их прикончить. Они выдирались из рук с диким писком, а как только я ухитрился затолкать ватку им в рот, они ее в ужасе выплевывали. К счастью, они довольно скоро почували, что ватка пропитана молоком, и все мои мучения остались позади. Плохо только, что иногда эти крошки, неистово набрасываясь на еду, вместе с молоком заглатывали и ватку, отстававшую от спички.

Первое время я держал зверьков в корзинке возле кровати. Место было самое удобное, ведь мне приходилось вставать и кормить их среди ночи. С неделю они вели себя прекрасно, по большей части лежали, раскинувшись на подстилке из сухих листьев; были видны лишь тугие толстые животики да подрагивающие лапки. Но когда наставал час кормежки, они начинали отчаянно копошиться в корзине, громко пища и немилосердно топча друг дружку.

Вскоре у маленьких кузиманзе выросли резцы (теперь они еще крепче вцеплялись в ватку, а значит, подвергались еще большей опасности подавиться), лапки у них тоже окрепли, и окружающий корзинку мир все неотступнее манил их к себе. Первое на дню кормление было в то время, когда я пил свой утренний чай; я вынимал их из корзинки и пускал побегать по кровати, чтобы они освоились. Увы, мне пришлось очень скоро отказаться от этого обычая: однажды утром, когда я блаженно прихлебывал чай, один из младенцев заметил мою босую ногу, высунувшуюся из-под одеяла, и решил, что, если запустить зубы в большой палец, оттуда потечет молоко. Он вцепился изо всех силенок в новую "соску", а братишки тут же налетели и запустили в мой палец острые, как иголки, зубы - как бы не прозевать кормежку! Когда мне удалось снова водворить их в корзинку, привести в порядок залитую чаем постель и утереть забрызганное лицо, я принял решение прекратить утренние "прогулочки" - уж очень они болезненны!

Но это были лишь "цветочки" - впереди меня ждали новые испытания. Не успел я оглянуться, как младенцы превратились в настоящих малолетних преступников, так что я поневоле окрестил их "бандитами". Росли они как на дрожжах, и, когда у них прорезались все зубы, они стали получать вдобавок к молоку яйца и сырое мясо. Аппетит у них был зверский, и вся жизнь проходила в нескончаемых поисках пищи. Сдается мне, у них был один девиз: лопай все, а там разберемся, съедобное оно или нет! На закуску они слопали крышку своей корзинки. Слегка заморив червячка, зверьки вылезли наружу и отправились в разведку по лагерю.

К несчастью, они напрямиком пустились к тому единственному месту, где могли нанести максимальный урон в минимум времени, - к складу пищевых припасов и медикаментов. Пока я их разыскивал, они успели разгрызть дюжину яиц и, судя по их виду, вывалиться в содержимом. Они задали взбучку двум связкам бананов и, очевидно, одержали победу: вид у бананов был крайне помятый. Учинив бойню среди ни в чем не повинных фруктов, "бандиты" двинулись дальше и опрокинули две бутылки с жидким витамином. Затем они, к своему полному восторгу, обнаружили два больших толстых пакета боракса. Они вспороли пакетам брюхо и рассеяли содержимое далеко вокруг, не считая того, что пристало к их липким от расквашенных яиц шкуркам. Когда я добрался до мародеров, они как раз собирались хлебнуть жутко вонючего и ядовитого дезинфицирующего раствора; я сграбастал их буквально в последнюю секунду. Все они напоминали какие-то несусветные чучела вроде тех фигурок, что бывают на рождественском торте, только присыпанных не сахаром, а борной кислотой. Я возился битый час, отмывая их, потом заточил всю "банду" в более просторную и прочную корзину - уж оттуда-то, думал я, им не выбраться.

Но не прошло и двух дней, как они выбрались и оттуда.

На этот раз кузиманзе отправились наносить визиты всем обитателям моего зверинца. Должно быть, они неплохо подзаправились в чужих клетках, где всегда можно найти превкусные объедки.

В то время у меня жила крупная, необыкновенно красивая обезьянка, которую я назвал Колли. Это была самочка коlobуса, или гверецы, - одной из самых красивых африканских мартышек. Шерсть у гверецы глубокого черного цвета, а вокруг тела, как шаль, идет белоснежная грива. Хвост у нее тоже черный, с пышной белой кистью на конце. Колли была кокетливая мартышка и уйму времени тратила на уход за своей нарядной шкуркой, а остальное время принимала картинные позы то в одном, то в другом углу клетки. На этот раз Колли решила провести послеобеденную сиесту на полу своей клетки, поджидая, пока я принесу ей фрукты. Она разлеглась, как купальщица на пляже, закрыв глаза и благонаравно сложив ручки на груди. К несчастью, хвост ее высунулся сквозь прутья клетки и лежал на земле, как черный шелковый шарф с белой бахромой. И как раз когда Колли забылась глубоким сном, на сцене появились "бандиты".

Как я уже говорил, "бандиты" считали, что любой предмет, каким бы несъедобным он ни казался, надо прежде всего попробовать на зуб - просто так, на всякий случай. Увидев прямо перед собой валявшийся на земле и явно ничейный хвост, главарь "бандитов" решил, что это новое лакомство, свалившееся прямо с неба. Он бросился вперед и вонзил зубы в аппетитный кусочек. Двое братцев, не теряя времени, присоединились к нему - налетай, тут на всех хватит! Бедная Колли пробудилась от безмятежного сна, когда три пары челюстей, вооруженных острейшими зубками, впились почти одновременно в ее хвост. Дико вопя от ужаса, Колли вскарабкалась к потолку клетки. Но "бандиты" не собирались уступать свою добычу без боя и сцепили зубы в мертвой хватке. Чем выше влезала Колли, тем выше возносились и "бандиты", и, когда я прибежал на вопли несчастной, они болтались в трех футах над землей, держась зубами за "трос", - настоящие акробаты. Целых пять минут я пытался заставить их разжать зубы, но они сдались только тогда, когда я пустил им в но-

сы папиросный дым и они расчихались. К тому времени, когда я снова посадил преступников под замок, на Колли было жалко смотреть.

Я решил, что надо сделать для "бандитов" настоящую клетку, если я не хочу, чтобы они своими вылазками сеяли панику среди моих зверей. Я соорудил прекрасную клетку со всеми удобствами. На одной половине была просторная спальня, на другой - площадка для игр и столовая. Там было две двери: через одну я мог просунуть руку в спальню, через другую - положить корм в столовую. Но кормить зверят было очень трудно: стоило им заметить меня с тарелкой, как они сбивались в кучу возле дверцы, вереща от нетерпения, а когда дверь приотворялась, они всем скопом вырывались оттуда, вышибали тарелку у меня из рук и летели вместе с нею на землю, где все смешивалось кузиманзе, кусочки сырого мяса, сырые яйца и потоки молока. Когда я пытался поднять их, они частенько меня кусали - не со зла, а просто по ошибке, приняв мои пальцы за нечто съедобное. Да уж, кормить "бандитов" было не только накладно, но и очень больно. Пока я не доставил их в целостности и сохранности в Англию, они кусали меня вдвое чаще, чем любой другой зверь, какого я вообще когда-нибудь держал. Признаюсь, я с искренним облегчением поместил их в зоопарк.

На другой день после их водворения на новом месте я зашел посмотреть, как они себя чувствуют. Кузиманзе топали по огромной клетке с совершенно потерянным видом, подавленные массой незнакомых форм и запахов. "Бедные крошки, - подумалось мне, - они совсем расстроились". Они были такие заброшенные, такие несчастные. Мне стало ужасно жаль своих малышей. Я сунул палец в клетку и поманил, потом позвал их. Мне казалось, что разговор со старым другом их приободрит. Пора бы мне быть поумнее: "бандиты" бросились ко мне со всех ног и вцепились в мой палец, как бульдоги. Я рывкнул от боли и с трудом стряхнул с пальца угрюмую семейку. Когда я уходил, вытирая окровавленную руку, мне вдруг показалось, что я не так уж горюю, расставшись с ними. Конечно, без "бандитов" жизнь лишена многих острых ощущений, зато и невыносимой боли можно не опасаться.

Вильгельмина

Почти все новые знакомые, услышав, что я отлавливаю диких животных для зоопарков, задают одинаковые вопросы, в одном и том же порядке. Первый вопрос: это очень опасно? Отвечаю - нет, если вы не натворите каких-нибудь глупостей. Затем меня спрашивают, как мне удастся поймать животных. На этот вопрос ответить потруднее, потому что есть сотни способов ловить диких животных; подчас никаких традиционных способов нет, и приходится выдумывать что-то прямо на ходу. Третий стандартный вопрос: а вы не привязываетесь к своим животным, не грустно вам отдавать их после экспедиции? Да, конечно, еще как привязываюсь; порой, когда расстаешься с существом, прожившим рядом с тобой восемь месяцев, просто сердце разрывается.

И ведь бывает же, что совершенно неожиданно для себя отдаешь сердце самому несообразному животному, какому-нибудь маленькому чудищу, которое в обычной обстановке вызвало бы у тебя прямо противоположные чувства. Одним из таких существ, помнится, была Вильгельмина.

Вильгельмина - это самка хлыстоногого скорпиона, и, если бы мне сказали, что настанет день, когда я почувствую хоть малейшую симпатию к хлыстоному скорпиону, я бы ни за что не поверил. Из всех населяющих земной шар

живых существ хлыстоногие скорпионы самые несимпатичные. Для тех, кто не обожает пауков (а я именно такой человек), хлыстоногий скорпион просто воплощение ужасного кошмара. Он похож на паука размером с грецкий орех, расплющенного паровым катком в тонкую, как вафля, лепешку. Лепешка топырится во все стороны бесчисленными, на первый взгляд, угловатыми лапами, занимая окружность с суповую тарелку. В довершение всего возле головы, если только можно сказать, что у подобного создания есть голова, находится пара невероятно длинных, похожих на хлысты ног, которые у взрослого экземпляра достигают длины в двенадцать дюймов. Эти существа способны скользить по любой поверхности с неслыханной резвостью - вверх, вниз, в сторону - и заталкивать свое отвратительное тельце в трещины, куда не поместился бы и кусочек папиросной бумаги.

Вот что представляет собой хлыстоногий скорпион, и для всех, кто терпеть не может пауков, это просто сущий дьявол. К счастью, он совершенно безобиден - если у вас здоровое сердце.

С родичами Вильгельмины я впервые свел знакомство в тропических лесах Западной Африки, где ловил животных. В тех местах охотиться всегда трудно по множеству причин. Во-первых, деревья там настоящие великаны, высотой до ста пятидесяти футов, с толстенными стволами, что твоя фабричная труба. Листва в их кронах густа и обильна, ветви переплетены лианами и украшены паразитическими растениями - настоящие висячие сады. Но все это находится в восьмидесяти - ста футах над землей, и добраться туда можно только по гладкому, как столб, стволу, без единого сучка до высоты в семьдесят футов. Это верхний горизонт тропического леса, самый густонаселенный, где в относительной безопасности обитает множество животных, которые на землю спускаются или очень редко, или ни разу за всю жизнь. Расставлять ловушки в пологе леса - дело нелегкое. Порой все утро убиваешь на то, чтобы вскарабкаться на дерево и надежно пристроить ловушку. А когда с облегчением касаешься ногой земли, проклятая ловушка сама собой захлопывается с торжествующим лязганьем, и весь изнурительный процесс приходится повторять заново. Вот почему, мирясь с печальной необходимостью ставить ловушки в кронах, вы всегда мечтаете отыскать менее трудоемкий способ ловить нужных вам животных. Один из самых интересных и добычливых способов ловли выкуривание обитателей гигантских стволов.

У некоторых лесных великанов, с виду совершенно крепких и надежных, на самом деле внутри находится дупло, иногда во всю длину. Такие деревья и надо разыскивать, хотя это вовсе не просто. За день можно найти от силы штук шесть, и только одно из них принесет после подкуривания приличный улов.

Подкуривать дуплистое дерево - настоящее искусство. Для начала, если понадобится, нужно расширить отверстие внизу и разложить возле него небольшой костер из сухих веток. Затем надо послать двух африканцев наверх с сетями - они загораживают все щели и дыры в коре, после чего устраиваются в тех точках, где могут выскочить исполощенные животные. Когда все готово, вы разжигаете костер и, как только ветки хорошенько занялись, наваливаете сверху огромную охапку свежей зеленой листвы. Огонь тут же глохнет, но от костра поднимается столб густого, едкого дыма. Громадный полый внутри ствол создает отличную тягу, как фабричная труба, и дым бурно устремляется

вверх. Пока не разожжешь костер, просто не представляешь себе, какое бесчисленное множество дыр и щелей в древесном стволе. Глядя вверх, вы видите тонкий завиток дыма, чудом возникающий на коре футов в двадцати над землей, - он просочился через едва видимую щелку; а немного погодя еще на десять футов выше из трех дырочек, как из крохотных пушек, вылетают новые облачка дыма. Следя глазами за вьющимся над корой дымком, вы контролируете процесс подкуривания. Если дерево попало удачное, наблюдения внезапно обрываются в тот момент, когда дым достигает примерно середины ствола, - тут начинается всеобщее бегство и только смотри не зевай.

Такое полое дерево, населенное живностью, очень похоже на многоэтажный дом. В квартирах первого этажа, например, обитают гигантские сухопутные улитки, размером с яблоко, которые вылезают из укрытия со всей скоростью, доступной улиткам в минуту бедствия. За ними следуют животные, то ли предпочитающие бельэтаж, то ли не умеющие лазать: крупные лесные жабы, спины у которых цветом и узором напоминают сухой лист, а щеки и бока - яркого, чудесного цвета красного дерева. Они вразвалочку вылезают из-под корней с уморительно высокомерным и возмущенным видом, а на открытом месте вдруг припадают к земле и озираются с трогательной беспомощностью.

Принудительно выселив нижних жильцов, приходится подождать, пока обитатели верхних этажей доберутся до отверстий внизу ствола. Первыми почти всегда выползают гигантские многоножки - забавные создания, похожие на толстенные, тугие сардельки с бахромой бесчисленных ножек на брюшке. Я, признаться, питаю слабость к этим безобидным, довольно глупым существам. Потешнее всего наблюдать, как такая сарделька, оказавшись на столе, бросается со всех ног вперед, добирается до края и, даже не замечая, что опора уходит из-под ног, неистово молотит в воздухе ножками, продолжая двигаться в пустоту до тех пор, пока не начнет сгибаться вниз под собственной тяжестью. Тогда, наполовину вися над пропастью, многоножка замирает, обдумывая положение, и, очевидно, смекает, что не все в порядке. И вот, начиная с самой последней пары ног, она дает задний ход, подтягивается на стол, чтобы, добравшись до другого края, повторить тот же трюк сызнава.

Наступая, так сказать, на пятки гигантским многоножкам, бросаются в бегство остальные жильцы верхних этажей: кто лезет вверх, кто - вниз. Среди них могут оказаться белки с черными ушками, зеленой шкуркой и изумительно красивым огненно-рыжим хвостом; серые гигантские сони сломя голову выскакивают из дупла, а пушистые хвосты тянутся за ними, как струи дыма; вылезает парочка буш-бэби с громадными удивленными глазами и тонкими, дрожащими ручками, словно у древних старичков. И само собой, масса различных летучих мышей: одни - толстые, бурые, с причудливыми, похожими на цветы выростами на рыльцах и большими прозрачными ушами; другие - ярко-рыжие, их мордочки со свинными пяточками закрывают черные уши. И пока продолжается диковинное шествие животных, повсюду кишмя кишат хлыстоногие скорпионы: они бесшумно снуют вверх и вниз по стволу с непостижимой, жуткой скоростью, а стоит замахнуться на них сачком, как втискивают свои отвратительные тельца в мельчайшие щелки, а потом вдруг возникают ниже, футов на десять, скользя прямо на вас с явным намерением найти убежище у вас за пазухой. Вы отскакиваете подальше, а мерзкая тварь буквально исчезает, только из трещины коры торчат две шевелящиеся антенны,

выдавая ее присутствие. А ведь туда и визитную карточку не запихнешь! Да, из всего звериного населения Западной Африки хлыстоногие скорпионы нанесли, я думаю, самый большой ущерб моему здоровью. Тот день, когда я прислонился к дереву, а исключительно крупный и длинноногий экземпляр пробежал по моей голой руке, запомнился мне навеки. Это сократило мне жизнь на год, не меньше.

Но вернемся к Вильгельмине. Вильгельмина - весьма благовоспитанная и здоровенькая крошка - была одним из десяти близнецов, и мое близкое знакомство с нею началось с того, что я поймал ее мать. Это была чистая случайность.

Много дней я провел в лесу, подкуривая деревья, чтобы раздобыть редкостную зверюшку - карликового шипохвоста. У этих мелких млекопитающих, похожих на мышек с длинными пушистыми хвостами, между передними и задними лапками натянута своеобразная перепонка - с ее помощью они скользят по воздуху легко, как ласточки. Шипохвосты живут колониями в полых стволах деревьев, но самое трудное - отыскать дерево, где ютится такая колония. И когда после долгих и бесплодных поисков я наконец обнаружил драгоценных зверьков, более того - ухитрился изловить несколько штук, я себя не помнил от радости. Я даже соблаговолил обратить внимание на многочисленных хлыстоногих скорпионов, шнырявших по стволу. Вдруг мне на глаза попался чрезвычайно странный с виду экземпляр, который и вел себя как-то странно; я смотрел на него словно замороженный. Во-первых, этот щеголь носил что-то вроде зеленой шубы, почти целиком скрывавшей шоколадно-коричневое тело. Во-вторых, он продвигался по коре неторопливо и осторожно, а не молниеносными перебежками, как нормальные хлыстоногие скорпионы.

Я подумал, что зеленая шуба и медлительная походка, должно быть, свидетельство весьма преклонного возраста, и стал разглядывать существо, наклоняясь поближе. К превеликому своему удивлению, я увидел, что зеленая шуба состоит из крохотных хлыстоногих скорпиончиков, чуть побольше ногтя, и, как я понял, прибавление семейства произошло совсем недавно. В отличие от своей темно-шоколадной матушки, они были яркого желто-зеленого цвета. Кондитеры любят делать на тортах узоры такого ядовито-зеленого цвета. Мать шествовала так медленно и торжественно просто потому, что иначе кто-нибудь из младенцев мог не удержаться и свалиться вниз. С чувством раскаяния я признался себе, что никогда не интересовался личной жизнью хлыстоногих скорпионов и даже не подозревал, что мать окажется настолько заботливой, чтобы носить все свое потомство на спине. Устыдившись своего легкомыслия, я подумал, что мне представляется прекрасная возможность пополнить свои знания об этих существах. Я осторожно изловил самку, чтобы не разронять ее многочисленное потомство, и отнес в лагерь.

Я устроил мать с семейством в просторном ящике, где было легко укрыться среди набросанной листвы и кусков коры. Каждое утро я с некоторой опаской заглядывал в эти укрытия, проверяя, все ли в порядке. В первое время, стоило мне поднять кусок коры, под которым затаилась самка, как она выскакивала из-под него и шустро карабкалась вверх по стенке ящика - пугающая привычка! Я каждый раз вздрагивал и поспешно захлопывал крышку, боясь прищемить ее длинные ноги или антенны. К счастью, дня через три она ко мне привыкла и спокойно разрешала менять листья и куски коры, не обращая на ме-

ня особого внимания.

Мать с маленькими хлыстоногими скорпионами прожила у меня два месяца к тому времени они уже перестали ездить на материнской спине. Дети расселились по разным углам ящика, хорошо росли и постепенно меняли свой зеленый цвет на коричневый. Как только шкурка становилась для них слишком тесной, они сбрасывали ее, вылезая через трещину на лопнувшей спинке, как пауки. После каждой линьки они оказывались чуть больше и потемнее. Я обнаружил, что мать готова принять любую пищу - от мелкого кузнечика до крупного жука, а вот молодежь оказалась привередливой - им подавай мелких паучков, слизней и другую легкую еду. Вся семья благоденствовала, и я даже стал гордиться своими питомцами. Но вот настал тот страшный день, когда я, вернувшись с охоты, застал в лагере следы настоящей трагедии.

Ручная маргышка пата (обыкновенный гусар), которую я держал на привязи рядом с палаткой, перегрызла веревку и принялась разгуливать на свободе по всему лагерю. Прежде чем ее заметили, она слопала связку бананов, три плода манго и четыре крутых яйца, расколотила две бутылки с дезинфицирующей жидкостью и закончила погром, столкнув на землю мой ящик с хлыстоногими скорпионами. Ящик разбился, и все семейство бросилось кто куда. А негодный гусар, для которого не было ничего святого, деловито изловил и сожрал моих скорпионов одного за другим! К моему возвращению разбойник уже сидел на привязи, страдая от приступа икоты.

Я поднял разбитую скорпионью детскую и грустно заглянул внутрь, ругая себя на чем свет стоит за то, что оставил ее в таком незащищенном месте, и проклиная обжору гусара. К своему несказанному удивлению и радости, я увидел, что на кусочке коры распластался в полном одиночестве один из маленьких хлыстоногих скорпионов - единственный младенец, уцелевший после избиения. Я с нежностью взял бедняжку, пересадил в уютную и более прочную квартиру, закармлил ее слизнями и прочими лакомствами и нарек, без какого бы то ни было повода, Вильгельминой.

За то время, что у меня прожила мать Вильгельмины и она сама, я очень многое узнал о хлыстоногих скорпионах. Например, что, хотя они и не прочь поохотиться среди бела дня, если проголодались, по-настоящему они оживляются только ночью. Днем Вильгельмина могла показаться вялой и туповатой, но к вечеру оживала и, если можно так выразиться, расцветала. Она принималась разгуливать взад-вперед по своему ящику, держа клешни в полной боевой готовности, а длинными, похожими на хлысты ногами ощупывая все впереди. Эти невероятно удлиненные ноги напоминают антенны, и считается, что они играют роль щупалец, но мне кажется, они выполняют куда более сложные функции. Я своими глазами видел, как Вильгельмина размахивала ими, направив в сторону насекомого, затем они замирали, слегка вибрируя, а Вильгельмина готовилась к схватке, как будто она почуяла или услышала насекомое с помощью своих длинных хлыстоподобных ног. Иногда она таким образом "скрадывала" свою добычу; иногда просто затаивалась в засаде, пока несчастное насекомое буквально не забредало в ее объятия, и тогда она нежно привлекала добычу мощными клешнями прямо ко рту.

По мере того как она подрастала, я предлагал Вильгельмине все более крупную добычу и не мог не восхититься ее смелостью. Она напоминала мне задиристого терьера, который тем задорнее сражается со своими противниками,

чем они крупнее. Я настолько увлекся ее неподражаемым мужеством и мастерством в битвах с насекомыми одной с нею весовой категории и даже более крупными, что однажды, не подумав, посадил к ней очень большого кузнечика. Вильгельмина бесстрашно бросилась на противника и схватила его за толстое брюшко своими клешнями. Однако я здорово перепугался, когда кузнечик изо всех сил оттолкнулся мощными задними ногами, вместе с Вильгельминой взвился в воздух, стукнулся о проволочную сетку, а потом с треском свалился обратно на пол. Но Вильгельмина, как ни в чем не бывало, держалась клешнями за неистово скачущего по клетке врага, то и дело звучно хлопаясь вместе с ним о проволочный потолок. Наконец кузнечик выбился из сил. Вильгельмина воспользовалась этим и быстро с ним покончила. Но после этого я все же старался давать ей насекомых помельче: мне живо представлялось, как у нее отламываются ножка или один из "хлыстов" во время такой дикой скачки.

К этому времени я уже полюбил Вильгельмину и очень ею гордился. Насколько я знал, она была единственным хлыстоногим скорпионом, живущим в неволе. К тому же она стала совершенно ручной. Достаточно было слегка постучать по ее ящичку, как она тут же вылезала из укрытия и махала мне своими хлыстами. А затем, если я просовывал внутрь руку, она забиралась на мою ладонь и спокойно сидела там, поедая слизней - свое любимое лакомство.

Приближалось время переправлять моих многочисленных животных в Англию, и тут я начал беспокоиться - как же быть с Вильгельминой? Предстояло двухнедельное путешествие, и запастись живыми насекомыми на весь этот срок я не мог. Тогда я решил попробовать предложить ей сырое мясо. Приучать ее пришлось довольно долго, но, как только я научился соблазнительно помахивать кусочком мяса, чтобы Вильгельмина его схватила, она приняла игру и с удовольствием перешла на новую диету. Когда мы вывозили свое зверье к побережью на грузовиках, Вильгельмина вела себя как бывалый путешественник: смирно сидела в своем ящичке и смаковала кусочек сырого мяса, которого ей хватило почти на всю дорогу. На борту корабля она в первый день немного хандрела, но потом привыкла к незнакомой обстановке; морской воздух, как видно, пошел ей на пользу, и она даже расшалилась. Это ее и погубило.

Как-то вечером, когда я пришел ее покормить, она взбежала до самого моего локтя и, прежде чем я успел сообразить, что происходит, свалилась на крышку люка. Она уже собиралась протиснуться в щель и пуститься в разведку, когда я опомнился и успел схватить ее. Несколько дней после этого я кормил ее со всеми предосторожностями, и мне показалось, что она остепенилась и снова владеет собой.

Но как-то вечером она с таким умоляющим видом размахивала передо мной своими "хлыстами", что я вынул ее, посадил на ладонь и стал угощать оставшимися в жестяной баночке слизнями, которых я прихватил про запас. Она скушала двух слизней, мирно и благовоспитанно сидя у меня на ладони, и вдруг как подпрыгнет вверх! Момент был выбран самый неудачный: когда она взвилась в воздух, порыв ветра налетел и подхватил ее. У меня перед глазами мелькнули отчаянно трепыхавшиеся хлысты, и вот она уже за перилами, в необозримой, всхолмленной волнами морской стихии. Я бросился к перилам и свесился вниз, высматривая ее, но разве можно разглядеть такое кро-

хотное существо в сумятице и белой пене волн? Я поспешно бросил вниз ее ящичек, напрасно надеясь, что она найдет его и выберется на этот спасательный плот. Смешная и глупая надежда, сам понимаю, но уж очень страшно было представлять себе, как она тонет, и ничем не попытаться помочь. Если бы я мог, то, наверное, высек бы себя за то, что вынул Вильгельмину из ящика; я и не думал, что потеря этого странного существа так глубоко огорчит меня. Я успел по-настоящему полюбить ее, и она, как мне казалось, доверяла мне. Да, это был трагический конец. У меня осталось только одно небольшое утешение: узнав Вильгельмину, я никогда уже не смогу смотреть на хлыстоногого скорпиона с прежним отвращением.

Усыновить муравьеда

Когда вы наловите живьем две сотни птиц, млекопитающих и пресмыкающихся, за ними приходится ухаживать, как за двумястами изнеженных ребятишек. Это требует громадного труда и бесконечного терпения. Необходимо для каждого из них подобрать подходящий рацион, держать животных в достаточно просторных клетках и следить, чтобы они не перегрелись в тропиках и не простудились по дороге в Англию. Нужно провести обработку против блох и клещей, прогнать глистов, а клетки необходимо содержать в образцовой чистоте.

Но превыше всего вы должны соблюдать одно правило: ваши животные должны быть счастливы. Как бы хорошо за ним ни ухаживали, дикое животное недолго проживет в неволе, если не будет довольным и счастливо. Конечно, это относится к взрослым, пойманным на свободе животным. Но время от времени к вам попадает детеныш, который, очевидно, после гибели матери бродил по лесу как неприкаянный. Отловив такого сиротку, готовьтесь к бесчисленным заботам и тревогам и не забывайте, что вам придется окружить малыша любовью и вниманием, чтобы он чувствовал себя в полной безопасности, ведь дня через два вы станете для него родной матерью и родным отцом и детеныш будет безгранично доверять вам и полностью от вас зависеть.

Порой это сильно осложняет жизнь. Мне приходилось быть приемным родителем шестерых звериных младенцев сразу, и дело это нешуточное. Достаточно того, что приходится вставать в три часа ночи, в полусне возиться с шестью разными бутылочками молока, стараясь разглядеть сквозь слипающиеся веки, сколько капель витамина и глюкозы куда капаешь, и заранее зная, что через три часа все придется повторить снова.

Как-то мы с женой поехали ловить животных в Парагвай - страну, лежащую в самом центре Южной Америки и напоминающую по форме коробку для обуви. Мы собрали там, в отдаленном районе Чако, чудесную коллекцию животных. В подобных экспедициях вас часто настигают не имеющие ни малейшего отношения к животным неприятности, которые нарушают ваши планы или всячески досаждают вам. Но, слава создателю, политика до тех пор не входила в их число. На этот раз, однако, парагвайцы решили, что пора устроить переворот, а нам пришлось из-за этого выпустить на волю почти всех животных и удирать в Аргентину на крошечном четырехместном самолете.

Когда мы были совсем готовы к отступлению, в наш лагерь заглянул индеец с мешком, из которого неслись совершенно несусветные звуки. Это была какая-то помесь рыдающей виолончели с охрипшим ослом. Индеец развязал

мешок и вывалил из него одно из самых прелестных маленьких животных, какое только мне приходилось видеть. Это была самочка гигантского муравьяда, не больше недели от роду. Размером она была примерно со спаниеля, шкурка у нее пепельно-серая с черным и белым, рыльце вытянуто в трубочку, а глазки крохотные и мутноватые. Индеец сказал, что поймал ее в лесу, где она бродила одна-одинешенька, жалобно и отрывисто подвывая. Должно быть, ее мать убил ягуар.

Этот младенец свалился нам на голову в самый неподходящий момент. Мы вот-вот должны были улетать, а самолет был почти игрушечный, так что приходилось расставаться почти со всем нашим скарбом, чтобы затолкать в самолет пять или шесть животных, которых мы твердо решили взять с собой. В такое время было чистейшим безумием обременять себя еще и увесистым сосунком-муравьедом, с которым нужно нянчиться и кормить из бутылочки! Но если даже позабыть про все сложности, я в жизни не слыхал, чтобы кто-нибудь пытался выкормить детеныша муравьяда из соски. Короче говоря, это было совершенно нереальное предприятие. Я было уже совсем утвердился в своем решении не брать его, но тут малышка, не переставая жалобно сигналить, как попавший в пробку автомобиль, наткнулась на мою ногу, взобралась ко мне на колени и, блаженно погукивая, уснула. Я молча заплатил индейцу запрошенную за нее цену. Так я стал приемным отцом одного из самых очаровательных детенышей на свете.

Трудности начались с первой минуты. У нас была бутылочка, но соски все вышли. К счастью, после тщательного прочесывания деревни - дом за домом - мы раскопали одну-единственную соску, невообразимо древнюю и чудовищно грязную. После нескольких проб и ошибок малышка приспособилась к бутылочке гораздо лучше, чем я смел надеяться, но тем не менее кормление оказалось крайне болезненной процедурой.

Детеныши муравьяда в столь нежном возрасте обычно ездят верхом на спине матери, цепляясь за нее, и раз уж мы стали, так сказать, родителями малышки, она то и дело норовила оседлать кого-нибудь из нас. Когти у нее были дюйма три в длину, и, когда она карабкалась наверх, хватка у нее была железная. Посасывая соску, она обычно тремя лапами любовно обхватывала вашу ногу, а четвертой держалась за палец, ритмически сжимая его изо всех сил, - видно, ей казалось, что так легче выдоить побольше молока из бутылочки. Под конец каждой кормежки вы чувствовали себя так, словно побывали в когтях у медведя-гризли, а пальцы вам прищемили дверью.

Первые дни я носил ее на себе, чтобы она успокоилась. Она больше всего любила лежать у меня на шее - длинный нос свешивается с одной стороны, а роскошный хвост - с другой: живая горжетка. Но стоило мне пошевелиться, как она в панике цеплялась за меня, и это было чертовски больно. Когда четвертая рубашка превратилась в лохмотья, я решил, что придется подыскать себе какую-нибудь замену, и набил соломой мешок - пусть цепляется за него. Она без капризов приняла его и теперь между кормежками лежала у себя в клетке, нежно ухватившись за свою поддельную маму. Мы уже назвали крошку Сарой, но, после того как она стала неразлучна с мешком, набитым соломой, мы дали ей еще и прозвище - Сара Мешочница.

Сара была образцовым младенцем. Между кормежками она тихонько полеживала на своем мешке, время от времени зевая и высовывая липкий серова-

то-розовый язык длиной дюймов в двенадцать. Когда же ей давали бутылочку, она присасывалась к ней с такой силой, что соска вскоре превратилась из красной в бледно-розовую и свисала, как тряпка, с горлышка бутылки, а в дырочку на конце свободно входила спичка.

Когда мы поспешно покидали Парагвай на том самом ненадежном самолётике, Сара всю дорогу проспала на коленях у жены, сладко похрапывая и время от времени пуская пузыри из липкой слюны.

Прибыв в Буэнос-Айрес, мы первым делом решили порадовать Сару. Мы сделаем ей сюрприз - подарим новехонькую, блестящую соску! Сколько сил мы потратили, перебирая соски, чтобы выбрать одну самого подходящего размера, формы и цвета, а потом мы водрузили ее на бутылку и поднесли Саре. Она была шокирована. Заливисто загудела при одном намеке на подмену соски и точным боковым ударом вышибла бутылку у меня из рук. Она сменила гнев на милость и согласилась есть только после того, как мы надели на бутылку старую, потрепанную соску. С тех пор Сара с нею не расставалась; после нашего возвращения в Англию она еще много месяцев не отдавала ее.

В Буэнос-Айресе мы поместили животных в пустующем доме на окраине. До центра города, где мы жили сами, было полчаса езды на такси, и нам приходилось проделывать этот путь по два, а то и по три раза в день. Очень скоро мы убедились, что вскармливание детеныша муравьеда абсолютно несовместимо со светской жизнью. Вам никогда не приходилось объяснять хозяйке дома, почему вы выскакиваете из-за стола в самом разгаре званого обеда, - мол, надо покормить сосунка-муравьеда? В конце концов наши друзья отчаялись и капитулировали. Они вначале звонили по телефону и справлялись, когда мы кормим Сару, а уж потом приглашали нас в гости.

К тому времени Сара сильно подросла и стала проявлять самостоятельность. После вечернего кормления она отправлялась прогуляться по комнате.

Это было громадное достижение: ведь раньше она сразу начинала орать, будто ее режут, если вы отходили от нее хотя бы на полметра. Обойдя дозором всю комнату, она начинала с нами заигрывать. Она подходила к нам вплотную, соблазнительно помахивая хвостом и задрав длинный нос. Нам полагалось схватить ее за кончик хвоста и дернуть, а она оборачивалась на задних лапах и передней лапой шаловливо шлепала по руке. После двадцати или тридцати таких заходов она, наигравшись, требовала, чтобы ее переворачивали на спину и чесали ей брюшко минут десять кряду, а она лежала и пускала пузыри от восторга. После игры Сара безропотно отправлялась спать. Но попробуйте только уложить ее в постель без обычных игр - она будет лягаться, ворочаться и вопить, как самый капризный и балованный ребенок.

Оказавшись наконец на борту парохода, Сара не сразу поняла, нравится ей это или нет. Во-первых, на корабле как-то странно пахло; во-вторых, там всегда дул сильный ветер, который едва не сносил ее за борт каждый раз, как она выходила погулять по палубе; но больше всего она была возмущена тем, что палуба качается под ногами. Сначала ее вело в одну сторону, потом в другую, так что Сара ковыляла куда попало, жалобно гудя и стучаясь носом о крышки люков, о переборки. Но затем погода улучшилась, и Сара оценила радости путешествия. Иногда я брал ее с собой в послеобеденное время на прогулочную палубу: там она укладывалась в шезлонге и принимала солнечную ванну. Один раз она даже побывала на мостике - по особому приглашению капитана.

Я-то думал, что он не устоял перед обаянием ее незаурядной личности, но, как оказалось, он просто хотел рассмотреть, где у нее голова, а где хвост издали ничем не разберешь.

Должен признаться, мы очень гордились Сарой. По прибытии в лондонскую гавань она позировала фотографу без малейшего смущения, как прирожденная знаменитость. Она снизошла даже до того, что лизнула одного репортера большая честь! Мы старались убедить его в этом, пока помогали ему стереть полосу липкой слюны с пальто. Но, судя по его лицу, он так и не оценил оказанное ему предпочтение.

Прямо с пристани Сара проследовала в зоопарк в Девоншире, и нам было очень горько расставаться с ней. Конечно, нам сообщали, как она растет, и, судя по всему, жилось ей хорошо. Она очень привязалась к служителю, который за ней ухаживал.

Несколько недель спустя я должен был читать лекцию в Фестиваль-холле, и организатору пришла в голову неплохая мысль: в конце лекции я должен вывести на сцену какое-нибудь экзотическое животное. Я сразу же подумал о Саре. Руководство зоопарка и дирекция Фестиваль-холла единодушно одобрили эту идею, но я настоял на том, чтобы для Сары выделили отдельную примерную, пока она будет ждать своего выхода.

Я встретил Сару с ее смотрителем на вокзале Паддингтон. Сара прибыла в громадной клетке - она вымахала ростом с ирландского сеттера и произвела фурор на платформе. Заслышав мой голос, она бросилась к решетке и высунула наружу все двенадцать дюймов липкого языка - это было довольно влажное, но искреннее приветствие, полное любви. Толпа, окружившая клетку, кинулась врассыпную, видимо, решив, что из клетки вылезает какая-то невиданная змея, и нам пришлось долго уламывать носильщиков, пока нашелся храбрец, который погрузил ее на свою тачку и отвез к грузовику.

Мы прибыли в Фестиваль-холл как раз к окончанию репетиции симфонического оркестра. Сами взяли за клетку с Сарой и покатали ее по длинным коридорам до артистической, но тут дверь распахнулась, и навстречу нам вышел сэр Томас Бичем с сигарой в зубах. Мы вкатили Сару в комнату, которую он только что покинул.

Пока я читал лекцию, жена развлекала Сару, бегая с ней по примерной, и тут один из носильщиков перепугался до полусмерти, услышав шум и топот: он решил, что Сара вырвалась из клетки и терзает мою супругу. Наконец наступил торжественный момент, и Сару под гром аплодисментов вынесли на сцену. Она была очень близорука, как все муравьеды, и аудитория для нее попросту не существовала. Она равнодушно осмотрелась, не понимая, откуда этот шум и гам, но решила, что он не заслуживает внимания.

Пока я превозносил все ее достоинства, она бродила по сцене, ни на что не обращая внимания, только порой шумно фыркала в углу, а микрофон она обязательно лизала мимоходом, так что следующий исполнитель получил его в довольно-таки обнюнявленном виде. Как раз когда я расписывал ее благовоспитанность, Сара наткнулась на стоявший посреди сцены стол и с глубоким, блаженным вздохом принялась чесаться об него задом. Успех она имела грандиозный.

После конца лекции Сара принимала немногих избранных в своей артистической уборной и так расшалилась, что несколько раз проскакала галопом

взад-вперед по коридору. Потом мы закутали ее потеплее и посадили вместе со зрителем в девонский ночной поезд.

Как оказалось, Сара вернулась в зоопарк окончательно испорченным ребенком. Слава вскружила ей голову. Три дня она отказывалась оставаться в одиночестве, бушевала, топала и дико "сигналила", а есть вообще соглашалась только из рук.

Еще через несколько месяцев я решил показать Сару в телевизионном обзоре, так что ей снова пришлось отведать блеска и суеты "звезды" искусства. Во время репетиций она вела себя поразительно благопристойно, если не считать того, что ей до смерти хотелось поближе познакомиться с камерой, от которой ее приходилось оттащить силой. Когда спектакль закончился, Сара наотрез отказалась идти обратно в клетку, и потребовались объединенные усилия трех человек - мне помогали зритель и помощник режиссера, - чтобы водворить ее туда. Дело было вовсе не простое: Сара от носа до хвоста была уже шести футов длиной, а высотой в холке - до трех футов; передние лапы у нее стали толщиной с мое бедро. Потом мы долго не виделись с Сарой, но наконец как-то навестили ее. С нашей последней встречи прошло полгода, и я, честно говоря, был уверен, что она нас забыла. Конечно, я горячий поклонник муравьедов, но не стану отрицать, что эти милые животные умом не блещут, а полгода - срок немалый. Когда мы ее окликнули, Сара кубарем выкатилась из своей спальни и опрометью кинулась к решетке, норовя нас облизать. Мы даже вошли в клетку и долго с нею играли, а это неопровержимо доказывает, что она нас узнала: к ней давно никто не осмеливался входить, кроме ее зрителя.

Наконец мы все же распрощались с нею, и это было грустное прощание: она смотрела нам вслед, пуская пузыри. Моя жена заметила: "Как будто мы навсегда оставляем собственного ребенка в интернате". Ничего не поделаешь, мы ведь только приемные родители, во всяком случае мы были родителями Сары.

Немного спустя нам сообщили приятную новость. Мы узнали, что у Сары появился будущий супруг. Пока он еще слишком молод, чтобы сводить их вместе, но скоро подрастет. И кто знает, может быть, ровно через год мы будем счастливыми дедушкой и бабушкой здорового, резвого маленького муравья!

Портрет Павло

Вот что забавно: когда вы держите дома диких животных, вы непременно начинаете смотреть на них как на маленьких человечков и обязательно приписываете им выдуманные вами черты. А избежать такого "очеловечивания" чертовски трудно. Вот, например, живет у вас золотистый хомячок, и вы изо дня в день наблюдаете, как он сидит столбиком и грызет орех, придерживая его дрожащими от жадности миниатюрными розовыми "ручками", и щеки у него все больше оттопыриваются - он набивает защечные мешки про запас, как вдруг в один прекрасный день вы совершаете открытие: да он же вылитый дядюшка Эмос, когда тот сидит после плотного обеда в своем клубе. С этой минуты ошибка уже непоправима. Хомячок живет себе, как полагается хомячку, но вы-то видите в нем только крохотного дядюшку Эмоса, одетого в рыжевато-ватую шубу, вечно восседающего в своем клубе с набитым едой ртом. Очень немногие животные обладают достаточно яркой индивидуальностью и силь-

ным характером, чтобы избежать такого отношения: они настолько выдающиеся личности, что вы поневоле начинаете видеть в них уникальные существа, а не уменьшенные копии какого-то человека. Я отловил многие сотни животных для английских зоопарков, да и дома у меня постоянно жили многочисленные ручные звери, и все же я смогу назвать не больше десятка животных, обладавших незаурядной и яркой индивидуальностью. Они не только совершенно не похожи на себе подобных, но и оказываются сильными личностями, которым почти невозможно приписать сходство с кем бы то ни было.

Павло был одним из самых маленьких в этом десятке. Это был самец черноухой мармозетки. Рассказ о нем надо вести издалека - его история началась еще во время моей экспедиции в Британскую Гвиану. Однажды вечером я сидел, затаившись в кустах возле полянки, и не сводил глаз с норы на берегу ручья - я был совершенно уверен, что там сидит какое-нибудь животное. Солнце садилось, и на золотисто-розовом небе черными силуэтами рисовались гигантские деревья, оплетенные лианами так густо, что казалось, будто они запутались в густой паутине. Нигде не найдешь такого полного и умиротворяющего покоя, как в тропическом лесу на закате. Я сидел, любясь великолепием красок и форм, в том бездумном и открытом для впечатлений состоянии, которое буддисты считают первой стадией нирваны. Внезапно мое блаженное состояние было нарушено: в лесу раздалось залиvistое верещание такой силы и пронзительности, что мне показалось, будто мне в уши воткнули иголки. Осторожно осматриваясь, я попытался определить, откуда донесся звук: древесные лягушки и насекомые подобных звуков не издают, а для птицы он был слишком резким и немелодичным. Но вот на толстой ветке футы в тридцати над моей головой обнаружился источник шума: крохотная мармозетка трусцой бежала по ветке, как по широкой дороге, пробираясь среди зарослей орхидей и других растений-паразитов, которыми была усеяна кора. Я видел, как обезьянка остановилась, присела на задние лапки и испустила еще один столь же пронзительный крик; на этот раз неподалеку раздался ответный визг, и к ней присоединились еще две мармозетки. Воркуя и пискливо переговариваясь друг с другом, они пробирались среди орхидей, тщательно их обыскивали и порой громко взвизгивали от восторга, обнаружив таракана или жука, спрятавшегося в листве. Одна из них долго преследовала добычу, раздвигая листья орхидеи и заглядывая внутрь с необычайно серьезным выражением на крохотном личике. Но когда обезьянка пыталась ухватить насекомое, листья лезли ей под руку, и насекомое успевало удрать в укрытие - на другую сторону кустика. Наконец мартышка наудачу запустила обе ручки в самую гущу листьев - и ей повезло: она с восторженным верещанием вытащила оттуда толстого таракана, крепко зажав его в кулачке. Таракан попался крупный и изо всех сил пытался вырваться; мартышка, должно быть опасаясь уронить его, поскорее зачихала добычу в рот. Она сидела, блаженно хрустя лакомством, и, проглотив последний кусочек, внимательно обследовала ладони и тыльную сторону рук - не осталось ли еще чего на закуску.

Меня совершенно околдовала эта сценка из жизни мармозеток, и, только когда стайка скрылась в уже темнеющем лесу, я обнаружил, что шею у меня свело, а нога затекла до полного бесчувствия.

Прошло немало времени, прежде чем мне снова пришлось столкнуться с этими крохотными мартышками. Я зашел в зоомагазин в Лондоне по делу, не

имеющему к мармозеткам никакого отношения, но первое, что мне бросилось в глаза, как только я переступил порог, была клетка, набитая мармозетками. Десяток взъерошенных, жалких зверьков старались уместиться на жердочке в грязной клетке. Но всем места явно не хватало, и они вынуждены были непрерывно толкаться, вытесняя друг друга. В большинстве это были взрослые зверьки, но среди них оказался один подросток, которому доставалось больше всех. Он был такой истощенный, такой неухоженный и крохотный, что при каждой потасовке его спихивали вниз. Глядя на жалкую, несчастную стайку дрожащих обезьянок, я вспомнил семейную сцену, которую наблюдал в Гвиане, вспомнил счастливых зверьков, весело снующих среди орхидей в погоне за вкусной добычей, и решил, что не уйду из магазина, не попытавшись выручить хотя бы одного маленького мученика. Не прошло и пяти минут, как выкуп был заплачен и самого маленького обитателя клетки, не обращая внимания на его жалобные причитания, извлекли на свободу и упаковали в картонную коробку.

По прибытии домой я нарек его Павло и познакомил со своей семьей, которая встретила его без особого восторга. Однако, немного придя в себя, Павло задался целью завоевать наши сердца, и не успели мы глазом моргнуть, как он крепко держал всех нас в своем малюсеньком кулачишке. Конечно, он был очень мал - с удобством располагался в большой чайной чашке, - но это ничего не значило. Он обладал истинным величием крупной личности, был настоящим маленьким Наполеоном, и устоять перед ним было почти невозможно. Головка у Павло была размером с большой грецкий орех, но очень скоро мы поняли, что в ней заключен незаурядный мозг, достойный мудреца и мыслителя. Поначалу мы поместили его в большой клетке, стоявшей в гостиной, чтобы он все время был на людях, но он чувствовал себя взаперти таким несчастным, что мы стали его выпускать на часок-другой каждый день. Это нас и погубило. Павло вскоре убедил нас, что клетка ему совершенно ни к чему, поэтому мы вынесли ее на свалку, а Павло позволили целыми днями разгуливать по дому. Он сделался самым маленьким, но полноправным членом семьи - собственно говоря, вел он себя так, как будто дом принадлежит ему, а мы только гости.

На первый взгляд Павло напоминал диковинную белочку, пока вы не замечали его абсолютно человеческое личико с блестящими, умнейшими карими глазами. Шерстка у него была очень мягкая, пестрая - каждый волосок был окрашен в оранжевый, черный и серый цвета в перечисленном порядке, а хвост покрыт черными и белыми кольцами. Шерсть на голове и шее имела шоколадно-коричневый цвет и свисала с плеч и груди неровной бахромкой. Большие уши были скрыты пышными пучками волос того же шоколадного цвета. По лбу, над бровями и по аристократической спинке носа проходила широкая белая полоса. Знатоки животных, которые его видели, все как один уверяли меня, что он долго не протянет: мармозетки, чья родина - жаркие тропические леса Южной Америки, больше года в нашем климате не живут. Казалось, что эти ободряющие пророчества начинают сбываться: прошло полгода, и Павло разбил паралич - он не владел мышцами нижней части тела. Мы начали отчаянную борьбу за его жизнь, а все, кто предсказывал нам это несчастье, говорили, что его пора усыплять. Но ему, судя по всему, было не больно, и мы решили не сдаваться. Четыре раза в день мы растирали его тоненькие

ножки, спину и хвостик теплым рыбьим жиром, добавляли рыбий жир и в его рацион, состоявший из таких деликатесов, как груши и виноград. Он возлежал на подушечке, трогательно беспомощный, завернутый в вату, а все наше семейство, сменяя друг друга, ему прислуживало. Больше всего на свете ему был нужен солнечный свет, а этого в нашем благословенном английском климате как раз и не хватало. Поэтому соседи могли наблюдать забавное зрелище: мы непрерывно носили нашего больного лилипута по всему саду, бережно помещая его подушку в любой проглянувший солнечный зайчик. Так тянулось целый месяц, но к концу месяца Павло уже мог слегка шевелить ножками и дергать хвостиком; еще через две недели он ковылял по дому, почти совсем оправившись. Мы ликовали: хотя дом еще много месяцев вонял рыбьим жиром, наш славный Павло стал таким же, как прежде.

Болезнь, как ни странно, даже пошла ему на пользу - она не ослабила, а закалила его настолько, что подчас он казался просто неуязвимым. Мы никогда его не кутали, и единственное послабление, которое допускали, - грелка, которую клали в его постель в холодные зимние ночи. Но ему это так понравилось, что он категорически отказывался ложиться без грелки даже в разгаре лета. Спальной Павло служил ящик комода в спальне моей матери, где был постлан старый халат и большой лоскут от меховой шубы. Павло укладывался в постель с соблюдением сложного ритуала: сначала в ящике расстилали халат, заворачивая в него грелку так, чтобы Павло не обжегся. Из мехового лоскута нужно было соорудить нечто вроде меховой пещерки; Павло туда заползал, сворачивался калачиком и блаженно закрывал глаза. Первое время мы задвигали ящик, оставляя только щелку для воздуха, чтобы Павло не вставал слишком рано. Но он очень быстро сообразил, что, если толкать головой ящик, щель можно расширить и - путь открыт!

Проснувшись около шести утра, Павло обнаруживал, что грелка остыла, и вылезал поискать местечко потеплее. Он пробирался по полу к маминой кровати, взбирался по ножке и оказывался на покрывале. Потом он прокрадывался к изголовью, радостно повизгивая, и вбуравливался под подушку, где и пребывал в тепле и уюте, пока мама не вставала. Если она оставляла его одного в постели, Павло приходил в ярость и, стоя на подушке, возмущенно бормотал и визжал ей вслед. Наконец, убедившись, что она не собирается ложиться обратно и согреть его особу, он пробирался по коридору к моей комнате и влезал ко мне под одеяло. Раскинувшись у меня на груди, он блаженствовал до тех пор, пока и я в свою очередь не вставал. Тогда он, стоя на моей подушке, осыпал меня оскорблениями, гримасничая от ярости и хмурясь, совсем как человек. Выложив мне все, что он обо мне думает, он спрыгивал и залезал в постель к моему брату, а когда его выдворяли и оттуда, успевал еще вздремнуть под боком у нашей сестры до самого завтрака. Эта утренняя миграция от кровати к кровати повторялась неукословно каждое утро.

Внизу в распоряжении Павло было много источников тепла. В гостиной стоял высокий торшер, которым он владел единолично: зимой он забирался под абажур, поближе к лампочке, и блаженствовал в тепле. У него была своя табуреточка с подушкой возле камина, но он отдавал предпочтение лампе, поэтому мы ее не выключали по целым дням, а счетчик накручивал сногшибательные суммы. В первые же погожие весенние деньки Павло выходил в сад, где любил сидеть на заборе, греясь на солнышке, или бродил взад-вперед, вы-

лавливая пауков и прочие лакомства. Примерно посередине забора была устроена зеленая беседка из увитых ползучими растениями шестов, и в эту гущу зелени Павло скрывался, если ему грозила опасность. Не один год тянулась его война с большой белой кошкой наших соседей: она, очевидно, полагала, что Павло просто какая-то необычная крыса и долг повелевает ей его прикончить. Она часами, не жалея себя, пыталась подкрасться к нему, но, так как белая шкура была отлично заметна на зелени листвы, ей ни разу не удалось застать Павло врасплох. Он дожидался, пока она подползет совсем близко, сверкая желтыми глазами, облизываясь розовым язычком, и, неспешной рысцой пробежав по забору, нырял в густое сплетение зелени. Оказавшись в полной безопасности, Павло вопил и улюлюкал, как уличный мальчишка, выглядывая из цветов, а одураченная кошка бродила вокруг, стараясь отыскать среди стеблей плюща дырку, куда могло бы протиснуться ее раскормленное туловище.

Возле забора, между беседкой, где прятался Павло, и домом, росли два небольших фиговых дерева, и мы вырыли вокруг них глубокие канавы, которые наполняли водой в летнюю жару. Однажды Павло разгуливал по забору, что-то бормоча себе под нос и охотясь на пауков, как вдруг, подняв голову, увидел своего злейшего врага - громадную белую кошку, которая восседала на заборе, отрезая ему путь к спасительной беседке. У него оставался единственный выход - отступить вдоль забора и удрать в дом, что он и сделал, во весь голос призывая на помощь. Конечно, жирная белая кошка не могла бежать с такой легкостью, как Павло, ей было далековато до циркового канатоходца, и все же она, медленно пробираясь по забору, стала нагонять Павло. Она, так сказать, висела у него на хвосте, когда он добрался до фиговых деревьев, со страху оступись и, закричав, полетел прямо в наполненную водой канаву под деревом. Он вынырнул на поверхность, задыхаясь и отфыркиваясь, и принялся плавать кругами, поднимая тучу брызг, а потрясенная кошка следила за ним глазами: вряд ли она когда-нибудь еще в жизни видела "водяную мартышку". К счастью, я подросел раньше, чем она успела опомниться и выудить Павло из воды, и ей пришлось спасаться бегством. Я вытащил захлебывающегося от ярости Павло, и остаток дня он пролежал перед камином, завернутый в одеяльце, мрачно бормоча что-то себе под нос. Это происшествие настолько расшатало его нервы, что он целую неделю не высовывал носа из дому, а стоило ему заметить вдалеке белую кошку, как он поднимал крик и не успокаивался до тех пор, пока кто-нибудь из нас не сажал его к себе на плечо, где он чувствовал себя в полной безопасности.

Павло прожил с нами восемь лет, и нам казалось, что в доме завелся гномик-домовой: нас то и дело подстерегали разные неожиданные неприятности. Приспосабливаться к нам он не желал, пришлось нам приспособливаться к его привычкам. Например, он настаивал на том, чтобы есть вместе с нами и непременно то же самое, что и все. Он ел из блюдечка, которое мы ставили на подоконник. На завтрак он получал овсянку или кукурузные хлопья с теплым молоком и сахаром; на второй завтрак ему давали зелень, картошку и ложку пудинга, какой ели все. Во время чаепития его приходилось силой держать подальше от стола, иначе Павло с пронзительным восторженным верещанием нырял в банку с вареньем: он искренне считал, что ее ставят на стол лично для него, и чувствовал себя глубоко оскорбленным, если вы не разделяли его точку зре-

ния. Мы обязаны были ровно в шесть часов укладывать его спать, а если опаздывали, то заставляли его нетерпеливо бегающим взад-вперед возле ящика комода - шерсть у него стояла дыбом от гнева. Нам пришлось научиться никогда не захлопывать дверь, не посмотрев, где Павло, - он почему-то очень любил сидеть наверху и предаваться размышлениям. Но самое ужасное, по его мнению, уйти на весь вечер, оставив его в одиночестве. Когда мы возвращались, он без обиняков выражал нам свое крайнее возмущение; мы впадали в немилость; он презрительно поворачивался к нам спиной, когда мы с ним заговаривали, или уходил в угол и сверлил нас оттуда пристальным взглядом, с лицом, перекошенным от гнева. Примерно через полчаса он весьма неохотно сменял гнев на милость и с царственной снисходительностью принимал кусочек сахара и глоток теплого молока перед отходом ко сну. У Павло совершенно так же, как у людей, менялось настроение: когда он бывал не в духе, он ворчал и ругался и порой готов был цапнуть вас ни за что ни про что. Зато, когда разнеживался, подбирался к вам, сияя от любви, очень быстро высовывая и убирая язычок, причмокивая губами, и, вскочив на плечо, страстно покусывал за ухо.

По дому он передвигался особым образом: он не любил спускаться на землю и старался не касаться пола, если это было возможно. В родном тропическом лесу он перебирался бы с дерева на дерево по лианам и веткам, но в пригородном доме таких удобств не предвиделось. Поэтому Павло передвигался, как по дорожкам, по планкам для картин, скользя с невероятной скоростью на одной руке и одной ноге и складываясь пополам, как мохнатая гусеница, пока не добирался до подоконника. Он взлетал вверх по гладкому краю двери с такой грацией и непринужденностью, с какой нам не удалось бы взбежать по парадной лестнице. Иногда он ухитрялся часть пути проделать на спине у нашего пса, прыгнув на него сверху и цепко держась за шерсть, как крохотный Старый Водяной. Пес, который успел усвоить, что особа Павло священна и неприкосновенна, молча бросал на нас умоляющие взгляды, пока мы не снимали мартышку у него со спины. Он недолюбливал Павло по двум причинам: во-первых, пес не понимал, почему это похожее на крысу создание беспрепятственно разгуливает по всему дому, а во-вторых, Павло докучал ему и донимал его, не жалея сил. Обезьянка свешивалась с подлокотника кресла и дергала пса за брови и усы, тут же отскакивая на безопасное расстояние. А то еще, дождавшись, пока пес уснет, Павло совершал молниеносный наскок на его незащитный хвост. Однако временами заключалось нечто вроде вооруженного перемирия, и пес лежал, растянувшись перед камином, а Павло, сидя у него на боку, старательно приводил в порядок его лохматую шкуру.

Когда настал его смертный час, Павло обставил свой уход в лучших викторианских традициях. Несколько дней ему нездоровилось, и он все время лежал в комнате сестры на широком подоконнике, застеленном его меховым одеяльцем, и грелся на солнышке. Как-то утром он вдруг стал отчаянно кричать на мою сестру, и она, переполошившись, громко позвала всех нас, уверенная, что он умирает. Вся семья, побросав свои занятия, кинулась наверх, в ее спальню. Мы столпились возле подоконника и внимательно вглядывались в Павло, но ничего особенного как будто с ним не происходило. Он охотно выпил молочка и откинулся на своем меховом ложе, глядя на нас блестящими глазами. Мы совсем было успокоились, решив, что это ложная тревога, когда

он внезапно весь обмяк. Мы в полной панике насильно раскрыли ему рот и влили туда еще немного молока. Он понемногу пришел в сознание и лежал, не шевелясь, у меня в сложенных лодочкой ладонях. Он взглянул на всех нас, собрал последние силы, высунул язычок и чмокнул губами, в последний раз выражая свою любовь. Потом уронил головку и спокойно скончался.

Дом и сад осиротели - там воцарилась такая пустота, так не хватало его задорной крохотной фигурки, его яркой индивидуальности. Никто из нас, заметив паука, уже больше не кричал: "Где Павло?" Никогда больше нам не приходилось просыпаться ни свет ни заря, чувствуя переступающие по лицу холодные лапки. Он стал одним из нас, сделался членом семьи, а это не удавалось ни одному из наших домашних любимцев, и мы искренне оплакивали его смерть. Даже соседская белая кошка казалась огорченной и расстроенной: для нее наш сад без Павло тоже навсегда опустел и потерял привлекательность.

Глава 4.

Человеческие экземпляры

Когда бродишь по разным странам, собирая коллекции животных, как-то само собой получается, что начинаешь коллекционировать и людей. Вообще я склонен никогда не прощать людям те недостатки, которые прощаю животным, но в этом смысле мне повезло: большинство людей, повстречавшихся мне в моих странствиях, были просто чудесными человеческими экземплярами. Конечно, ловцу животных обычно легче устанавливать контакты: все мечтают познакомиться с человеком столь редкостной профессии и самоотверженно ему помогают чем могут.

Одна из самых прелестных и изысканных женщин, каких я знал, помогала мне запихивать пару лебедей в багажник такси в центре Буэнос-Айреса, а всякий, кто хотя бы раз пытался уговорить буэнос-айресского таксиста подвезти какую-нибудь живность, знает, чего это стоит. Миллионер разрешил мне загромоздить клетками со зверьем парадный подъезд своего элегантного городского особняка, а когда броненосец удрал и проложил, как бульдозер, траншею посередине роскошной клумбы, он и бровью не повел. Содержательница местного веселого дома помогала нам вести хозяйство, как заправская экономка, да еще заставляла всех девушек мыть и убирать (конечно, в свободное от работы время), а однажды она даже схватилась с начальником полиции - и все из-за нас! В Африке один человек, широко известный своей неприязнью к чужакам и зверью, позволил нам провести шесть недель в своем доме, который мы битком набили, как Ноев ковчег, разнообразными и диковинными лягушками, змеями, белками и мангустами. Капитан большого парохода спускался в трюм ровно в одиннадцать вечера, снимал китель, закатывал рукава рубашки и помогал мне чистить клетки и резать корм для животных. Знаком мне и художник, который, проехав тысячи миль, чтобы написать серию портретов индейцев разных племен, попал в мою экспедицию и все свое время посвятил отлову животных - на рисование у него не оставалось ни минуты. Кстати, если бы он и захотел, то писать было бы не на чем - я конфисковал все его холсты и понаделал из них ящичков для змей. Помню и щупленького чиновника из министерства общественных работ, настоящего уроженца Лондона, который, едва успев со мной познакомиться, предложил подбросить меня на сто с лишним миль по жутким африканским дорогам в своем новеньком "остине" только ради того, чтобы я мог проверить слухи о младенце гориллы.

На его долю в этой аванюре пришлось только в чужом пиру похмелье да лопнувшая рессора.

Мне случалось порой встречать таких необычных, интересных людей, что я всерьез начинал подумывать, не бросить ли животных и не заняться ли антропологией. Но тут я как раз столкнулся с пренеприятными человеческими экземплярами. Один из них был окружным инспектором, который цедил сквозь зубы: "Мы всегда готовы оказать вам посильную помощь..." - и делал все от него зависящее, чтобы мешать нам и подстраивать пакости. Второй надсмотрщик в Парагвае - только потому, что я ему не понравился, две недели скрывал от меня, что индейцы поймали редкое, изумительное животное, о котором я мечтал, и ждут, чтобы я приехал его забрать. Когда я наконец добрался до них, чудесное существо настолько ослабело, что уже не стояло на ногах и погибло от пневмонии на вторые сутки. Третий - явно ненормальный матрос - в припадке садистского веселья как-то ночью перевернул целый ряд клеток на палубе, в том числе и клетку с парой редчайших белочек, у которых недавно родился детеныш. Малыш погиб.

К счастью, такие выродки попадают очень редко, и славные люди, встречавшиеся на моем пути, своим численным превосходством, безусловно, оправдали в моих глазах род человеческий. Но как бы то ни было, я, пожалуй, не стану изменять животным.

Мактутль

Все без исключения, впервые услышав о моей профессии, начинают спрашивать о приключениях, которые мне случилось пережить в местах, которые они упорно называют джунглями.

Возвратившись в Англию из своего первого путешествия в Западную Африку, я восторженно разглагольствовал о сотнях квадратных миль, покрытых тропическим лесом, где я жил и работал в течение восьми месяцев. Я говорил, что провел в тропическом лесу много счастливых дней и со мной за все время не случилось ничего "ужасного", но люди, услышав мои рассказы, решали, что я либо слишком скромн, либо просто враль.

Когда я второй раз ехал в Западную Африку, мне повстречался на пароходе молодой ирландец по имени Мактутль - он ехал служить на банановых плантациях в Камеруне. Мактутль поведал мне по секрету, что ни разу в жизни не выезжал из Англии и что Африка, по его мнению, самая ужасная и опасная страна на свете. Он почему-то страшно боялся, что все змеи континента сползутся на пристань, чтобы встретить его лично. Стремясь его успокоить, я сказал, что за все месяцы, проведенные в лесу, я видел ровным счетом пять змей, да и те удрали так резво, что я не успел их изловить. Он спросил, очень ли это опасное дело - ловить змей, а я искренне ответил, что змей вообще-то ловить легче легкого, если только вы не трусите и знакомы с привычками каждого вида. Услышав это, Мактутль совершенно успокоился и, когда мы сходили на землю, торжественно поклялся, что съест для меня какие-нибудь особо редкие экземпляры; я его поблагодарил и тут же позабыл о его словах.

Пять месяцев спустя я уже собирался домой, в Англию, с коллекцией примерно в двести экземпляров животных - от кузнечика до шимпанзе. Пароход отходил ночью, и в тот же вечер, уже в полной темноте, возле моего лагеря, взвизгнув тормозами, остановился крытый пикапик, и из него выскочил мой молодой ирландец в сопровождении нескольких друзей. Захлебываясь от вос-

торга, он сообщил мне, что раздобыл для меня обещанные редкие экземпляры. Насколько я понял, он обнаружил где-то на своей плантации большую яму или ров, который, очевидно, отрыли для дренажа. Ров, по его словам, кишмя кишел "экземплярами", и всех змей он "дарит мне" - при условии, что я их сам переловлю.

Он так ликовал, повествуя обо всех отысканных для меня "экземплярах", что у меня не хватило духу возражать: хотя я и страстный натуралист, ползать глухой ночью в яме, кишмя кишмя змеями, мне вовсе не хотелось. Кроме того, он явно успел расписать своим приятелям мои потрясающие методы ловли змей и прихватил их с собой на предстоящий спектакль. Вот и пришлось мне волей-неволей согласиться поехать и выловить пресмыкающихся; об этом решении мне пришлось пожалеть, как ни о каком другом.

Я захватил большой полотняный мешок и палку с у-образной медной вилкой на одном конце, потом втиснулся в фургончик вместе с кучкой развеселых зрителей, и мы тронулись в путь. В половине первого мы подъехали к бунгало моего друга и немного задержались, чтобы промочить горло, перед тем как идти пешком через плантацию к змеиному рву.

- Вам веревка понадобится, верно? - спросил Мактутль.

- Веревка? - переспросил я. - А зачем она мне?

- То есть как? Спускаться на ней в ров, само собой, - весело ответил он. У меня как-то неприятно засосало под ложечкой. Я попросил описать мне этот ров. Оказалось, он был футов двадцать пять в длину, четыре в ширину и двенадцать в глубину. Все наперебой уверяли меня, что без веревки туда нипочем не спуститься. Пока мой друг разыскивал веревку, я, втайне уповая на то, что он ее не найдет, поспешил опрокинуть еще рюмочку, ругая себя за то, что позволил, как дурак, втянуть себя в эту фантастическую охоту за змеями.

Ловить змей на деревьях, на земле или в мелких канавках - дело несложное, а вот спускаться на веревке в ров, где ползает неизвестное количество неизвестных змей, - это вовсе не развлечение, поверьте мне. Я было решил, что мне удастся отделаться легким испугом, когда оказалось, что ни у кого нет с собой фонаря. Мой друг, успевший раздобыть где-то веревку, твердо решил, что ничто на свете не нарушит его планы: проблему освещения он решил блистательно, привязав керосиновую лампу-примус к длинной бечевке, и объявил во всеуслышание, что сам лично будет мне светить. Я его поблагодарил, как мне казалось, довольно бодрым голосом.

- Не стоит благодарности, - ответил он. - Я твердо решил доставить вам удовольствие. А лампа эта куда лучше фонарика - свет вам, между прочим, понадобится: там внизу уйма этих чертовых тварей.

Потом мы подождали брата и невестку моего друга: он объяснил, что пригласил их специально посмотреть на то, как надо ловить змей, может, им больше ни разу в жизни не придется такое видеть, нельзя упускать единственную возможность.

Наконец мы ввосьмером отправились на банановую плантацию; семеро из нас хохотали, болтали и вообще предвкушали редкое развлечение. А я вдруг сообразил, что одежда на мне крайне не подходящая для охоты на змей: легкие летние брюки и теннисные туфли. Даже самая хилая змейка без труда прокусит их вместе с моей кожей. Однако не успел я об этом сказать, как мы уже подошли к краю рва, и в свете лампы он мне показался образцовой моги-

лой великана. Мой друг описал его довольно точно, но ни словом не упомянул о том, что стены состоят из рыхлой, осыпающейся земли, источенной трещинами и дырами, в которых могли запрятаться легионы змей. Я присел на корточки на краю ямы, и в нее спустили лампу, чтобы дать мне возможность разведать обстановку и определить, к какому виду относятся змеи. До той минуты я утешал себя мыслью, что змеи в конце концов могут оказаться совершенно безобидными, но, когда свет озарил дно ямы, мои надежды вмиг улетучились: ров буквально кишмя кишел молодыми габонскими гадюками - смертельно ядовитыми змеями.

Днем змеи, как правило, малоподвижны, и ловить их легче легкого, но по ночам, когда они просыпаются и готовы к охоте, они двигаются с весьма неприятной живостью. На дне ямы извивались молодые змеи фута по два в длину и дюйма по два в диаметре, и ни одна из них, насколько я мог судить, вовсе не собиралась спать. Они сновали по яме с невиданной скоростью, то и дело поднимали толстые копьевидные головы и созерцали лампу с недвусмысленным выражением, быстро мелькая раздвоенными язычками.

Я насчитал на дне восемь габонских гадюк, но их расцветка так поразительно маскировала их на фоне сухой листвы, что я не мог поручиться, что не посчитал некоторых дважды. В эту минуту мой друг неуклюже оступися на краю ямы, и в нее скатился увесистый ком земли. Змеи разом взглянули вверх и громко зашипели. Все зрители отступили с большой резвостью, и я счел момент подходящим, чтобы поговорить об экипировке. Мой друг с присущей ирландцам щедростью предложил одолжить мне свои брюки из прочной саржи и кожаные туфли со своей ноги. Теперь у меня не осталось никаких лазеек, и я не решился больше отвиливать. Мы скромно удалились за кустики и обменялись брюками и обувью. Мой друг был создан щедрой природой в более крупном варианте, чем я, так что на мне его костюм, прямо скажем, никак не выглядел облегающим, зато, как он заметил, если брюки подвернуть, они хорошо защитят меня от змеиных зубов.

С самыми мрачными предчувствиями я подошел к яме. Зрители столпились вокруг, радостно щебеча в предчувствии развлечения. Я обвязался веревкой вокруг талии, затянул узел, который, как я вскоре убедился, оказался скользким, и подполз к краю ямы. Мой спуск ничем не напоминал воздушный полет грациозной феи в пантомиме: обрывистые края ямы были настолько ненадежны, что каждый раз, когда я пытался найти опору для ног, вниз обрушивались громадные комья, и потревоженные змеи раздражались злобным шипением. Приходилось висеть в воздухе, пока мои помощники не торопясь спускали меня все ниже, а скользкий узел все туже затягивался у меня на талии. Наконец, увидев, что до дна осталось не больше ярда, я крикнул наверх, чтобы меня больше не опускали - надо было осмотреть место, куда предстояло приземлиться, чтобы не угодить ногой на змею. Внимательно всматриваясь, я нашел местечко, свободное от пресмыкающихся, и крикнул "спускайте!" недрогнувшим, как мне казалось, голосом. В ту же минуту произошло еще два события: я уронил один из позаимствованных башмаков, а лампа, которую никто не догадался подкачать, "сдохла" и превратилась в слабо светящееся пятно, вроде толстой тлеющей сигары. Именно в тот роковой момент я коснулся земли босой ступней - и натерпелся такого страха, какого не испытывал ни до, ни после.

Окаменев и обливаясь потом, я стоял и ждал, пока лампу вытащат наверх, подкачают и снова опустят вниз. Никогда еще я так не радовался скромной керосиновой лампе! Когда яму вновь озарил яркий свет, я несколько приободрился. Потом нашел башмак и сунул в него ногу, что придало мне смелости. Я крепче сжал палку в мокрой руке и двинулся на ближайшую змею. Прижал ее к земле раздвоенной рогулькой на конце палки, взял за шею и сунул в мешок. Эта работа была для меня привычной и опасности не представляет, если соблюдать осторожность. Главное - прижать голову змеи рогулькой к земле, потом крепче ухватить ее за шею и бросить в мешок. Меня беспокоило другое: пока я поглощен возней с одной змеей, все остальные, извиваясь, с дикой скоростью ползают вокруг, и мне надо держать ухо востро, чтобы какая-нибудь не обошла меня с тыла и не попала мне под ногу. Змеи были изумительно расцвечены: в коричневых, серебряных, розовых и кремовых разводах, они, как только застывали, становились практически невидимыми, сливаясь с фоном. Когда я прижимал змею к земле, она начинала шипеть, как кипящий чайник, а все остальные вторили ей стройным, но в высшей степени неприятным хором.

Один из самых жутких моментов наступил, когда я наклонился поднять очередную змею и услышал громкое шипение над самым ухом: я весь похолодел от ужаса. Разогнувшись, уперся взглядом прямо в бешеные серебряные глаза - до них было не больше фута. После долгих манипуляций мне удалось каким-то жонглерским приемом сбросить змею на дно и придавить своей рогулькой. Честно говоря, змеи боялись меня несколько не меньше, чем я их, и старались убраться подальше. Только прижатые в угол, они бросались в бой, яростно кусая палку, натывались на медную рогульку и отскакивали от нее с приятным и ободряющим стуком. Однако одна из них, как видно более опытная, не стала сражаться с металлической вилкой и впиалась в дерево. Змееныш вцепился в палку мертвой бульдожьей хваткой и не разжал пасть даже тогда, когда я поднял палку и он оказался висющим в воздухе. Мне пришлось встряхнуть палку изо всех сил, только тогда змея оторвалась, мелькнула в воздухе, стукнулась о стенку и шлепнулась на дно, исходя свирепым шипением. Когда же я снова сунул ей под нос палку, она наотрез отказалась ее кусать, и я без труда изловил ее.

Я продержался в яме около получаса и поймал за это время двенадцать габонских гадюк, но, хотя я и не был уверен, что переловил их всех, мне показалось, что оставаться там дольше - значит искушать судьбу. Мои спутники извлекли меня из ямы - грязного, разгоряченного и обливающегося потом, но в одной руке я победоносно сжимал мешок с громко шипящими гадюками.

- Ну, что? - торжествующе спросил мой приятель, пока я отдувался и приходил в себя. - Не говорил я, что достану для вас несколько редких экземпляров, а?

Я только кивнул; после всего пережитого у меня слова не шли с языка. Я уселся прямо на землю и закурил сигарету - предел моих мечтаний, стараясь унять дрожь в руках. Когда опасность уже миновала, до меня впервые дошло, какую неслыханную глупость я совершил, согласившись спуститься в змеиный ров, и, кроме того, какое это чудо, что я выбрался оттуда живым. Я дал себе слово, что на очередной вопрос: "Опасно ли ловить животных?" - я отвечу: "Опасность прямо пропорциональна собственной глупости". Немного придя в

себя, я осмотрелся и увидел, что одного зрителя не хватает.

- А куда подевался ваш брат? - спросил я своего друга.

- Да ну его, - с легким презрением откликнулся тот. - Не смог выдержать - говорит, ему от этого плохо стало. Вон он, поджидает в сторонке. Но вы его простите великодушно: кишка у него тонка. Да уж, надо быть настоящим мужчиной, чтобы смотреть, как вы торчите в этом змеином рву среди проклятых тварей.

Себастьян

Не так давно я провел несколько месяцев в Аргентине - там-то я и повстречал Себастьяна. Себастьян был гаучо - в Южной Америке это то же самое, что ковбой в Северной. Гаучо, как и ковбой, в наше время встречаются все реже, потому что большинство поместий в Аргентине встали на путь механизации.

Я оказался в Аргентине по двум причинам: во-первых, мне нужно было наловить как можно больше живых диких животных для английских зоопарков, а во-вторых, я хотел снять для кино этих животных в естественной обстановке. У одного из моих друзей было обширное поместье - эстансия - милях в семидесяти от Буэнос-Айреса, в местности, которая славилась изобилием диких животных, и я, ни минуты не колеблясь, принял его приглашение погостить недели две. К сожалению, когда настала пора выезжать, у моего друга оказались неотложные дела, и времени у него оставалось в обрез: только чтобы встретить меня на эстансии, устроить и срочно возвращаться в город. Он встретил меня на захолустной железнодорожной станции и, пока мы тряслись в двуколке по пыльной дороге, уверил меня, что все подготовил к моему приезду.

- Я вас поручаю Себастьяну, - сказал он. - Можете не беспокоиться - все будет в порядке.

- А кто такой Себастьян? - спросил я.

- Здешний гаучо, - неопределенно ответил мой друг. - Если он чего-нибудь не знает о местных животных, значит, этого и знать не стоит. В мое отсутствие он будет за хозяина, обращайтесь к нему, что бы вам ни понадобилось.

После ленча на веранде большого дома мой хозяин сказал, что пора познакомиться меня с Себастьяном; мы сели верхом и поехали по бескрайним просторам золотых трав, переливающихся под лучами солнца, потом через заросли гигантских колючих растений, скрывавших с головой всадника на лошади. Примерно через полчаса мы подъехали к эвкалиптовой рощице; за деревьями виднелся приземистый, длинный побеленный дом. Громадный старый пес, растянувшийся на прогретой солнцем пыльной земле, поднял голову и лениво гавкнул, а потом снова задремал. Мы спешили и привязали лошадей.

- Себастьян построил этот дом своими руками, - сказал мой друг. Думаю, он за домом, отдыхает - сиеста.

Мы обошли дом, увидели необъятных размеров гамак, привязанный к двум стройным эвкалиптам, а в гамаке лежал Себастьян.

Мне поначалу показалось, что передо мной сказочный гном. Впоследствии я узнал, что его рост около пяти футов двух дюймов, но в складке великанского гамака Себастьян казался совсем маленьким. Его необыкновенно длинные, могучие руки свисали по обе стороны гамака - загорелые до яркого тона красного дерева, покрытые легкой дымкой совершенно белых волос. Лица не было видно: его скрывала надвинутая черная шляпа; она ритмично приподни-

малась и опускалась в такт длительным руладам такого мощного храпа, какого мне не приходилось еще никогда слышать. Мой друг схватил болтавшуюся руку Себастьяна и изо всех сил потянул, одновременно наклонившись к самому его уху и оглушительно окликнув спящего:

- Себастьян! Себастьян! Просыпайся, к тебе гости! Уснет - не добудишься, - объяснил он мне. - Берите-ка за другую руку, вытряхнем его из гамака.

Я ухватился за другую руку, и мы совместными усилиями усадили Себастьяна в гамаке. Черная шляпа скатилась, открыв круглое коричневое лицо с полными щеками, которое было четко разделено на три части громадными закрученными усищами, вызолоченными никотином, и парой белоснежных бровей, загибавшихся вверх, как козлиные рожки. Мой друг сграбастал его за плечи и принялся трясти, окликая по имени, как вдруг под белыми бровями открылась пара плутовских черных глаз, и Себастьян сонно воззрился на нас. Узнав моего друга, он с ревом раненого зверя выскочил из гамака.

- Сеньор! - возопил он. - Как я рад вас видеть! Ах, простите, простите, сеньор, что я сплю, как свинья в закуте, когда вы меня навестили... простите великодушно! Я не ожидал вас так рано, а то непременно приготовился бы и встретил бы вас как подобает.

Он потряс мою руку, когда наш общий знакомый меня представил, а потом, повернувшись к дому, заревел во все горло:

- Мария! Мария!

В ответ на этот устрашающий рев из дома вышла приятная молодая женщина лет тридцати, которую Себастьян с нескрываемой гордостью представил нам как свою жену. Потом он схватил меня за плечо железной хваткой и уставился мне в лицо с самым серьезным видом.

- Вы что будете пить - кофе или матэ, сеньор? - спросил он невинно и простодушно. К счастью, мой друг заранее предупредил меня, что Себастьян судит о людях как раз по тому, что они пьют - кофе или матэ, аргентинский зеленый чай из трав. Он считал, что кофе - отвратное пойло, годное разве что для горожан и прочих растленных отбросов человечества. Я, конечно, сказал, что выпью матэ. Себастьян обернулся и обжег жену огненным взглядом.

- Ну? - повелительно крикнул он. - Ты слыхала, что сеньор хочет выпить матэ? Долго наши гости будут стоять здесь, умирая от жажды, пока ты глазешь, как сова в полдень?

- Вода уже кипит, - мирно ответила она. - А стоять им не нужно пригласи их присесть.

- Не перечь мне, женщина! - рявкнул Себастьян, оцетинив усы.

- Вы уж простите его, сеньор, - сказала Мария, ласково улыбаясь мужу, он всегда сам не свой, когда у нас гости.

Лицо Себастьяна приобрело темно-кирпичный цвет.

- Это я-то? - оскорбленно взревел он. - Сам не свой? Кто тут сам не свой? Да я спокойнее дохлой лошади... Вот уж выдумала... Извините мою жену, сеньоры, всегда норовит невесть что выдумать - честное слово, будь она мужчиной, быть ей президентом, не иначе.

Мы уселись под деревьями, и Себастьян, закурив маленькую, но зловонную сигару, продолжал ворчать, обличая недостатки своей супруги.

- Не надо было мне еще раз жениться, - доверительно сказал он. - Ни одна из моих жен меня не пережила. Я ведь уже четыре раза был женат и каждый

раз, провожая покойницу на кладбище, говорил себе: "Все, Себастьян, пора кончать". А потом как-то сразу - пффф! - и я снова женат. Дух мой жаждет одиночества, но плоть слаба, а все горе в том, что плоти-то у меня побольше, чем духа.

Он с притворной грустью взглянул вниз, на свое солидное брюшко, потом поднял глаза и широко, подкупающе улыбнулся, обнажив десны с двумя оставшимися зубами.

- Сдается мне, что я так с этой слабостью и помру, сеньор, но ведь мужчина без женщины - все равно что корова без вымени.

Мария вынесла матэ, и маленький горшок пошел вкруговую: мы по очереди прикладывались к тоненькой серебряной трубочке для питья матэ, а мой друг тем временем объяснял Себастьяну, с какой целью я приехал на эстансию. Гаучо пришел в полнейший восторг, а когда ему сказали, что он может участвовать в киносъёмках, он расправил усы и искоса взглянул на жену.

- Слыхала, а? - спросил он. - Я буду в кино сниматься! Ты лучше держи свой язычок за зубами, девчонка, а то женщины из Англии нагрянут всем скопом да и отобьют меня у тебя!

- Очень ты им нужен, - отпарировала его жена. - Небось, у них там своих бездельников хватает, их по всему свету полно.

Себастьян ограничился испепеляющим взглядом, а затем обратился ко мне.

- Не беспокойтесь, сеньор, - сказал он, - я вам все сделаю, во всем помогу. Я сделаю все, что вам угодно.

И он сдержал свое слово: начиная с того же вечера, когда мой друг отбыл в Буэнос-Айрес, Себастьян две недели не отходил от меня. Он обладал кипучей энергией, а его властный характер не знал препятствий, так что он сразу же полностью забрал все мои дела в свои руки. Я просто сообщал ему, что мне нужно, а он все осуществлял, и, чем труднее и необычнее были мои поручения, тем с большим восторгом он их выполнял. Как никто другой, он умел заставить пеонов - наемных рабочих на эстанции - работать в полную силу и, как ни странно, добивался этого не уговорами или заигрыванием, а саркастическими насмешками, пересыпанными необыкновенно изощренными и яркими сравнениями. Те, кого он поносил на чем свет стоит, не только не обижались, а покатывались со смеху и работали на совесть.

- Посмотрите на себя! - гремел он, обличая "ленивых". - Да вы только посмотрите на себя! Тащитесь, как улитки по патоке. Поражаюсь, как это ваши одры не подхватят да не разнесут вас со страху: ведь на галопе глаза болтаются в ваших пустых черепахах, отсюда слышно! У вас мозгов-то на всех такая малость, что не наскребешь и на крепкий бульон для клопа!

И пеоны, гогоча во все горло, набрасывались на работу с удвоенным рвением. Конечно, они не только уважали старого шутника - они прекрасно знали, что он не потребует от них сделать то, чего не может сделать сам. А назвать, чего он не мог бы сделать, было мудрено, и о каком-нибудь чрезвычайно трудном деле пеоны всегда говорили: "Ну, это и самому Себастьяну не под силу". На рослом вороном коне, облаченный в яркое, пунцовое с голубым пончо, Себастьян выглядел великолепно. Он носился на своем вороном по всему поместью, со свистом рассекая воздух петлей лассо, - показывал мне, как надо ловить бычков. Это делается шестью способами, и Себастьян владел всеми шестью с одинаковым совершенством. Чем быстрее мчался его конь, чем опас-

нее была скачка по неровной степи, тем точнее он бросал лассо, так что мне начинало казаться, что петлю притягивает к быку какой-то магнит и она сама собой захлестывает цель без промаха.

Себастьян мастерски владел лассо, но кнутом он владел поистине виртуозно. Кнут, с короткой рукояткой и длинным тонким кнутовищем, всегда был при нем, и это было страшное оружие. Я видел собственными глазами, как Себастьян на всем скаку выхватывал кнут из-за пояса и аккуратно сшибал головку колючего растения, проносясь мимо. Выбить сигарету изо рта у человека для него было детской игрой. Мне рассказывали, что в прошлом году какой-то приезжий позволил себе усомниться в гениальном "туше" Себастьяна и тот в доказательство снял с чужака кнутом рубашку, даже не задев кожу на его спине. Себастьян пользовался кнутом как идеальным оружием - он действовал им, как собственной удлиненной рукой, хотя отлично владел и ножом и топориком. С расстояния в десять шагов он разбивал топориком пополам спичечную коробку. Да с таким человеком, как Себастьян, лучше было не ссориться.

Мы с Себастьяном охотились по большей части ночью, когда многие животные вылезали из своих нор. Запасшись факелами, мы выходили с эстансии уже в темноте и никогда не возвращались раньше полуночи, а то и двух часов ночи, обычно принося с собой двух-трех зверьков. На такие ночные вылазки нас сопровождал пес неопределенного происхождения и весьма преклонного возраста: зубы у него давно сточились до самых десен. Это была отличная собака для нашей охоты - даже когда он хватал зверька, то нисколько не повреждал его своими беззубыми челюстями. Загнав и остановив зверька, пес не давал ему уйти, примерно раз в минуту коротким лаем давая знать, где он засел.

На одной из таких ночных охот мне пришлось воочию убедиться в громадной силе Себастьяна. Собака спугнула броненосца и гнала его несколько сот ярдов, пока он не скрылся в норе. Нас было трое: Себастьян, я и местный пеон. Мы с пеоном гнались за броненосцем порезвее и оставили далеко позади отдувающегося Себастьяна: его телосложение не очень-то подходило для спринтерских рекордов. Мы с пеоном подоспели как раз в ту минуту, когда зад броненосца исчезал в норе. Бросившись ничком на траву, мы вцепились - я в хвост, пеан - в задние лапы зверя. Броненосец так прочно закрепился передними лапами с длинными когтями за стены норы, что, как мы ни тянули, выбиваясь из сил, он, словно зацементированный, не сдвигался с места. Потом зверь рванулся, и пеон от неожиданности выпустил его лапы. Броненосец стал ввинчиваться в глубину норы, и я уже чувствовал, как хвост выскальзывает у меня из рук. В этот критический момент на поле боя появился пыхтящий Себастьян. Он оттолкнул меня, схватился за хвост броненосца, уперся ногами в землю по обе стороны норы и дернул. Нас засыпало землей, и броненосец выскочил из норы, как пробка из бутылки. Одним рывком Себастьян сделал то, что нам двоим оказалось не под силу.

Одним из животных, которых я намеревался снять для кино на эстансии, был нанду - южноамериканский страус, не уступающий своему африканскому родичу в способности мчаться с резвостью скаковой лошади. Мне хотелось снять старинный способ охоты на страусов - верхом на лошадях, с помощью боласов. Это оружие представляет собой три шара размером примерно с кро-

кетные шары, выточенные из дерева и соединенные между собой довольно длинными веревками. Снаряд раскручивают над головой и бросают так, что веревки опутывают ноги страуса и валят его на землю. Себастьян специально организовал такую охоту, чтобы в последний день мы смогли ее снять для кино. Так как пеоны участвовали почти во всех сценах, они заявили с утра разряженные в лучшие костюмы, стараясь перещегоолять друг друга яркостью наряда. Себастьян мрачно оглядел их с высоты своего седла.

- Вы только взгляните на них, сеньор, - процедил он, презрительно сплюнув. - Разряжены в пух и прах, в глазах пестрит, что твои куропаточки яйца; суется, как стая гончих на зеленой лужайке, а все потому, что мечтают увидеть свои дурацкие рожи на экране... Смотреть противно.

Но я заметил, как тщательно он расчесал свои усы перед началом съемок. Мы целый день провели под палящим солнцем и к вечеру, отсняв последние кадры, почувствовали себя вконец измученными; все мы нуждались в отдыхе, все, кроме, конечно, Себастьяна, который был свеж, будто день только начался. По дороге домой он мне сказал, что вечером устраивает для нас прощальный ужин, на который приглашено все население эстансии. Там будет всего вдоволь, и вина, и песен, и танцев. Говорил он все это, а глаза его так и сверкали от удовольствия. У меня не хватило духу признаться, что я до смерти устал и мечтаю только об одном - добраться до постели. Я принял приглашение.

Празднество было устроено в обширной задымленной кухне, освещенной полудюжиной коптящих керосиновых ламп. Джаз-банд заменяли три гитариста, самозабвенно терзавшие струны. Стоит ли говорить, что душой общества и первым заводилой был Себастьян? Он выпил вина больше, чем кто бы то ни было, но был трезв как стеклышко; он сыграл соло на гитаре, спел великое множество песен - от самых грубых до самых трогательных - и поглотил при этом невероятное количество еды. Но самое главное - он танцевал: танцевал настоящий дикий танец гаучо, со сложными па, прыжками и антраша, танцевал так, что балки над головой тряслись от удалого топота, а шпоры высекали искры из каменных плит.

Мой друг, приехавший за мной из Буэнос-Айреса, появился в самом разгаре веселья и сразу же в него включился. Мы сидели с ним в уголке, потягивая вино и глядя, как Себастьян откалывает коленца под рукоплескания и громкие вопли восторженных зрителей.

- Потрясающая энергия, - заметил я. - Он сегодня целый день работал, да так, что никто за ним не мог угнаться, а теперь нас всех переплясал!

- Вот чем хороша жизнь в пампе! - ответил мой друг. - Нет, совершенно серьезно, для своего возраста он просто молодчина, верно?

- А сколько ему? - спросил я небрежно.

Мой друг смерил меня удивленным взглядом.

- Вы что, не знали? - спросил он. - Через два месяца Себастьяну стукнет девяносто пять.

Как я возил черепашек

В конце 1939 года, когда неизбежность войны стала почти очевидной, наше семейство снялось с острова Корфу и возвратилось в Англию. Мы временно нашли квартиру в Лондоне, и моя мама совершала регулярные вылазки в сельскую местность в поисках дома. А я тем временем принялся бродить на свободе по Лондону. Я никогда не любил большие города, но тогда Лондон

привел меня в восторг. Ведь самой крупной столицей, которую я видел в своей жизни, был город Корфу - по размерам не больше маленького провинциального городка в Англии. Для меня в необъятной громаде Лондона таились сотни захватывающих открытий. Конечно, я стал постоянным посетителем Музея естественной истории, а уж в зоопарке я сделался своим человеком, даже успел подружиться с несколькими служителями. Я все больше убеждался в том, что работа в зоопарке - единственное стоящее занятие для человека, и все чаще мечтал о собственном зоопарке.

Неподалеку от нашего дома был магазин, мимо которого я никогда не мог пройти спокойно. Он назывался "Аквариум", и в его витрине громоздились огромные аквариумы, полные сверкающих рыбок; но еще интереснее были ряды террариумов, где за стеклянными стенками ползали ужи, большие изумрудные ящерицы и пучеглазые жабы. Сколько раз я простаивал перед витриной, словно замороженный, не сводя глаз с этих восхитительных существ, и как я мечтал, чтобы они были мои! Но я уже притащил в нашу квартиру целую стайку мелких птиц, пару сорок и мартышку, и появление любой живности - какого бы то ни было вида - обрушивало на меня справедливый гнев семейства, так что мне оставалось только с тоской смотреть на очаровательных рептилий.

Как-то утром я проходил мимо магазина, и мне бросилось в глаза объявление, прислоненное к стенке аквариума:

"Требуется молодой надежный помощник".

Я вернулся домой и стал обдумывать это дело.

- Там в зоомагазине предлагают работу, - сказал я маме.

- Правда, милый? - сказала она, думая о чем-то другом.

- Ну да. Им нужен молодой надежный помощник. Я бы не прочь у них поработать, - сказал я небрежно.

- Блестящая мысль, - заметил Ларри. - Тогда ты сможешь забрать туда весь свой зверинец.

- Вряд ли они ему разрешат, милый, - сказала наша мама.

- Как ты думаешь, сколько платят за эту работу? - спросил я.

- Наверно, пустяки какие-нибудь, - ответил Ларри. - И к тебе не очень-то подходит слово "надежный" - кажется, там так написано?

- Ну, хоть что-нибудь они мне будут платить? - сказал я.

- А по возрасту ты имеешь право работать? - спросил Ларри.

- Мне уже шестнадцать... скоро будет.

- Ну тогда валяй попробуй, - посоветовал Ларри.

И вот на следующее утро я отправился в зоомагазин, открыл дверь и вошел. Невысокий, легкий, смуглый человечек в огромных роговых очках вприпрыжку подлетел ко мне через весь магазин.

- С добрым утром, с добрым утром, с добрым утром, сэр! - сказал он. Чем могу служить?

- Вы... М-м-мм... Вам нужен помощник? - сказал я.

- Помощник? - повторил он. - Вы что же, хотите взяться за эту работу?

- М-м-мм... да, - сказал я.

- А опыт у вас есть? - недоверчиво спросил он.

- О, громадный опыт, - сказал я. - Я всегда возился с пресмыкающимися, рыбами и всякой всячиной. У меня и сейчас ими вся квартира набита.

Маленький человек посмотрел на меня.

- Сколько вам лет? - спросил он.

- Шестнадцать... почти семнадцать, - соврал я.

- Видите ли, - сказал он. - Платить вам очень много мы не сможем. В нашем магазине невероятно большие текущие расходы. Но для начала я мог бы вам предложить полтора фунта.

- Согласен, - сказал я. - Когда приступать?

- Лучше всего начать с понедельника, - сказал он. - По-моему, с понедельника удобнее - я успею оформить ваши документы. А то у нас с вами такая путаница выйдет... Кстати, меня зовут мистер Ромили.

Я назвал свое имя, мы довольно торжественно пожали друг другу руки, да так и стояли, молча глядя друг на друга. Мне стало ясно, что мистеру Ромили еще не случалось никого нанимать на работу и он был не совсем уверен, что соблюдены все формальности. Надо было его выручать.

- Может быть, вы мне просто покажете магазин, - предложил я. - И заодно расскажите, пожалуйста, что мне нужно будет делать.

- Вот это прекрасная мысль! - воскликнул мистер Ромили. - Прекрасная мысль!

Он принялся порхать по магазину, взмахивая руками, как бабочка крыльями, и показал мне, как чистить большой аквариум, как бросать мучных червей в клетки лягушек и жаб и где хранятся щетки и метелки, которыми подметают пол. В просторном подвале под магазином хранились запасы корма для рыб, сачки и другой инвентарь, и еще под краном, из которого капала вода, мокло в большой банке что-то напоминающее на первый взгляд сырое баранье сердце.

При ближайшем рассмотрении это оказался тугой комок нитевидных червей тубифексов. Эти светло-красные червячки - любимый корм не только для рыб, но и для некоторых пресмыкающихся и земноводных.

Оказалось, что кроме очаровательных существ, красовавшихся на витрине, в магазине было множество других животных: в разных ящиках сидели жабы, ящерицы, черепахи и блестящие, будто лакированные змеи, а в аквариумах отдувались мокрые лягушки и шевелили бахромчатыми, похожими на вымпелы, хвостами тритоны. После нескольких месяцев, проведенных в сухом, пыльном и бесплодном Лондоне, этот магазин - для меня, по крайней мере - был настоящим раем.

- Ну вот, - сказал мистер Ромили, когда мы уже все посмотрели. Начнете с понедельника, да? Ровно в девять. И пожалуйста, не опаздывайте!

Я, конечно, не сказал мистеру Ромили, что только безвременная смерть помешает мне быть здесь ровно в девять часов утра в понедельник.

И вот в понедельник без десяти девять я уже расхаживал под окнами магазина, пока не появился сам мистер Ромили в длинном черном пальто и черной шляпе, мелодически позванивая связкой ключей.

- С добрым утром, с добрым утром, - пропел он. - Очень рад, что вижу вас вовремя. Отличное начало!

Мы вошли в магазин, и я сразу же приступил к работе: сначала нужно было протереть почти совершенно чистый пол, а потом накормить рыбок небольшими комками извивающихся тубифексов. Очень скоро я понял, что добрейший мистер Ромили не имеет никакого представления о привычках и

нуждах своих подопечных. Почти все клетки были устроены в высшей степени неудобно для обитателей, да и аквариумы, по правде сказать, тоже. Кроме того, мистер Ромили придерживался теории, что если животное приняло какой-либо корм хоть один раз, то его можно продержат на этой пище всю остальную жизнь. Я решил, что придется заняться оформлением клеток и вообще надо немного облегчить жизнь наших питомцев, но я знал, что здесь необходима осторожность, потому что мистер Ромили, сказать по правде, был самый настоящий консерватор.

- Мистер Ромили, а что, если ящерицам и жабам вместо мучных червей дать что-нибудь новенькое? - спросил я однажды.

- Новенькое? - повторил мистер Ромили, и глаза его за стеклами очков округлились. - А что именно?

- Для разнообразия можно попробовать хотя бы мокриц, - сказал я. - Я всегда кормил своих рептилий мокрицами.

- Вы в этом уверены? - спросил мистер Ромили.

- Абсолютно уверен, - сказал я.

- Но им это не повредит, а? - спросил он испуганно.

- Нет, - сказал я. - Они обожают мокриц. Разнообразная пища гораздо полезнее.

- Но где же мы их достанем? - уныло спросил мистер Ромили.

- Да их полно в любом парке. Хотите, я попробую набрать немного?

- Ну, хорошо, - неуверенно сказал мистер Ромили. - Только если вы абсолютно уверены, что это им не повредит.

Я пошел в парк после обеда и вернулся с большой банкой, доверху набитой мокрицами. Хранил я их в мокрых листьях внизу, в подвале. Когда мне показалось, что лягушкам и жабам приелись мучные черви, я дал им попробовать сочных мокриц. Поначалу мистер Ромили заглядывал в клетки с таким перепуганным видом, словно боялся, что все наши амфибии и рептилии передохли. Но когда он убедился, что они не только благоденствуют, но и начинают поквакивать в своих клетках, его восторгу не было границ.

После этого я занялся двумя очень крупными и кроткими леопардовыми жабами из Северной Африки. Дело в том, что мистер Ромили представлял себе Северную Африку в виде бескрайней пустыни, над которой день и ночь пылает солнце и температура никогда не опускается ниже сорока градусов в тени, если там вообще бывает тень. Поэтому он заточил этих бедняг в крошечный террариум со стеклянной стенкой, над которым ослепительно сияли две мощные электрические лампы. Несчастные жабы сидели на голом белом песке - ни единого камешка, чтобы спрятаться от жгучего света, - и только ночью, когда мы отключали весь свет в магазине, температура там немного падала. От всего этого глаза у них стали мутными - казалось, что они страдают катарактой, кожа высохла и потрескалась, а подошвы лапок воспалились. Я знал, что одно упоминание о столь вопиющем новшестве, как пересадка жаб в другую клетку, повергнет мистера Ромили в священный ужас, и поэтому попробовал исподволь создать жабам немного более сносные условия. Для начала я стащил на кухне у мамы немного оливкового масла, дождался, пока мистер Ромили уйдет на обеденный перерыв, и натер маслом обеих жаб. Кожа у них перестала трескаться. Потом я достал в аптеке мазь - пришлось объяснить, к чему удовольствию аптекаря, для кого она понадобилась, - и намазал им лап-

ки. Это немного помогло, но все же лапки у них еще болели. Еще я достал мазь "Золотой глазок", которую обычно прописывают собакам, и обработал жабы глаза - мазь оказалась чудодейственной. Каждый день, когда мистер Ромили уходил обедать, я устраивал им теплый душ, и они просто блаженствовали. Они сидели, благодушно раздувая горлышко и моргая глазами, и, если я слегка передвигал струю, они сами ползли по клетке, чтобы снова забраться под душ. Однажды я положил в клетку горсть мха, и обе жабы тут же закопались в него.

- Взгляните-ка, мистер Ромили, - указал я, неплохо разыгрывая удивление. - Я случайно бросил мох в клетку к жабам, а им, кажется, понравилось.

- Мох? - переспросил мистер Ромили. - Мох? Но ведь они живут в пустыне.

- Мне кажется, что в пустыне местами все же встречается хоть немножечко зелени, - ответил я.

- Но я считал, что там сплошной песок, - сказал мистер Ромили. Сплошной песок. Насколько хватает глаз.

- Да нет... По-моему, там и кактусы растут, и вообще... - сказал я. Вы только посмотрите, как им это нравится.

- Нравится-то нравится, - сказал мистер Ромили. - Так вы считаете, что мох надо оставить?

- Конечно, - сказал я. - А может, положить еще чуть-чуть?

- Надеюсь, что это им не вредно. А они не могут заглотнуть его и подавить-ся? - спросил он опасливо.

- Нет, не думаю, - успокоил я его.

И с этого самого дня мои милые жабы могли не только зарываться в мох, но и сидеть на влажной подстилке, и лапки у них вскоре совсем поджили.

Вслед за этим я обратил внимание на рыб. Конечно, они обожали тубифексов, но я чувствовал, что им тоже не помешало бы разнообразие в пище.

- А что, если дать рыбкам немного дафний? - осторожно предложил я мистеру Ромили.

Дафнии - такие мелкие водяные рачки; их нам обычно присылали с фермы, поставлявшей в магазин для продажи свою продукцию - водоросли, улиток и пресноводную рыбу. Любители всегда покупали у нас маленькие баночки дафний, чтобы кормить своих рыбок.

- Дафний? - сказал мистер Ромили. - Кормить их дафниями? А разве они их едят?

- А если они их не едят, то зачем мы продаем их людям на корм для рыбок? - спросил я.

Мистер Ромили был сражен этим логическим доводом.

- А ведь вы правы, - сказал он. - Вы правы. У нас там осталось немного в подвале. Завтра как раз пришлют новых. Попробуйте дать им немножко и посмотрите, что получится.

Я бросил примерно по столовой ложке дафний в каждый аквариум, и рыбки набросились на них с таким же воодушевлением, как жабы и лягушки на мокриц.

Я задумал еще мероприятие, но тут требовался тонкий расчет - мне хотелось как можно красивее оформить аквариумы. А эту работу мистер Ромили неукоснительно и упорно выполнял сам. По-моему, она ему не особенно нравилась, но он, очевидно, полагал, что в круг его обязанностей как старшего со-

трудника "фирмы" входит и оформление витрин.

- Мистер Ромили, - сказал я однажды, - мне сейчас как раз нечего делать, и покупателей нет. Не разрешите ли мне украсить один аквариум? Хочется поучиться делать это так же хорошо, как вы.

- Что вы, - ответил мистер Ромили и даже покраснел. - Не так уж хорошо я это умею...

- О, я считаю, что у вас прекрасно получается... И мне очень хочется научиться.

- Ну, разве что маленький аквариум... - сказал мистер Ромили. - Я дам вам несколько советов по ходу дела. Так... посмотрим, посмотрим... Ага, вон тот аквариум с моллинезиями. Его давно пора почистить. Пересадите их в другой аквариум, а этот опорожните и хорошенько промойте. Начнем сначала, хорошо?

Я выловил маленьким сачком всех рыбок, похожих на блестящие черные маслины, и перенес их в свободный аквариум. Потом я вылил воду, выскреб аквариум дочиста и окликнул мистера Ромили.

- Так... - начал он. - Насыпьте на дно немного песочку, камней... и, пожалуй, немного - м-м-м, валлиснерии, например, вон в тот уголок.

- А нельзя ли мне самому попробовать? - спросил я. - Мне... м-м-мм мне кажется, я так лучше научусь, если буду делать все сам. А когда я кончу, вы посмотрите и скажете, что я сделал не так.

- Превосходная мысль, - сказал мистер Ромили и побрел к своей кассе, предоставив меня самому себе.

Это был всего-навсего маленький аквариум, но я работал над ним в поте лица. Я построил высокие дюны из серебристого песка. Я воздвиг игрушечные скалы. Я насадил роци валлиснерий, где будут резвиться стайки моллинезий. Потом я осторожно налил в аквариум воду, а когда она согрелась до нужной температуры, пересадил в него рыбок и позвал мистера Ромили посмотреть на мою работу.

- Боже! - сказал он, глядя на аквариум. - Боже правый!

Он бросил на меня взгляд, в котором сквозило что-то вроде разочарования; мне даже показалось, что ему неприятно, что у меня так хорошо получилось. Я почувствовал, что надо спасать положение.

- Вам... вам действительно нравится? - спросил я.

- Это... просто замечательно! Замечательно! Ума не приложу, как вы этого добились.

- Я справился с этим только потому, что учился у вас, мистер Ромили, сказал я. - Если бы вы меня не учили, у меня бы вовсе ничего не вышло.

- Ну что вы, что вы, - отвечал мистер Ромили, розовея. - Однако я заметил, что вы добавили кое-что от себя.

- Да я все это перенял, глядя на вас, - сказал я.

- Гм-мм. Весьма похвально, весьма похвально, - сказал мистер Ромили.

На следующий день он спросил меня, не хочу ли я оформить еще один аквариум. И я понял, что выиграл битву и при этом ухитрился не обидеть мистера Ромили.

Но мне отчаянно хотелось заняться тем огромным аквариумом, который стоял у нас в витрине. Он был фута четыре с половиной в длину и глубиной два фута шесть дюймов, и мы держали в нем массу ярких разноцветных ры-

бок. Но я твердо знал, что мне пока еще нельзя переступить границы дозволенного. Поэтому сначала я оформил несколько небольших аквариумов, и, когда мистер Ромили окончательно привык к тому, что я этим занимаюсь, я завел разговор о большом аквариуме на витрине.

- Можно мне попытаться сделать вот этот? - спросил я.

- Что? Украшение нашей витрины? - сказал он.

- Да, - ответил я. - Его давно... давно пора... хотя бы почистить. Вот я и подумал, что вы, может быть, разрешите мне кое-что там переделать?

- Ну, не знаю, - сказал мистер Ромили с сомнением в голосе. - Прямо не знаю. Это ведь работа не простая, знаете ли. И стоит он на самом виду. Он больше всего привлекает покупателей.

Он был совершенно прав; только покупателей привлекал не сам аквариум, а юркие стайки рыбок, играющих всеми цветами радуги. Едва ли их могли заманить декораторские ухищрения мистера Ромили, от которых дно аквариума больше всего напоминало развороченный пустырь.

- Я только попробую, можно? - сказал я. - А не выйдет - переделаю все по старому. Я... я даже готов работать в выходной день.

- Ну зачем же! - мистер Ромили даже возмутился. - Нельзя просиживать целые дни в четырех стенах. Вы еще так молоды... вам нужно побегать, поразвлекаться. Ну, так и быть, попробуйте, а там посмотрим.

На это дело у меня ушел почти целый день - приходилось еще обслуживать покупателей, которые заходили купить тубифексов, дафний, а иногда и древесную лягушку, чтобы пустить ее в свой пруд, или что-нибудь другое. Я трудился над этим гигантским аквариумом как одержимый. Я нагромоздил высокие дюны из песка и мощные скалы из прекрасного гранита. В долинах среди гранитных скал я раскинул леса валлиснерий и еще более нежных и пушистых водорослей. А по поверхности пустил маленькие белые цветы, которые плавали в воде, как крошечные белые кувшинки. За камнями и песком я скрыл обогреватель, термостат и аэратор - красотой они не блистали. Когда же я снова пустил в аквариум сверкающих алых меченосцев, блестящих черных моллинезий, серебряных молоточков и горящих, как праздничная иллюминация, неоновых тетра и взглянул со стороны на дело рук своих, должен признаться, я был глубоко потрясен собственной гениальностью. К моему огромному удовольствию, мистер Ромили пришел в неопишуемый восторг.

- Изумительно, изумительно! - воскликнул он. - Просто изумительно!

- Недаром говорится, мистер Ромили, что хорошему ученику нужен хороший учитель, - сказал я.

- О, вы мне льстите, вы мне льстите, - сказал он, игриво грозя мне пальцем. - В данном случае ученик превзошел своего учителя.

- Ну, этого я бы не сказал. Но надеюсь, когда-нибудь смогу сравняться с вами.

С тех пор мне было разрешено оформлять все аквариумы и все клетки. Между нами говоря, я уверен, что мистер Ромили почувствовал большое облегчение, когда избавился от утомительного занятия - вымучивать из себя какие-то идеи при полном отсутствии художественного вкуса.

После недолгих поисков я выбрал маленькое кафе неподалеку от магазина и обычно обедал там, тем более что там оказалась славная официантка, которая за пару добрых слов приносила мне всегда больше сосисок, чем полага-

лось на одну порцию, и неизменно предупреждала меня о смертельной опасности, таившейся в сегодняшнем ирландском рагу. Однажды, отправляясь обедать, я открыл самый короткий путь в свое кафе. Это была узкая улочка между большими магазинами и высокими домами. Она была вымощена булыжником, и стоило мне свернуть туда, как я чувствовал, что переносусь в старый диккенсовский Лондон. Часть улочки была окаймлена деревьями, а дальше тянулся ряд маленьких лавчонок. Тогда-то я и сделал открытие: у нас не единственный зоомагазин в этом районе. Я набрел на владения Генри Беллоу.

Грязноватое окно его лавочки занимало не больше шести квадратных футов и уходило фута на два в глубину. Сверху донизу оно было уставлено маленькими клеточками, и в каждой из них сидели одна-две птички: зяблики, овсянки, чижи, канарейки или попугайчики. Под клетками окно было покрыто толстым слоем шелухи и птичьего помета, но сами клеточки были безукоризненно вычищены: на каждой из них красовались пучок салата или зеленая веточка, а также белая этикетка, на которой неровными печатными буквами была выведена надпись: "Продано". Стеклянная дверь лавочки была занавешена пожелтевшим от старости тюлем, а за стеклом висела картонка с готической надписью: "Добро пожаловать". Обратная сторона этой картонки, как мне предстояло узнать, с той же вежливостью извещала: "Сожалею, но сегодня закрыто".

Торопясь по неровной мостовой к своим сосискам, я ни разу не видел, чтобы хоть один покупатель входил в эту дверь или выходил из нее. Вообще можно было подумать, что в этой лавке все вымерло, и только птички в окне время от времени сонно перепархивали с жердочки на жердочку. Проходили недели, и меня стало разбирать любопытство: почему это люди не забирают птичек, которых они купили? Быть того не могло, чтобы разные владельцы тридцати с лишним разнообразных птичек вдруг, все как один, решили, что они им ни к чему. А если уж произошло такое маловероятное событие, то почему не сняты ярлычки с надписью "Продано"? В обеденный перерыв мне никогда не хватало времени, чтобы расследовать эти таинственные обстоятельства. Но однажды мне наконец повезло. В тот день мистер Ромили порхал по всему магазину, мурлыча: "Я пчелка трудовая...", а потом спустился в подвал, и оттуда внезапно донесся душераздирающий вопль. Я заглянул вниз, соображая, что я там наделал или недоделал.

- Что случилось, мистер Ромили? - осторожно спросил я. Мистер Ромили показался внизу, держась руками за голову в совершенном отчаянии.

- Ах, я тупица! - выговорил он речитативом. - Безмозглый, безмозглый, безмозглый тупица!

Поняв, что я тут ни при чем, я несколько приободрился.

- А что случилось? - спросил я заботливо.

- Тубифексы и дафнии! - трагически воскликнул мистер Ромили, снимая очки и лихорадочно протирая стекла.

- Наверно, запасы кончились?

- Вот именно, - произнес мистер Ромили похоронным голосом. - Какая глупость с моей стороны! Какая вопиющая небрежность! Выгнать меня нужно. Нет, другого такого тупицу не сыскать...

- А разве их нельзя достать еще где-нибудь? - спросил я, прерывая словес-

ное самобичевание мистера Ромили.

- Но их же всегда присылают с фермы, - возопил мистер Ромили, как будто я был посторонний и нуждался в объяснении. - Их присылают каждую неделю, когда я заказываю. А я - я, безнадежный идиот, - я забыл их заказать!

- Но разве их нельзя достать в другом месте? - спросил я.

- А гуппи, и меченосцы, и черные моллинезии - они ждут не дождутся своих тубифексов, - продолжал мистер Ромили, преисполняясь истерической жалости к самому себе. - Они так о них мечтают! Нет, я не смогу взглянуть рыбкам в глаза! У меня кусок в горле застрянет, когда я увижу их бедные мордочки за стеклом...

- Мистер Ромили, - решительно перебил я. - Можно ли достать тубифексов где-нибудь еще, кроме фермы?

- А? - сказал мистер Ромили, уставившись на меня. - В другом месте? Но их же всегда присылают с фермы... Погодите, погодите... Я начинаю понимать... Да-да.

Он с трудом взобрался по деревянной лесенке, вытирая пот со лба, и вылез наверх с видом единственного человека, оставшегося в живых после обвала в шахте. Он окинул комнату блуждающим, трагическим взглядом.

- Но где же? - произнес он наконец в отчаянии. - Где?

Я взял инициативу в свои руки.

- Может, у Беллоу? - сказал я.

- Беллоу? Беллоу? - повторил он. - Абсолютно неделовой человек. Торгует птицами. Вряд ли у него что-нибудь найдется.

- Но ведь попытка не пытка, - сказал я. - Может, я все-таки схожу узнать?

Мистер Ромили задумался.

- Ну, ладно, - сказал он наконец, отворачиваясь от рыбок, которые сурово глядели на него через стекла аквариумов, - возьмите десять шиллингов в кассе и возвращайтесь поскорее.

Он дал мне ключ от кассы, упал на стул и скорбно уставился на свои начищенные до блеска ботинки. Я открыл кассу, взял бумажку в десять шиллингов, заполнил чек: "10 шил. - тубифекс", положил его в кассу, запер ее и сунул ключ в бесчувственную руку мистера Ромили. Не прошло и минуты, как я уже протискивался в толпе покупателей, глазеющих на витрины; я торопился к лавочке Беллоу по широкому тротуару, а громадные красные автобусы громыхали мимо с целой свитой такси и других машин. Я добрался до маленькой улочки, свернул за угол - и меня внезапно обняла мирная тишина. Грохот автобусов, шарканье подошв, визг тормозов и кряканье клаксонов заглохли, стали почти прекрасными, как отдаленный рокот прибора.

С одной стороны улочки шла гладкая, потемневшая от копоти стена; с другой стороны железная ограда оберегала маленький церковный дворик. Какой-то благородный человек насадил здесь ряд платанов. Они склонялись через ограду, зеленой кровлей осеняя улочку, и по их пятнистым стволам гусеницы пяденицы совершали дальние и трудные переходы по коре, упорно стремясь к какой-то им самим неведомой цели. Там, где кончалась платановая аллея, начинался ряд торговых лавок. Их было всего шесть, и все они были крошечные, но каждая из них старалась выглядеть достойно.

Вот "Клемистра. Дамские моды" - и в окне довольно странная горжетка, которая, видимо, служила главной приманкой. От одного вида этой горжетки со

стеклянными глазами и собственным хвостом в зубах у любого противника вивисекции, случись ему проходить мимо, остановилось бы сердце. Дальше располагался "Гномик. Легкие завтраки, чай и закуски", а потом, перекусив, вы могли перейти к "А.Уоллету. Табак", где в витрине не было ничего, кроме реклам сигарет и трубок, а в самом центре красовался крикливый плакат, рекламирующий трубочный табак. Я быстро миновал эти лавки, прошел мимо "Уильяма Дровера. Агента по продаже недвижимости", где было множество прелестных рисунков в коричневатых тонах с изображением уютных жилищ, мимо двери, довольно сурово и несколько неожиданно украшенной одиноким нежно-розовым унитазом, - "М. и Р. Драмлин. Водопроводчики" - до самого конца ряда, где выцветшая вывеска над дверью просто и без выкрутас извещала: "Генри Беллоу, специалист по пернатым". Наконец-то, подумал я, настал час, когда я проникну в эту лавку и, может быть, разгадаю тайну птиц, живущих в клетках с надписью: "Продано". Но когда я подошел к лавке, произошло нечто непредвиденное. Высокая, нескладная женщина в костюме из клетчатой шерсти и дурацкой тирольской шляпке с пером, опередив меня на какую-то секунду, уверенным шагом подошла к двери с объявлением "Добро пожаловать", открыла ее и прошла внутрь под мелодичный звон колокольчика. Я был потрясен. Первый раз за все это время я увидел покупателя, входящего в одну из этих лавчонок. Мне так хотелось посмотреть, что там произойдет, что я бросился вперед и проскочил в дверь, пока звон колокольчика еще не замер.

Внутри было почти совсем темно, и мы с дамой в тирольской шляпке оказались пойманными, как моль в пыльной паутине. Мы ждали, что кто-нибудь поспешит обслужить нас, услышав мелодичный звон колокольчика. Но напрасно: нас окружало полное безмолвие, если не считать слабого чириканья птиц в окне или внезапного шороха перьев, когда какаду, сидевший в углу, встряхнулся, с таким звуком расправляют неглаженное белье. Хорошенько встряхнувшись, попугай склонил головку набок и сказал очень тихо и совершенно равнодушно: "Привет, привет, привет".

Мы ждали, кажется, целую вечность, хотя, может быть, прошло всего несколько секунд. Мои глаза постепенно привыкли к полутьме. Я разглядел небольшой прилавок, а за ним ящики с птичьим кормом, ракушками и другими необходимыми для птиц припасами; к прилавку были прислонены большие мешки с коноплей, просом и семечками. На одном из мешков сидела столбиком белая мышь, поглощая семена с лихорадочной поспешностью - так застенчивый гость в большой компании грызет палочки с сыром.

Я уже подумывал, не хлопнуть ли мне дверью, чтобы колокольчик зазвонил еще раз, как вдруг очень большая и очень старая охотничья собака вышла из двери позади прилавка и торжественно проковыляла через лавку, помахивая хвостом. Следом появился человек - видимо, сам мистер Беллоу. Это был высокий, плотный старик с огромной шапкой курчавых седых волос и густыми щетинистыми усами, похожими на дикие заросли терновника. Казалось, что там может угнездиться целая стая птиц. Из-под лохматых бровей сквозь стекла очков в золотой оправе поблескивали маленькие голубые глазки, яркие, как незабудки. Двигался он с величавой медлительностью, словно большой обленившийся тюлень. Выйдя из-за прилавка, он слегка поклонился.

- Сударыня, - сказал он густым раскатистым басом, - сударыня, я весь к ва-

шим услугам.

Тирольская шляпка немного растерялась, услышав такое обращение.

- О, э-э-э... Добрый день, - сказала она.

- Чем могу служить? - спросил мистер Беллоу.

- Я, собственно, пришла посоветоваться... Э-э-э... мой племянник, видите ли... Ему скоро будет четырнадцать, и я хотела бы подарить ему птичку ко дню рождения. Он, знаете, очень увлекается птицами.

- Птичку, - сказал мистер Беллоу. - Птичку. А какую именно птичку, какой именно вид птички хотели бы вы ему подарить, сударыня?

- Ну... я... Я даже не знаю, - пробормотала дама в тирольской шляпке. Может быть, канарейку?

- Канареек в это время года заводить не советую, - сказал мистер Беллоу, сокрушенно покачивая головой. - Я бы и сам на это не решился. И я был бы нечестным человеком, если бы продал вам канарейку, сударыня.

- Почему в это время года? - спросила явно встревоженная дама.

- Очень плохое время года для канареек, - сказал мистер Беллоу. Представьте себе, болеют бронхитом.

- О! - воскликнула дама. - А если попугайчика?

- Вот этого я бы вам никак не посоветовал, сударыня. Сейчас везде ходит ужасный пситтакоз, - сказал мистер Беллоу.

- Что ходит? - спросила дама.

- Пситтакоз, сударыня. Знаете - попугайная болезнь. Почти все попугайчики заражены в это время года. А для людей, к вашему сведению, это смертельно опасно. У меня как раз вчера был инспектор из министерства здравоохранения, обследовал моих попугайчиков. Сказал, что они непременно рано или поздно заболеют. Так что я никак не смогу продать вам ни одного из них.

- Но какую же птицу вы можете предложить? - сказала дама упавшим голосом.

- Признаться, сударыня, сейчас очень, очень неподходящее время года для продажи птиц, - сказал мистер Беллоу. - Все поголовно линяют.

- Значит, вы мне не советуете покупать птицу? - спросила она. - А если взять еще что-нибудь... ну, скажем, белую мышку или другую зверюшку?

- А, но в таком случае, боюсь, вам придется поискать в другом месте, сударыня. Я ими не торгую, к сожалению.

- Ах, так, - ответила она. - Что ж, тогда можно зайти к Харродсу.

- Великолепнейший универсальный магазин, сударыня, - сказал мистер Беллоу. - Великолепнейший магазин. Совершенно уверен, что там найдется все, что вам угодно.

- Большое вам спасибо, - сказала она. - Вы так любезны. - И она вышла из лавки.

Когда дверь закрылась, мистер Беллоу повернулся и посмотрел на меня.

- Добрый день, - сказал я.

- Добрый день, сэр, - ответил он. - Я всецело в вашем распоряжении. Что вам угодно?

- Вообще-то я зашел спросить, нет ли у вас тубифексов, - сказал я. - Я служу в "Аквариуме", и у нас они кончились.

- Вот как, в "Аквариуме"? У этого самого Ромили?

- Да, у него.

- Так, так, - сказал мистер Беллоу. - А почему вы решили, что у меня есть тубифексы? Я занимаюсь пернатыми.

- Мистер Ромили так и сказал, а я подумал, что вдруг у вас случайно найдется немного, и решил зайти узнать.

- Что ж, представьте себе, вы не ошиблись, - сказал мистер Беллоу. Пожалуйста за мной.

Он провел меня через дверь за прилавком в маленькую, неубранную, но очень уютную комнатку. По виду кресел и дивана можно было сразу догадаться, что пес пользуется ими не меньше, чем сам мистер Беллоу. Мы оказались во дворике под сенью платана, росшего в церковном саду. В центре дворика был бассейн, в который из крана сочилась вода, а посередине на каменной горке стоял гипсовый Амур. Бассейн кишел золотыми рыбками, а в углу стояла большая банка из-под джема с изрядным комком тубифексов. Мистер Беллоу достал еще одну банку и отложил в нее немного червей, потом протянул ее мне.

- Вы очень добры, - сказал я. - Сколько я вам должен?

- Только не вздумайте платить, - ответил мистер Беллоу. - Платить не надо. Это подарок.

- Но... но они же страшно дорогие, - растерянно пробормотал я.

- Это подарок, мой мальчик. Примите это в подарок, - сказал мистер Беллоу. Он проводил меня обратно в лавку.

- Скажите, пожалуйста, мистер Беллоу, а почему на всех клетках у вас в окне написано: "Продано"?

Он впился в меня пронзительными голубыми глазками.

- А потому, что они проданы, - ответил он.

- Но они уже целую вечность проданы. С того самого дня, как я хожу по этой улице. А это добрых два месяца. Что же, за ними так никто и не является?

- Нет, я просто... держу их пока у себя для людей, понимаете, пока они не смогут их забрать. Кто строит новые вольеры, кто чинит клетки и так далее, и тому подобное... - сказал мистер Беллоу.

- А вы их продали в подходящее время года? - спросил я.

По лицу мистера Беллоу промелькнула усмешка.

- А как же, конечно, - сказал он.

- А еще птицы у вас есть? - спросил я.

- Да, наверну, - сказал он. - Наверну.

- Если я найду к вам как-нибудь в свободное время, вы мне их покажете?

Мистер Беллоу задумчиво разглядывал меня, поглаживая подбородок.

- Думаю, что это можно устроить, - сказал он. - Когда вы хотите зайти?

- У меня в субботу короткий день. Можно прийти в субботу после обеда?

- По субботам у меня обычно закрыто. Но вы позвоните три раза, и я вам открою.

- Большое спасибо, - сказал я. - И спасибо вам за тубифексов. Мистер Ромили будет очень признателен.

- Не за что, не за что, - ответил мистер Беллоу. - Всего вам хорошего.

Я вышел, прошел всю улочку и вернулся в наш магазин.

Несколько дней мистер Беллоу был главным предметом моих размышлений. Ни на одну минуту я не поверил, что птицы в его витрине проданы, но никак не мог додуматься, зачем было навешивать на них эти надписи. К тому

же меня немало озадачило его явное нежелание продать птичку даме в тирольской шляпке. Я твердо решил, что в субботу вырву эту тайну у самого мистера Беллоу, чего бы мне это ни стоило.

Наконец настала суббота, и я, пройдя по улочке, ровно в два часа уже стоял перед лавкой мистера Беллоу. Надпись на дверях гласила: "Сожалею, но сегодня закрыто". Тем не менее я нажал кнопку звонка три раза и стал доверчиво ждать. Вскоре мистер Беллоу отпер дверь.

- А, - сказал он. - Добрый день.

- Добрый день, мистер Беллоу.

- Прошу вас, входите, - гостеприимно пригласил меня мистер Беллоу. Я вошел, и он аккуратно запер за мной дверь лавки.

- Так вы хотели, чтобы я вам показал птичек? - спросил он.

- Пожалуйста, если можно.

Он провел меня через заднюю комнату наверх по очень узкой шаткой лесенке. Наверху были, насколько я мог судить, крохотная ванная, спальня и еще одна комната, куда меня и привел мистер Беллоу. Она была от пола до потолка уставлена клетками, а в них было полно птиц всех видов, форм и расцветок. Там были крохотные яркие ткачики из Африки и Азии. Было даже несколько великолепных австралийских вьюрков. Были там и попугаи, зеленые, как листочки, и красные кардиналы, багряные, как царские мантии. У меня захватило дух от восторга. Мистер Беллоу в отличие от мистера Ромили прекрасно разбирался в своем деле - он знал название каждой птички, да еще и научное название - по-латыни, знал, откуда она, и чем ее лучше всего кормить, и сколько яиц она кладет. Он был просто кладезем премудрости.

- А эти птицы тоже продаются? - спросил я, не сводя жадных глаз с красного кардинала.

- Конечно, - сказал мистер Беллоу и добавил: - Но исключительно в подходящее время года.

- Почему вы все говорите о подходящем времени? - спросил я. - Раз уж вы торгуете птицами, значит, их можно продавать в любое время года!

- Что ж, некоторые так и делают. Но у меня железное правило: я раз и навсегда решил не продавать птиц в неподходящее время года.

Я взглянул на него и уловил смешинку в его глазах.

- Тогда какое же время года подходящее? - спросил я.

- Ну, если вы спросите меня, то такого времени не бывает, - заявил мистер Беллоу.

- Значит, вы их совсем не продаете? - спросил я.

- Очень редко, - сказал мистер Беллоу. - Только в виде исключения например, близким друзьям.

- Так вот почему вы ни за что не хотели продать птичку той даме?

- Да, - сказал он.

- И все эти птицы в витрине с надписью "Продано" вовсе не проданы, верно?

- Честно говоря, только это между нами, никому они не проданы, признался он.

- Хорошо, но как же вы тогда зарабатываете на жизнь? - спросил я.

- А! - сказал мистер Беллоу. - В том-то и дело. Никак.

Должно быть, у меня был дурацкий вид, потому что мистер Беллоу негром-

ко хохотнул и предложил:

- Пойдемте-ка вниз выпьем чайку, а? Я вам все объясню. Но обещайте, что дальше это не пойдет. Даете слово?

Он поднял толстый палец и погрозил мне.

- О, даю слово! - обещал я. - Честное слово.

- Ладно, - сказал он. - Вы крендельки любите?

- М-мм... да, люблю, - ответил я, слегка ошеломленный этой внезапной переменной темы.

- И я тоже, - сказал мистер Беллоу. - Горячие крендельки с маслом и чаёк. Пошли-ка вниз.

И мы спустились вниз, в маленькую гостиную, где пес мистера Беллоу оказалось, что зовут его Олдрич, - уже растянулся на диване и наслаждался комфортом. Мистер Беллоу зажег газ на крошечной плитке, быстро один за другим подрумянил на огне крендельки, намазал их маслом, и, когда на тарелке выросла пухлая маслянистая горка, он поставил ее на низенький столик, за которым мы сидели. Тут вскипел чайник. Он заварил чай и поставил на стол хрупкие, прозрачные фарфоровые чашки, из которых нам предстояло пить.

- Вам с молоком? - спросил он.

- Да, пожалуйста, - сказал я.

- Сахарку?

- Спасибо, не надо, - ответил я.

Мы отпили по нескольку глотков чая, потом он подал мне кренделек, другой взял себе и со вздохом удовлетворения запустил в него зубы.

- Ведь вы мне хотели рассказать, ну, насчет того, что вы ничего не зарабатываете? - спросил я.

- Да, - сказал он, тщательно вытирая носовым платком губы, руки и усы, - да, это довольно длинная и запутанная история. Вся наша улочка - кстати, она называется Поттсова аллея - принадлежала когда-то одному чудаку миллионеру по имени Поттс. В наше время его, пожалуй, окрестили бы социалистом. Построив эти лавочки, он выдумал особые правила и ограничения специально для данного случая. Каждый желающий мог получить тут в аренду лавку на неограниченный срок, но раз в четыре года арендная плата должна пересматриваться. Если дела идут хорошо, плата соответственно повышается, а если прибыли нет, то и плата снижается. Так вот, я занял эту лавку в 1921 году. И с тех пор плачу за нее ровно пять шиллингов в неделю.

Я уставился на мистера Беллоу, не веря собственным ушам.

- Пять шиллингов в неделю? Да это прямо неприличная цена за такую лавку - в Кенсингтоне, в двух шагах от Хай-стрит!

- Вот именно, - сказал мистер Беллоу. - В том-то и дело. А я плачу пять шиллингов в неделю, то есть один фунт в месяц.

- Почему же тут такая мизерная плата? - спросил я.

- А вот почему, - сказал он. - Никакой прибыли я не получаю. Как только я узнал, что здесь сдаются лавки, я мигом сообразил, что тут для меня есть лазейка. У меня были небольшие сбережения - не слишком много, но все-таки на жизнь хватало. Мне было нужно только одно - подходящее местечко, где можно было бы жить и держать моих птичек. Так вот, здесь передо мной открылись блестящие возможности. Я обошел всех жителей Поттсовой аллеи и объяснил им это дело; оказалось, что все они в таком же положении, как и я: у

всех было немножко денег на жизнь, и единственное, чего им не хватало, было дешевое жилье. Тогда мы организовали "Ассоциацию Поттсовой аллеи", сговорились между собой и раздобыли отличного счетовода. Не подумайте, что я имею в виду кого-нибудь из этих дипломированных краснобаев, когда говорю "отличный". Они только и знают, что защищать закон; от них никакой пользы ни человеку, ни другой твари. Нет, этот молодой человек - умница, отлично соображает, что к чему. Мы с ним встречаемся раза два в год, он просматривает наши счета и советует нам, как лучше прогореть. И мы исправно прогораем, так что при каждой ревизии нашу плату не повышают, а порой даже чуть-чуть снижают.

- А нынешние владельцы не могут изменить условия? - спросил я.

- Нет, - сказал мистер Беллоу. - В том-то и вся прелесть. Я разузнал, что в завещании мистера Поттса запрещено менять эти условия.

- Но ведь они, должно быть, просто лопались от злости, когда узнали, что получают с вас всего фунт в месяц!

- Еще бы! - сказал мистер Беллоу. - Они из кожи вон лезли, чтобы выселить меня отсюда, только ничего у них не вышло. Я нанял отличного адвоката - опять-таки не из этих болтунов, которые о законе пекутся больше, чем о своих клиентах. Он сразу поставил их на место. Да и все остальные лавки встали против них единым фронтом, так что они равным счетом ничего не могут сделать.

Я промолчал: мне не хотелось обижать мистера Беллоу, но в глубине души я был совершенно уверен, что вся эта история - чистейшая выдумка. Был у меня когда-то репетитор, который жил шизофренически-раздвоенной жизнью: он постоянно рассказывал мне длинные и путаные истории о своих приключениях, хотя на самом деле с ним ничего подобного не случалось, просто он об этом всегда мечтал. Я давно уже привык к подобным искажениям действительности.

- Да, - сказал я. - История потрясающая. До чего же здорово вы все сообразили!

- Никогда не пропускайте то, что написано мелким шрифтом, - сказал мистер Беллоу, назидательно помахивая пальцем. - Извините, мне нужно сходить за Мейбл.

Он ушел в лавку и появился снова, неся на рукаве какаду. Усевшись, он взял птицу в руки и опрокинул ее на спинку. Она лежала неподвижно, словно вырезанная из слоновой кости, не открывая глаз и повторяя: "Привет, привет, привет". Он ласково пригладил ее перышки и, положив птицу к себе на колени, стал почесывать ей брюшко. Птица замерла в полном блаженстве.

- Она начинает скучать, если подолгу оставлять ее одну в лавке, пояснил он. - Возьмите еще кренделек, мой дорогой!

Так мы сидели, ели крендельки и болтали. Мистер Беллоу оказался интереснейшим собеседником. В молодости он успел объездить полсвета и отлично знал те места, куда мне самому ужасно хотелось попасть. С тех пор я заходил к нему попить чайку почти каждую субботу, и это были чудесные вечера.

Но его рассказам о Поттсовой аллее я по-прежнему не верил и поэтому решил провести эксперимент. Я посвятил этому делу несколько дней и обошел все лавочки подряд. Я зашел, например, к Клемистре, мне, видите ли, нужна была шляпка - подарок маме ко дню рождения. Ах, какое огорчение, сказали

две милые старушки, которые там торговали, какое ужасное несчастье: я попал к ним в самое плохое время. У них только что кончились шляпы. Ну, не беда, я согласен купить что-нибудь другое - горжетку или что-нибудь еще. Ах, нет, дело в том, что весь товар в магазине уже обещан другим. Они как раз ждут новые товары. А когда день рождения моей матушки? В следующую пятницу, сказал я. "О, к тому времени у нас все будет, да, мы совершенно в этом уверены. Заходите к нам обязательно".

Мистер Уоллет, табачник, сказал мне, что не держит тех сигарет, которые я спрашиваю. Не держал он и сигар, и трубок тоже. С большой неохотой он продал мне коробок спичек.

Потом я отправился к водопроводчикам. Я сказал, что меня прислала мама, потому что у нас испортился бачок, так нельзя ли прислать мастера?

- Так-так, - сказал мистер Драмлин. - А это очень срочно?

- Очень срочно, - ответил я. - У нас и в уборной воды нет, и вообще нигде.

- Видите ли, у нас здесь всего один мастер, только один мастер, и он как раз ушел по вызову. Очень, очень сложная работа. Не знаю, сколько она протянется - то ли день, то ли два.

- А не может ли он зайти и поработать сверхурочно? - спросил я.

- О, не думаю, чтобы он согласился, - сказал мистер Драмлин. - Между прочим, на Хай-стрит есть прекрасные водопроводчики. Почему бы вам не зайти туда? Может быть, у них есть свободный мастер. А я, боюсь, не смогу вам ничего гарантировать. Не раньше, чем через два-три дня, никак не раньше, никак не раньше.

Я поблагодарил его и ушел. Затем я пошел к Уильяму Дроверу, агенту по продаже недвижимости. Это был тщедушный человечек с волосами, похожими на пух отцветшего репейника. Я сказал, что моя тетька собирается переезжать в этот район и просила меня - я тут недалеко живу - зайти к агенту и узнать, как обстоит дело с квартирами.

- Квартиры? Квартиры? - спросил мистер Дровер, поджимая губы. Он снял очки, тщательно протер их, водрузил на место и стал высматривать что-то в лавке, словно надеясь обнаружить завалившуюся квартиру. - Неудачный сезон для квартир. Весьма неудачный сезон. Масса народа переезжает в этот район. Так и расхватывают квартиры прямо из-под рук.

- Значит, у вас ничего нет на примете? Я бы хотел хоть что-нибудь показать тете, - сказал я.

- Нет, - ответил он. - Ничего. Совсем ничего, к сожалению. Совсем ничего нет.

- Может быть, тогда найдется небольшой домик? - спросил я.

- О, и здесь то же самое. Так же плохо, - сказал он. - Боюсь, что в моем списке не найдется ни одного дома, который бы вас устроил. Вот разве что дом с десятью спальнями в Хэмстеде, если хотите.

- Да нет, этот, пожалуй, немного великоват. Тем более что она хочет жить в нашем районе.

- Все хотят. Все до единого. Нас скоро отсюда вытеснят. Мы будем скоро задевать соседей локтями, - сказал он.

- Зато ваши дела, должно быть, идут в гору? - спросил я.

- Это еще как сказать, - возразил он. - Перенаселение снижает общий уровень, знаете ли.

- Ну что ж, большое спасибо за помощь, - сказал я.

- Не стоит благодарности. Очень сожалею, что больше ничего не смог для вас сделать.

Вслед за тем я посетил "Гномик". Меню у них было очень разнообразное, но мне они смогли предложить только чашку чая. К несчастью, - они так и рассыпались в извинениях - грузовик со всеми припасами сломался где-то на другом конце Лондона, и у них нет никаких продуктов, ни крошки.

После этого я поверил, что мистер Беллоу говорил правду про Поттсову аллею.

Примерно в это же время в моей жизни появилась еще одна любопытная личность. Я уже довольно долго работал у мистера Ромили, и он стал доверять мне как самому себе. Время от времени он посылал меня в Ист-Энд за новой партией рептилий, амфибий и тропических рыбок. Мы покупали их у оптовиков, а всякую пресноводную живность, как я уже говорил, нам присылали с фермы, которой, собственно, и принадлежал наш магазин. Я любил эти походы: в сумрачных, как пещеры, складах где-нибудь на глухих улочках я находил огромные клетки с ящерицами, корзинки, полные черепах, и позеленевшие, заросшие водорослями аквариумы, набитые тритонами, лягушками и саламандрами. Во время одного из таких походов в Ист-Энд я и повстречал полковника Анструтера.

Меня послали к Ван ден Готу, крупному оптовику, который импортировал североамериканских пресмыкающихся и земноводных, и мистер Ромили поручил мне привезти оттуда 150 детенышей американской расписной черепашки - террапина очаровательных крошечных пресноводных черепашек в зеленых панцирях с желтыми и красными разводами на коже. Размером они были не больше монеты в полкроны. Мы довольно бойко торговали ими, потому что этих неприхотливых и милых животных очень удобно дарить детям и содержать в городской квартире. Я поехал к Ван ден Готу и нашел самого мистера Ван ден Гота. Это был громадный здоровяк, похожий на орангутанга. Он положил моих черепашек в картонную коробку с мокрым мхом, и тогда я попросил разрешения немного походить по складу.

- Сколько угодно, - сказал он. - Будьте, как дома.

Он развалился в своем кресле, взял голландскую газету, сунул себе под нос сигару и перестал меня замечать. Некоторое время я бродил по складу, внимательно разглядывая красавиц змей, а перед клеткой с игуанами я замер от восхищения: ярко-зеленые, они были украшены гребнями и чешуйчатými воротниками - настоящие драконы из волшебных сказок. Наконец я взглянул на часы и встревожился, обнаружив, что опаздываю почти на полчаса. Тогда я схватил коробку с черепашками, наспех попрощался с мистером Ван ден Готом и понесся на автобусную остановку.

Я так и не заметил - и это была непростительная небрежность, - что и черепашки, и мох, который мистер Ван ден Гот положил в коробку, были основательно пропитаны водой. Пока я разгуливал по складу, дно коробки успело размокнуть, что и привело к вполне естественному результату: как только я взобрался по лесенке на верх автобуса и пошел по проходу, дно коробки отвалилось, и целый каскад маленьких черепашек хлынул на пол.

Мне еще повезло, что наверху кроме меня был только один пассажир статный подтянутый джентльмен с военной выправкой, седыми усами и монок-

лем в глазу, в отлично сшитом шерстяном костюме и щегольской шляпе. У него была гвоздика в петлице и трость с серебряным набалдашником.

Я отчаянно шарил по полу, стараясь изловить черепашек, но черепашки детеныши могут при желании развивать сверхъестественные скорости, не говоря уже о том, что они подавляли меня превосходящей численностью. Внезапно один беглец пронесся по проходу и затаился у самой ноги военного джентльмена. Тот почувствовал, как что-то царапает его начищенный до блеска ботинок, и взглянул вниз. Пронеси господи, подумал я, вот я и влип! Он поправил монокль в глазу и внимательно посмотрел на маленькую черепашку, которая как раз пыталась вскарабкаться на самый носок его ботинка.

- Тысяча чертей! - сказал он. - Расписной террапин! Сто лет их не видал!

Он оглянулся, чтобы понять, откуда на него свалилось это маленькое пресмыкающееся, и увидел меня: весь красный, я ползал на четвереньках по полу, а кругом, как бешеные, сновали крохотные черепашки.

- Ага! - сказал он. - Так это ваш малыш?

- Да, сэр, - ответил я. - Простите, пожалуйста, но у меня дно из коробки выпало.

- Черт возьми! Попали же вы в переделку! - крикнул он.

- М-м-м... да, похоже на то, - ответил я.

Он поднял черепашку, которая уже успела взобраться на его ботинок, и подошел ко мне по проходу.

- Держите, - сказал он. - Я вам сейчас помогу. Я буду загонять этих бездельников.

- О, вы очень любезны, - сказал я.

Он опустился на четвереньки рядом со мной, и мы стали ползать по всему автобусу, собирая черепашек.

- Ату его! - восклицал он время от времени. - Вон он там, полез в укрытие!

А когда маленький террапин побежал прямо на него, он взял свою трость на прицел и крикнул:

- Бах! Бах! Назад, сэр, или я вас атакую!

Наконец, потратив примерно четверть часа на эту операцию, мы ухитрились водворить всех черепашек обратно в коробку, и я кое-как перевязал ее своим платком.

- Я вам очень благодарен, сэр, - сказал я. - Боюсь, что вы испачкали свои брюки.

- И не жалею, - сказал он. - Не жалею. Давно не случалось так славно поразмяться.

Он поправил монокль и воззрился на меня:

- Признайтесь, зачем вам понадобилась полная коробка террапинов?

- Я... Я работаю в зоомагазине, и меня за ними послали.

- А, понятно, - сказал он. - Не возражаете, если я сяду рядом - посидим потолкуем?

- Конечно, сэр, - сказал я. - Пожалуйста.

Он подошел, прочно утвердился на сиденье напротив, поставил трость между колен и, опершись на нее подбородком, задумчиво разглядывал меня.

- Значит, зоомагазин, да? - спросил он. - Гм-м. Любите животных?

- Очень люблю. Может, даже больше всего на свете.

- Гм-м, - сказал он. - А еще что есть у вас в магазине?

Мне показалось, что он слушает с неподдельным интересом, и я рассказал ему про всех наших питомцев и про мистера Ромили и начал было колебаться, а не рассказать ли ему про мистера Беллоу, но вспомнил, что дал слово хранить тайну, и промолчал. Когда мы подъехали к моей остановке, я встал.

- Извините, сэр, - сказал я. - Мне пора выходить.

- А, - пробормотал он. - Угу. Да и мне тоже. Мне тоже.

Было совершенно ясно, что это не его остановка, ему просто хотелось поговорить со мной. Мы вышли на тротуар.

- А где же ваш магазин? - спросил он, вертя трость двумя пальцами.

- Немного дальше, сэр, - сказал я.

- В таком случае я вас провожу.

Он шагал по тротуару, внимательно разглядывая витрины, мимо которых мы шли.

- Скажите, а чем вы занимаетесь в свободное время? - спросил он.

- О, я хожу в зоопарк, и в кино, и в музеи - в разные места.

- В Музее науки бывали? - спросил он. - Видели там разные модели и всякую всячину?

- Мне там очень понравилось, - сказал я. - Я люблю модели.

- Правда? Правда? - сказал он, уставившись на меня через монокль. - Вы любите играть, да?

- Ну да, в общем-то люблю, - ответил я.

- Ага, - обрадовался он.

Мы остановились перед дверью "Аквариума".

- Простите меня, сэр, но я... я и так уже здорово опоздал...

- Просто любопытствовал, - сказал он. - Просто любопытствовал.

Он вытащил бумажник и извлек оттуда визитную карточку.

- Вот мое имя и адрес. Если захотите зайти как-нибудь вечером, мы сыграем с вами в одну игру.

- Вы... вы очень добры, сэр, - сказал я.

- Ну что вы. Так я буду ждать. И не звоните заранее. Просто приходите. Я всегда дома. В любое время после шести.

Он зашагал прочь, и мне еще раз бросилась в глаза его военная выправка. Я сунул карточку в карман и вошел в магазин.

- Где это вы пропадали, негодник этакий? - спросил мистер Ромили.

- Простите, пожалуйста, - сказал я. - Но... Но у меня... Со мной тут случилась одна неприятность в автобусе. Дно из коробки выпало, и все черепашки выскочили, мне их помог собрать один вояка, но пришлось немного задержаться. Пожалуйста, простите меня, мистер Ромили.

- Ну, ничего, ничего... Сегодня было очень мало народу... Очень мало, очень мало. Кстати, я уже приготовил аквариум, можете их туда посадить, если хотите.

Я пустил черепашек в аквариум, немного посмотрел, как они там плавают, а потом вынул карточку и стал ее разглядывать.

Там было написано: "Полковник Анструтер, Белл-Мьюз, 47, Южный Кенсингтон". И номер телефона там тоже был. Я немного поразмыслил.

- Мистер Ромили, - сказал я. - Вы случайно не знаете полковника Анструтера?

- Анструтер? Анструтер? - мистер Ромили сдвинул брови. - Как будто бы нет,

как будто бы нет... А, погодите-ка, погодите-ка... где он живет?

- Белл-Мьюз.

- Тогда это он! Он самый! - сказал мистер Ромили, расплываясь в улыбке. - Да, да-да. Он самый. Отличный солдат. И прекрасный человек. Так это он помог вам собрать черепашек?

- Да.

- Вот это на него похоже. Никогда не бросит друга в беде, - сказал мистер Ромили. - Теперь таких людей не сыщешь. Повывелись такие люди, вот что.

- Значит, он... м-ммм... человек известный, да? И... ну, уважаемый? спросил я.

- О да, конечно. В высшей степени. Его здесь каждый знает. Старого полковника тут все любят.

Некоторое время я перерабатывал эту информацию и наконец решил, что стоит, пожалуй, принять его приглашение. Хотя он и говорил мне, чтобы я не звонил, я все-таки подумал, что вежливость не повредит, и позвонил ему через несколько дней.

- Полковник Анструтер? - спросил я.

- Да-да, - слышалось в трубке. - Кто это? Кто это?

- Это... м-мм... меня зовут Даррелл, - сказал я. - Мы с вами встретились в автобусе. Вы были так любезны, что помогли мне переловить черепашек.

- Ах да, - сказал он. - Да. Как поживают малыши?

- Прекрасно, - ответил я. - Они живут прекрасно. Я думал... может быть, я могу воспользоваться вашим любезным приглашением и зайти в гости?

- Ну конечно, мой друг! Конечно! - сказал он. - Буду очень рад! Очень рад! Когда вы придете?

- А когда вам удобно? - спросил я.

- Приходите около половины седьмого, - сказал он. - Приходите к обеду.

- Большое спасибо. Я приду.

Белл-Мьюз оказался коротеньким мощным тупичком, где на каждой стороне было всего по четыре небольших домика. Поначалу я немного запутался, потому что не сразу сообразил, что полковник занимает все четыре дома по одной стороне: он сделал из них одну квартиру и со всем блеском стратегического таланта поместил на каждой из четырех дверей номер 47. После недолгих колебаний я постучал в ближайшую дверь и стал терпеливо ждать. Ожидая, я размышлял о том, как нелепо обозначать одним номером четыре единственных дома по улочке сто футов длиной, а если уж так, то куда девались остальные номера? Должно быть, разбросаны по всем улицам и закоулкам этого района. Да, лондонским почтальонам не позавидуешь.

В эту минуту дверь под номером 47, в которую я стучал, отворилась, и передо мной предстал полковник. Его вид поверг меня в некоторое смятение, потому что одет он был в бархатную светло-зеленую домашнюю куртку с атласными отворотами и при этом небрежно помахивал кухонным ножом невероятных размеров. У меня зашевелилась мысль: а не напрасно ли я сюда пришел?

- Даррелл? - спросил он, поправляя монокль. - Черт побери, вот это точность!

- Я тут немного запутался, - начал я.

- А! - сказал он. - Попались на этот номер? Все попадают. А мне так спокойнее, знаете ли. Входите же! Входите!

Я проскользнул в переднюю, и он запер дверь.

- Очень рад вас видеть, - сказал он. - Проходите.

Бодрой рысцой он двинулся впереди меня через переднюю, держа кухонный нож наперевес, как саблю, словно вел в атаку своих кавалеристов. Передо мной мелькнула вешалка красного дерева и какие-то гравюры на стенах, и мы оказались в большой, просторной гостиной, обставленной просто, но с комфортом. Повсюду громоздились кучи книг, а на стенах висели изображения разных военных мундиров. Он провел меня дальше, в большую кухню.

- Простите, что я так тороплюсь, - отдуваясь сказал он. - У меня пирог в духовке, боюсь, как бы не подгорел.

Он подбежал к плите, открыл дверцу и заглянул внутрь.

- Нет, пока все в порядке, - сказал он. - Прекрасно. Прекрасно. - Он выпрямился и взглянул на меня.

- Любите пирог с мясом и почками? - спросил он.

- О да, - ответил я. - Очень люблю.

- Прекрасно, - сказал он. - Он вот-вот будет готов. Ну, давайте присядем и выпьем чего-нибудь. Он провел меня обратно в гостиную.

- Усаживайтесь, усаживайтесь, - сказал он. - Что будете пить? Шерри? Виски? Джин?

- А у вас... М-м-м... А нет ли у вас вина?

- Вина? - переспросил он. - Ну, разумеется, разумеется.

Он достал бутылку, открыл ее и налил мне целый стакан рубиново-красного вина. Оно было терпкое и сухое. Мы сидели и болтали - главным образом о расписных черепашках. Минут через десять полковник взглянул на часы.

- Пожалуй, поспел, - сказал он. - Должен поспеть. Вы не возражаете, если мы пообедаем в кухне? Меньше возни.

- Конечно, конечно, - согласился я.

Мы отправились на кухню. Полковник накрыл стол, потом размял несколько картофелин, водрузил сверху гигантский кусок пирога с мясом и почками и поставил тарелку передо мной.

Мясо с почками было отлично приготовлено.

Я спросил полковника, неужели он сам его готовил?

- Да, - ответил он. - Пришлось научиться стряпать, когда жена умерла. Проще простого, уверяю вас, если немного пошевелить мозгами. Иногда щепотка травки или чего-нибудь такого прямо чудеса творит. А вы умеете готовить?

- Да кое-как. Меня мама учила-учила, да я не очень серьезно этим занимался. Хотя вообще-то мне нравится.

- И мне тоже, - сказал он. - Мне тоже. Голова отдыхает.

Когда мы покончили с мясом, он достал из холодильника мороженое, мы его тоже съели.

- Уф, - сказал полковник, откинувшись в кресле и поглаживая живот. Полный порядок. Полный порядок. Я ем только один раз в день, зато уж основательно.

Полковник закурил душистую тонкую сигару. Когда сигара была выкурена, он поправил монокль и посмотрел на меня.

- А теперь пойдём наверх, поиграем, хотите? - спросил он.

- Во что... поиграем? - осторожно осведомился я.

- Померяемся силами, - сказал полковник. - Битва умов. На моделях. Вы го-

ворили, что вам это нравится.

- М-м... да, - согласился я.

- Тогда пошли, - сказал полковник. - Пошли наверх.

Он снова привел меня в переднюю, а оттуда - вверх по лестнице, через маленькую комнату - там у него была мастерская: возле стенки стоял верстак, а над ним полки с банками краски, паяльниками и еще какими-то загадочными орудиями. "Полковник, как видно, в свободное время увлекается разными поделками", - подумал я. Но тут он открыл еще одну дверь, и моим глазам предстало потрясающее зрелище. Комната, на пороге которой я стоял, занимала весь верх и тянулась не меньше чем на 70 - 80 футов. Собственно говоря, это были соединенные в одну комнату верхние этажи всех четырех домов, принадлежавших полковнику. Пол был покрыт блестящим паркетом. Но меня поразили не столько размеры комнаты, сколько ее обстановка. На двух противоположных ее концах были построены две крепости из папье-маше. Высотой они были фута в три-четыре, шириной - четыре-пять футов. А вокруг них выстроились сотни, целые сотни оловянных солдатиков, переливаясь и сверкая яркими мундирами, а среди них были расположены танки, броневики, зенитные батареи и прочая техника. Передо мной в полном блеске развернулись армии, готовые к бою.

- Ага, - сказал полковник, весело потирая руки. - Что, не ожидали?

- Вот так штука! - воскликнул я. - В жизни не видал столько игрушечных солдатиков!

- Я собирал их годами, - сказал он. - Годами. Знаете, я ведь получаю их прямо с фабрики. Беру некрашеных и потом раскрашиваю сам. Гораздо лучше выходит - чище, ровнее и более правдоподобно.

Я наклонился и взял в руки крохотного солдатика. Да, полковник говорил правду. Обычно оловянные солдатикки размалеваны наспех, кое-как, а эти раскрашены настолько тщательно, что у них даже как будто бы разное выражение лица.

- Ну вот, - сказал полковник. - Ну вот. Мы сейчас проведем небольшую игру - просто для тренировки. А когда вы освоитесь, начнем играть всерьез. Я вам сейчас объясню правила.

Правила игры, которые мне изложил полковник, отличались точностью и определенностью. У каждого своя армия. Бросают кости, и тот, у кого больше очков, считается агрессором и делает первый ход. Он опять бросает кости и в зависимости от выпавших очков может перемещать любой батальон своих солдат в любом направлении, а также вести обстрел из зениток и дальнобойных орудий. Орудия имели пружинный механизм и заряжались спичками. Пружины были поразительно сильные, и спички летели через всю комнату с невероятной скоростью. Когда спичка падала, все вокруг нее в радиусе десяти сантиметров считалось уничтоженным, так что при прямом попадании можно было нанести тяжкий урон войскам противника. Каждому игроку полагалось иметь при себе небольшую рулетку для измерения расстояния вокруг спички.

Вся эта выдумка привела меня в восторг, тем более что это живо напомнило мне игру, которую мы изобрели еще в Греции. Мой брат Лесли - он был просто помешан на пушках и кораблях - собрал целый флот игрушечных крейсеров, линкоров и подводных лодок. Мы обычно расставляли их на полу и игра-

ли почти в такую же игру, только для поражения противника у нас были стеклянные шарики. Нужны были верный глаз и точная рука, чтобы, пустив шарик по неровному полу, попасть в миноносец длиной всего в полтора дюйма. Мы с полковником бросили кости, и мне выпало быть агрессором.

- А! - сказал полковник. - Грязный гунн!

Я понял, что он разжигает в себе воинственный пыл.

- А что я должен делать? - спросил я. - Попытаться разрушить вашу крепость?

- Что ж, попробуйте, - сказал он. - Пожалуйста, разрушайте, если сумеете.

Я очень скоро смекнул, что в этой игре главное было отвлечь внимание противника на другой фланг и незаметно для него совершить несколько молниеносных маневров. Так что я принялся непрерывно обстреливать его войска, и, пока спички со свистом носились по комнате, я ухитрился подвести два батальона к самой линии его обороны.

- Свинья! - бушевал полковник, когда очередная спичка попадала в его расположение и ему приходилось мерить радиус поражения. - Грязная свинья! Гунн проклятый!

Лицо у него стало ярко-розовым, а на глазах выступили слезы, ему то и дело приходилось вынимать монокль и подолгу протирать его.

- Какого черта вы так метко стреляете! - орал полковник.

- Вы сами виноваты, - кричал я в ответ. - У вас все войска сбиты в кучу, в них ничего не стоит попасть!

- Это у меня такая стратегия. Не обсуждать мою стратегию! Я старше вас и выше чином.

- Как это "выше чином", когда я командую армией?

- Не возражать, молокосос! - гремел полковник.

Игра продолжалась часа два, и за это время я успешно рассеял почти все силы противника и закрепился на подступах к его крепости.

- Сдаетесь? - крикнул я.

- Ни за что! - заорал полковник. - Ни за что! Сдаться проклятому гунну? Никогда!

- Ах так! Тогда я двигаю вперед саперов, - пригрозил я.

- Зачем это вам понадобились саперы?

- Чтобы взорвать вашу крепость, - ответил я.

- Не положено, - сказал он. - Это против правил войны.

- Ерунда! - сказал я. - Вот немцы не очень-то считались с правилами войны.

- Какое гнусное коварство! - возопил он, когда я успешно подорвал его укрепления.

- Сдаетесь или нет?

- Нет! Буду сражаться за каждую пядь земли, проклятый варвар! - кричал он, ревно ползая на четвереньках по полу и лихорадочно передвигая свои войска. Но эти отчаянные усилия не спасли его: я загнал его в угол и добил из пушек.

- Тысяча чертей! - вскричал полковник, когда все было кончено, вытирая мокрый от пота лоб. - Никогда не видел, чтобы человек так играл. Как же вы научились так чертовски метко стрелять, если раньше не играли?

- А я играл в другую игру, вроде этой, но мы стреляли шариками, сказал я. - Стоит только набить руку - и это уж... навсегда.

- Черт побери! - воскликнул полковник, созерцая свою разгромленную армию. - Но все же это была славная игра и славная битва. Еще сыграем?

И мы играли, играли без конца, и полковник все больше горячился, а когда я наконец взглянул на свои часы, то с ужасом увидел, что уже час ночи. Игру закончить мы не успели, поэтому пришлось оставить все, как было, а на следующий вечер я пришел снова, и мы ее доиграли. Я стал проводить у полковника два-три вечера в неделю; мы разыгрывали сражения в большой комнате, и ему это доставляло огромное удовольствие - почти такое же, как и мне.

Но вскоре моя мама объявила, что дом наконец найден и нам пора уезжать из Лондона. Я был глубоко огорчен. Значит, мне придется бросить работу, расстаться с моим другом мистером Беллоу и с полковником Анструтером. Мистер Ромили был безутешен:

- Мне никто не сможет заменить вас. Никто.

- Ну, кто-нибудь обязательно найдется, - сказал я.

- Да, но он же не сумеет так украшать аквариумы и вообще... Прямо не знаю, что я буду без вас делать...

В тот день, когда я окончательно уходил от него, он со слезами на глазах преподнес мне кожаный бумажник. На внутренней стороне было золотом вытеснено: "Джералду Дарреллу от товарищей по работе". Я немного удивился, потому что, кроме меня и мистера Ромили, у нас никто не работал, но он, очевидно, считал, что так будет солиднее. Я горячо поблагодарил его и в последний раз отправился на Поттсову аллею, в лавку мистера Беллоу.

- Жаль, что приходится расставаться, мой мальчик, - сказал он. - Очень, очень жаль. Держите... Это вам небольшой подарок на прощанье.

Он сунул мне в руки маленькую клеточку. В ней сидела самая лучшая из его птиц, о которой я больше всего мечтал, - красный кардинал. Я совсем потерялся.

- Вы вправду хотите мне его отдать? - сказал я.

- Само собой, мальчик, само собой.

- А вы уверены, что сейчас подходящее время года для таких подарков? спросил я.

Мистер Беллоу расхохотался:

- Само собой разумеется. Само собой разумеется.

Я распрощался с мистером Беллоу и в тот же вечер пошел сыграть последнюю игру с полковником. Когда мы кончили - на этот раз я дал ему выиграть, - он проводил меня до дверей.

- Признаться, одиноко будет без вас, мой мальчик. Очень одиноко. Но все же не исчезайте с горизонта, ладно? Поддерживайте связь. Тут вот... м-м-мм... маленький сувенир для вас.

Он протянул мне тонкий серебряный портсигар. На нем была надпись: "С любовью от Марджори". Меня это немного смутило.

- О, не обращайтесь внимания на надпись, - сказал он. - Ее можно убрать... Подарок от одной знакомой - много лет назад. Я решил, вам понравится. Возьмите на память, а?

- Вы очень, очень добры, сэр.

- Пустяки, пустяки, - сказал он, высморкался, потом тщательно протер свой монокль и наконец протянул мне руку. - Ну, желаю удачи, мой мальчик. Надеюсь, что мы еще увидимся.

Увидеться нам больше не пришлось. Вскоре после этого его не стало.

Повышение по службе

Мамфе никак не назовешь курортным местечком: он расположен на холме над излучиной широкой мутной реки и окружен почти непроходимыми тропическими лесами. Круглый год там жарко и сыро, как в турецкой бане, и только в сезон дождей для разнообразия еще сырее и жарче. В то время в Мамфе жили пятеро белых мужчин, одна белая женщина и тысяч десять горластых африканцев. На меня, как видно, нашло временное затмение, и я, решив устроить именно там штаб-квартиру своей экспедиции, обитал в просторной палатке, набитой самым разнокалиберным зверьем, на берегу реки кофейного цвета, кишевшей гиппопотамами. В процессе собирания животных я, конечно, перезнакомился со всеми белыми обитателями Мамфе и почти со всеми африканцами. Африканцы были моими охотниками, проводниками и носильщиками: углубляясь в здешний лес, словно ныряешь обратно во времена Стенли и Ливингстона, и все экспедиционное снаряжение путешествует на головах неутомимых носильщиков, гуськом спешащих по тропе.

Отлов диких зверей - это работа без выходных и праздников, и времени на поддержание светских отношений не остается. Но как ни странно, именно здесь мне пришлось принять посильное участие в официальном приеме высокого гостя.

В одно прекрасное утро я занимался неблагоприятным делом: кормил молоком пятерых крохотных бельчат, которым, судя по всему, вовсе не хотелось жить. В те времена еще не изобрели маленьких пузырьков с крохотными сосками, годных для выкармливания беличьих сосунков, и мне приходилось наматывать на спичку кусочек ваты, окунать его в молочную смесь и всовывать им в рот вместо соски. Дело было долгое и нудное: если молока наберется слишком много, они могут захлебнуться, а всовывать такую самодельную соску надо было обязательно сбоку, чтобы вата не зацепилась за острые резцы, а то бестолковые бельчата ее непременно проглотят и погибнут от закупорки кишечника.

В десять утра уже стояла ужасная жара, и мне приходилось то и дело вытирать потные руки полотенцем, чтобы бельчата не промокли и не схватили простуду. Ясно, что я был порядком раздражен, пытаюсь столь изнурительным способом подкормить своих подопечных, проявлявших полнейшее безразличие к жизни, а тут еще мой слуга Пий внезапно вырос рядом со мной, бесшумно и необъяснимо, словно из-под земли, как свойственно африканцам, и в этом было что-то пугающее.

- Виноват, са-ар, - сказал он.

- Чего тебе? - недовольно огрызнулся я, осторожно запихивая пропитанную молоком ватку в ротик бельчонка.

- Н.Р. прибыл, сар, - ответил Пий.

- Начальник района? - переспросил я, не веря своим ушам. - Какого еще черта ему тут надо?

- Они не говори, сар, - невозмутимо ответил Пий. - Я иди открывай пиво?

- Пожалуй, делать нечего, - сказал я.

Мартин Бьюглер, районный начальник, уже показался на гребне холма. Я сунул бельчат в ящичек, набитый сухими банановыми листьями, который

служил им гнездом, и вышел из-под навеса навстречу гостю.

Мартин был долговязый, нескладный молодой человек с круглыми темно-кариыми глазами, встрепанной черной шевелюрой, вздернутым носом и широкой, необыкновенно подкупающей улыбкой. Руки и ноги у него были такие длинные и он так энергично жестикулировал во время разговора, что приходилось опасаться, как бы он что-нибудь не сшиб или сам не ушибся. И тем не менее он был отличным начальником районного управления, горячо любил свою работу и, что еще важнее, так же горячо любил африканцев, а они платили ему взаимностью.

Меня очень удивило появление Мартина в столь неурочный час: обычно с утра он был по горло завален служебными делами. А он уже торопливо спускался с холма, размахивая руками, как ветряная мельница, и крича что-то на бегу. Я терпеливо ждал, пока он не влетел ко мне под тень навеса.

- Сами видите! - воскликнул он, вскидывая в отчаянии руки к небесам. Без вас я пропал!

Я подтолкнул к нему поближе складной стул и ласково усадил его.

- Перестаньте размахивать руками, как спятивший богомол! - сказал я. За молчите на минутку, расслабьтесь, успокойтесь.

Он затих и принялся вытирать лоб промокшим насквозь носовым платком.

- Пий! - крикнул я.

- Сар? - отозвался Пий из кухни.

- Будь добр, принеси пива нам с начальником.

- Слушаюсь, сар!

Пиво было тошнотворное, и холодным его назвать было нельзя - в нашем примитивном хозяйстве единственным доступным холодильником были ведра с водой, а она сама была тепловатой. В таком климате, когда обливаешься потом круглые сутки, даже сидя без движения, пить приходится очень много, и днем лучше пива ничего не придумаешь.

Пий торжественно разлил пиво по стаканам; Мартин схватил свой стакан трясущейся рукой и отпил два громадных глотка, едва не поперхнувшись.

- Вот и хорошо, - сказал я вкрадчивым тоном профессионального психиатра, - а теперь, если не трудно, медленно и внятно повторите, что вы там орали, спускаясь с холма. Кстати, в такую жару бегать сломя голову очень вредно: а) это опасно для здоровья и б) это может подорвать ваш авторитет. Я уж было подумал, что у вас в Мамфе вспыхнул ужасный бунт и за вами гонятся орды африканцев с копьями и мушкетами.

Мартин вытер потное лицо и сделал еще один громадный судорожный глоток.

- Это хуже бунта, - простонал он. - Куда хуже!

- Ничего, - сказал я. - Вы только как можно тише и спокойнее расскажите мне, в чем дело.

- Окружной инспектор, - начал Мартин.

- А что он сделал? - спросил я. - Выгнал вас, что ли?

- Вот-вот, - сказал Мартин. - Выгонит, и запросто. Потому я и прошу вас помочь.

- Но я-то тут причем? Не понимаю, как я могу вам помочь? Ни с самим окружным инспектором, ни с его родственниками я не знаком, так что замол-

вить за вас словечко не смогу. Признавайтесь, какое гнусное преступление вы совершили?

- Мне кажется, лучше начать сначала, - сказал Мартин.

- Валяйте - выходите на старт по всем правилам, - поддержал его я.

Он снова вытер лицо, отпил еще один глоток для храбрости и подозрительно огляделся - не подслушивает ли кто-нибудь.

- Вот в чем дело, - сказал он. - Может, вы и не заметили, но со своей работой я справляюсь неплохо, но как только дойдет до приемов и развлечений, так я непременно попадаю впросак. Не успели меня назначить на должность районного начальника - это было в Умфале, - как окружной инспектор, черт бы его побрал, нагрянул с ревизией! Все шло как по маслу. Район у меня был в образцовом порядке, и инспектор как будто остался мною доволен. Он собирался только переночевать и ехать дальше, так что к вечеру я уже решил, что на этот раз все сошло благополучно. Но как назло, у меня в доме испортилась уборная, я не успел ее починить и велел сделать очень уютный камышовый шалашик поодаль от веранды, за кустами гибиска. Знаете, там такая яма, а над ней доски крест-накрест, чтобы можно было присесть. Ну, я извинился перед окружным инспектором, и он как будто все понял. Но я же не знал, что вся моя африканская прислуга сочтет, что это удобство возведено специально для них и уже за несколько дней до приезда окружного инспектора начнет им пользоваться. Перед тем как сесть за обеденный стол, инспектор решил прогуляться в том направлении и, полагая, что сортир предназначен для его личного пользования, был неприятно поражен тем, что его уже освоили, но все же пристроился на доске, а она возьми да и подломись. Теперь и я в свою очередь слегка забеспокоился.

- Господи! - пробормотал я, придя в себя. - Вы что, не проверили, выдерживают ли доски?

- То-то и оно, - вздохнул Мартин. - Я же говорил, что в таких делах никуда не гожусь.

- Да ваш гость мог умереть со страху! - сказал я. - Или утонуть, что еще хуже. Здешнюю уборную я хорошо знаю - и нырять туда я ни за что бы не согласился.

- Могу вас уверить, что инспектор тоже был не в восторге, - уныло сказал Мартин. - Конечно, он позвал на помощь, и мы его вытащили, но он стал похож... да... стал похож... на ходячую навозную кучу. Мы несколько часов отмывали его, отстирывали его платье и едва успели отгладить его одежду к утру, когда ему надо было уезжать. Могу вас заверить, милый друг, что обед у нас получился очень поздний и прошел он в ледяной обстановке, прямо в полярной стуже. И окружной инспектор почти ничего не ел.

- Неужели у него не хватило чувства юмора? - поинтересовался я.

- Какое там чувство юмора! У него вообще нет ни малейшего понятия о юморе, - возмущенно ответил Мартин. - Впрочем, я его не виню. Любой на его месте, угодив в яму с дерьмом, растерял бы остаток юмора - тут уж не до смеха!

- Пожалуй, вы правы, - заметил я. - Еще пивка?

- Вся беда в том, что я не в первый раз так опростоволосился. Пока я служил помощником районного начальника, со мной приключалось такое, что я вам даже рассказывать не хочу. Из-за этого я так долго и добирался от помощника

до районного начальника. А после этой жуткой истории с уборной меня загнали в Умчичи, а вы сами знаете, какая это дыра.

Умчичи действительно было гиблое место, этакий чертов остров, куда ссылали всех районных начальников и их помощников, не угодивших начальству и впавших в немилость. Оно кишело прокаженными, и комарья там было видимо-невидимо - больше, чем в какой-либо другой точке западного побережья Африки.

- Конечно, мне было очень интересно вас послушать, - сказал я, - только я никак не пойму, к чему вы все это рассказываете?

- Да я только об этом и кричал, спускаясь с холма, - объяснил Мартин. Он едет сюда, к нам, с ревизией! Он будет здесь через три дня, и без вашей помощи я погиб.

- Мартин, - сказал я. - При всей моей любви к вам я же не хозяйка светского салона.

- Что вы, старина, я понимаю, - ответил он. - Но вы уж помогите мне, а?

На этот вопль души нельзя было не откликнуться. Все белое население Мамфе и девяносто девять процентов африканцев нежно любили Мартина.

- Придется все хорошенько обдумать, - сказал я.

Мы сидели и молчали. Мартин обливался потом и то и дело вздрагивал.

Наконец я закричал:

- Пий, неси больше пива начальнику, пожалуйста!

Когда пиво было налито, я наклонился вперед и посмотрел на Мартина гипнотизирующим взглядом.

- Спасение только в одном, - возвестил я. - В наших рядах есть женщина.

- Женщина? - удивился Мартин. - Какая женщина?

- Жена вашего помощника, Мэри, если вы не забыли. Женщины просто созданы для таких дел. Еще у нас есть Макгрейд (это был инженер, руководивший всеми дорожными работами - починкой мостов, прокладкой дорог и прочими малоинтересными делами). У нас есть Гертон (сей представитель Объединенной африканской компании поставлял африканцам бумажные ткани, а белому населению - пиво и консервы). Все вместе мы непременно справимся с этой задачей.

- Дорогой мой! - с чувством воскликнул Мартин. - Я ваш неоплатный должник навеки. Какая блестящая идея!

- Для начала надо взглянуть на ваш дом, - сказал я.

- Голубчик, да вы же у меня сто раз бывали! - удивленно воскликнул Мартин. - Обедали не раз, а уж выпить заходили и того чаще.

- Верно, - сказал я. - Но я ни одной комнаты не видел, кроме парадной гостиной и веранды.

- А, я вас понял, - обрадовался Мартин. - Конечно, конечно. Давайте сейчас же пойдем и все посмотрим.

- Я беру с собой Пия, потому что собираюсь уступить его вам на вечер. Он куда сообразительнее вашего оболтуса и сумеет обслужить гостя, как в лучшем отеле. А ваш слуга, того и гляди, вывернет тарелку с супом на колени важному гостю.

- О, господи! - горестно возопил Мартин. - Лучше и не поминайте о таких ужасах.

И мы, прихватив с собой Пия, отправились в дом районного начальника,

расположенный на высокой скале над рекой. Это был прекрасный дом с толстыми стенами и просторными комнатами, построенный еще в те времена, когда Камерун был колонией (протекторатом) Германии. Немцы умели строить дома в жарком климате, и даже самый слабый ветерок продувал комнаты, а массивные стены хранили прохладу, насколько это вообще возможно в таком месте, как Мамфе. Взбираясь вверх по склону, я объяснил Пию, в чем заключается наша задача.

- Дело это очень важное, понимаешь? И мы все должны по мере сил помочь нашему районному начальнику.

- Да, сар, - отвечал Пий, расплываясь в широченной улыбке. Он давно чувствовал себя немного ущемленным, считая, что я слишком много времени трачу на возню со своими зверюшками и никак не даю ему проявить во всем блеске его организаторский талант.

Войдя в дом, я дотошно осмотрел гостиную и веранду. Комнаты были большие, вполне прилично обставленные, насколько этого можно требовать от начальника района в джунглях Африки, и к тому же холостяка.

- Надо бы снять со стенки вон тот календарь, - сказал я Мартину. - Для почина.

- А в чем дело? - удивился Мартин. - По-моему, она настоящая красавица.

- Мартин, - сказал ему я, - если окружной инспектор увидит, что у вас вся гостиная увешана изображениями голых девиц, он может о вас бог знает что подумать. Так что придется снять.

Пий, внимательно следивший за нашим разговором, снял со стенки календарь с девицей в столь соблазнительной позе, что, машинально отметив ее несомненную принадлежность к млекопитающим, даже я и то чуть не смутился.

- А теперь покажите, где его спальня, - сказал я.

Спальня тоже была обширная, с двуспальной кроватью под пологом от москитов.

- Пий, - приказал я, - иди проверь кровать, чтобы не сломалась.

Весело посмеиваясь, Пий пополз вокруг кровати на карачках, проверяя каждый винтик, каждую гаечку.

- А ну-ка, попрыгаем вдвоем на матрасе! - скомандовал я Мартину.

Мы попрыгали - кровать выдержала.

- Ладно, тут, похоже, все в порядке, - сказал я. - Тут ему ничто не грозит. Кстати, а где вы собираетесь его кормить?

- Кормить? - удивленно переспросил Мартин.

- Ну да, кормить, - ответил я немного резко. - Вы что, не хотите кормить гостя? Где вы его будете кормить?

- Пожалуй, на веранде, - помявшись, ответил Мартин.

- Что, больше нигде? - спросил я.

- Нет, есть еще столовая.

- А раз есть столовая, то будьте любезны ею пользоваться! Вы же хотите принять его как можно лучше, так? Показывайте, где тут у вас столовая.

Мартин провел меня в гостиную, распахнул массивные двустворчатые двери, и мы вошли в прекрасную столовую с громадным обеденным столом, за который можно было посадить не меньше десяти человек. Стол был дорогой, полированный, но, так как Мартин никогда этой столовой не пользовался, на

столешнице и на красивых тяжелых деревянных стульях лежал толстый слой пыли. Над столом, во всю его восьмифутовую длину, простиралась свисающая с потолка "панка", как называют в Индии громадное опахало - собственно говоря, это нечто вроде гигантского веера. Основой этого устройства служил стволик бамбука толщиной четыре-пять дюймов, а с него свисала длинная, фута в четыре, бахрома из сухих пальмовых листьев. Шнур, закрепленный по середине опахала, пробежал по потолку через серию блоков и был выведен через отверстие в стене на кухню. Чтобы привести в действие это хитроумное приспособление, не хватало только шустрого мальчишки, который бы время от времени дергал за конец шнура так, чтобы веер качался над столом и обвеивал обедающих тепловатым ветерком.

- Да это же полный блеск! - сказал я Мартину. - Гость будет в восторге.

- Возможно, - сказал Мартин. - Я об этом никогда не думал. Я-то этой дурацкой штукой никогда не пользуюсь. Видите ли, уж очень грустно и неуютно сидеть тут в одиночестве.

- Жениться вам надо, мой мальчик, - сказал я отеческим тоном.

- Да я же стараюсь как могу, - сказал Мартин. - Каждый отпуск знакомлюсь с какой-нибудь девушкой. Но стоит им узнать, где я живу, они тут же мне отказывают. Я даже нашел чудесную девушку - ее звали Молли, мы познакомились во время моего последнего отпуска, - но, как назло, ее дядька побывал когда-то в Мамфе, и старый дурак, черт бы его побрал, так расписал ей это гиблое местечко, что все у нас разладилось.

- Не сдавайтесь! - сказал я. - Будьте настойчивы. Если уж она окажется такой простушкой, что пойдет за вас замуж, то уж сюда вы ее запросто привезете.

Пий вместе с нами произвел строжайшую проверку громадного стола и всех стульев на прочность. Мы с Мартином плюхались с размаху на каждый стул, а на столе даже станцевали бурное танго, но он остался устойчив и непоколебим, как скала.

- Так вот, - сказал я. - Я хотел бы поручить Пию распоряжаться всеми вашими слугами, потому что все они никуда не годятся, а он свое дело знает.

- Согласен на все, что вам угодно, дорогой друг, на все что угодно только скажите! - воскликнул Мартин.

- Пий! - позвал я.

- Сар! - отозвался он.

- На подготовку у нас осталось три дня. Все эти дни ты будешь наполовину мой, а наполовину - слуга районного начальника. Понимаешь?

- Я все понимаю, сар, - сказал Пий.

Мы вышли на веранду и уселись в кресла.

- А теперь, - сказал я Пию, - иди скажи слуге районного начальника, чтобы нес пиво. Кстати, Мартин, как зовут вашего слугу?

- Амос, - был ответ.

- Подходящее имечко - он и вправду смахивает на библейского Амоса. Ну, Пий, ступай скажи Амосу, чтобы нес пиво, а потом зови сюда повара, кухонного слугу и мальчонку, мы с ними потолкуем.

- Есть, сар, - почти по-военному отчеканил Пий и строевым шагом протопал на кухню.

- Я думаю, что составление меню можно со спокойной душой поручить Мэ-

ри, - сказал я. - Но остальные тоже могут что-нибудь придумать. Предлагаю сегодня же вечером созвать военный совет. Пошлите их пригласить, соберемся вечерком, все обсудим.

- Вы мой спаситель, честное слово, - растроганно промолвил Мартин.

- Ерунда, - сказал я. - Я помогаю вам сориентироваться в обстановке, вот и все. Хотя, честно признаться, для светской жизни вы не созданы.

Явился Пий, неся пиво на подносе, а за ним - Амос, в своей коричневой жилетке и шортах слегка смахивавший на славную, но замученную цирковую обезьянку; далее - мальчонка, на редкость смышленный, но совершенно неотесанный, и если его учителем по-прежнему будет Амос, он ничему в жизни так и не научится, а следом за ними, к моему удивлению, шествовал гигант из народа хауса, длиннющий и худой, как жердь, - на вид ему было лет сто десять, не меньше - облаченный в белую куртку и высоченный поварской колпак, на котором неровными стежками были вышиты буквы "П" и "Б".

- Слушайте! - сказал я самым строгим тоном. - К нашему районному начальнику через три дня прибудет окружной инспектор. Наш начальник приказал моему слуге смотреть за вами, чтобы был полный порядок. Если не будет полный порядок, инспектор сильно рассердится на нашего начальника, а мы с начальником так сильно рассердимся, что душу из вас вытряхнем.

Несмотря на мою напускную суровость, все они превесело ухмылялись. Они знали, какого важного гостя мы ждем, и понимали, что мои угрозы вполне реальны. Но я для доходчивости облек их в форму шутки.

- Да, сар, - сказали они, вытягиваясь по стойке "смирно".

- А тебя как звать? - спросил я мальчонку.

- Иоанн, сар, - ответил он.

Мартин с виноватым видом вмешался в мою переключку:

- Повара... видите ли... Повара окрестили Иисусом.

- Ну, милый мой, вам просто повезло! - сказал я. - С таким набором святых угольников мы нипочем не собьемся с пути праведного. Кстати, что это вышито на колпаке у повара?

Мартин ужасно смутился:

- Понимаете ли, он как-то совершенно случайно приготовил вкусный обед, а у меня как раз лежал лондонский журнал с фотографией знаменитого шеф-повара из лондонского отеля. Для поощрения я ему сказал, что привезу из Лондона точно такую же шапку, какую носят только самые лучшие повара.

- Очень мило с вашей стороны, - сказал я. - А буквы-то что значат?

Мартину явно стало стыдно до слез.

- Он заставил свою жену вышить эти буквы и страшно гордится этим отличием.

- Но что они значат? - добивался я.

Мартин смутился еще больше.

- Просто "повар Бьюглера", - сказал он.

- Всего-то? Знаете, зваться Иисусом и носить какие-то загадочные буквы на колпаке - это может вызвать нежелательные кривотолки. Сам-то он об этом не задумывался?

- Что вы, я даже не пытался ему объяснять, - воскликнул Мартин. - Как бы это вовсе не сбило его с толку, а он и без того довольно бестолковый.

Я отхлебнул большой глоток тепловатого пива. Наш разговор принимал

слишком богословский характер - можно было подумать, что к нам едет не окружной инспектор, а сам папа римский.

- Слушай, Пий, иди и неси масло для мебели, понимаешь?

- Я понимаю, сар, - отвечал Пий.

- И смотри, пусть хорошенько уберут столовую, начисти до блеска всю мебель - и стол, и стулья, а то я из тебя душу вытряхну.

- Есть, сар, - сказал он.

- А за один день до приезда окружного инспектора пусть вымоют все полы и отполируют остальную мебель - ясно?

- Да, сар, - ответил Пий.

Лицо у него так и светилось гордостью в предвкушении приема, на котором он будет не только распоряжаться, но и командовать своими соотечественниками.

- Все! - сказал я, словно был полным хозяином в доме Мартина.

Слуги всем скопом вышли в кухню.

- Ну, знаете, - с восхищением сказал Мартин. - Все идет как по писаному! Наверно, у вас большой опыт в таких делах, да?

- Никогда этим не занимался, - сказал я. - Но тут не требуется особой изобретательности.

- Боюсь, что как раз этого мне и не хватает, - вздохнул Мартин.

- Не скажите! Если у человека хватило ума привезти поварской колпак своему повару, он не может быть начисто лишен воображения.

Я попробовал обдумать, какие еще катаклизмы и катастрофы могут нам угрожать.

- Уборная в порядке? - придиричливо спросил я.

- В полном порядке!

- Что ж, только ради всего святого проследите, чтобы мальчонка не кинул туда плод папайи, - сказал я. - Повторение той истории, которую вы мне поведали, нам совершенно ни к чему. Значит, вы всем разошлете приглашения, а я приду сюда часам к шести, соберем военный совет.

- Чудно! - сказал Мартин, слегка обнимая меня за плечи. - Просто не знаю, что бы я делал без вас. Даже Стендиш не сумел бы так блестяще всем распорядиться.

Стендиш работал в Мамфе помощником районного начальника и в те дни бродил по северным нагорьям, производя обход самых отдаленных деревушек.

Я побежал обратно под свой навес, где уже надрывалось от крика мое многоголосое семейство. Занимаясь делами Мартина, я опоздал с кормежкой, поэтому младенцы шимпанзе вопили во весь голос, дикобразы яростно грызли прутья клеток, а лемуры смотрели на меня возмущенно громадными, как плоски, глазами, не обнаружив в своих клетках после дневного сна мисочек с мелко нарубленными фруктами.

В шесть часов я явился в резиденцию начальника и увидел, что Мэри Стендиш - жена помощника Мартина - пришла раньше меня. Это была прелестная молодая женщина, немного склонная к полноте и удивительно спокойная по натуре. Стендиш оторвал ее от привычной жизни в каком-то провинциальном городке и бросил в Мамфе, как кутенка в воду. Она жила здесь уже полгода, но характер у нее был настолько безмятежный и милый и относилась она

ко всему с таким мягким и непоколебимым добродушием, что мне казалось - даже если у человека голова раскалывается от боли, стоит ей только положить ему на лоб свою маленькую мягкую ручку, как боль моментально пройдет, как от прохладного, душистого компресса.

- Джерри! - пропела она. - Ужасно увлекательно, правда?

- Вам-то, может, и увлекательно, а вот Мартину, бедняге, все это как нож острый, можете мне поверить.

- Но ведь к нам едет окружной инспектор! - сказала она. - Может быть, Мартин получит повышение по службе, а может быть, и мой Алек тоже...

- Если все сойдет как надо, - заметил я. - Я для того вас и созвал на военный совет, чтобы все обошлось без происшествий. Вы же знаете, на бедного Мартина вечно все шишки валятся. Как бы чего не вышло... как в прошлый раз...

Мартин, вообразив, что я сейчас начну рассказывать ту страшную историю с купаньем окружного инспектора в выгребной яме, в ужасе замахал руками, как ветряная мельница, и, конечно, одним махом сшиб на пол свой стакан с пивом.

- Виноват, сар, - сказал Амос.

У жителей Камеруна есть трогательная привычка всегда говорить "Виноват, сар", какая бы неприятность с вами ни стряслась, как будто это целиком их вина. Если вы, скажем, пробираясь следом за цепочкой носильщиков по лесной тропе, зацепились за корень и ободрали колено, вы услышите, как громкое "Виноват, сар!", "Виноват, сар!", "Виноват, сар!", "Виноват, сар!" эхом проносится по всей цепочке носильщиков, постепенно затихая вдали.

- Понимаете, о чем я говорю? - сказал я Мэри, дождавшись, пока Амос убрал осколки и принес Мартину новый стакан с пивом.

- Да, теперь понимаю, - ответила она.

- Но об этом мы больше говорить не будем, - сказал я. - Подождем, пока подойдут остальные. Мы молчали и слушали рев, фыркание и сопение гиппопотамов в реке, футов на триста ниже веранды, где мы сидели.

Наконец появился Макгрейд. Это был очень импозантный ирландец, огромного роста, огненно-рыжие волосы его полыхали, глаза ярко-синие, а говорил он с обаятельным ирландским акцентом, будто густые сливки льются из глиняного кувшинчика. Он плюхнулся в кресло, взял из-под носа у Мартина стакан пива, одним духом осушил почти весь стакан и спросил:

- Вам выпала честь - визит королевской особы? А?

- Почти что, - ответил Мартин. - И будьте добры, отдайте обратно мое пиво. Оно мне самому крайне необходимо.

- Он прибывает по большой дороге? - с беспокойством осведомился Макгрейд.

- По-моему, да, - ответил Мартин. - А в чем дело?

- Старый мост уж больно ненадежен, - сказал Макгрейд. - Как бы не пришлось нам его хоронить, если он сунется на этот мост.

Мост, о котором шла речь, - подвесная железная конструкция - был перекинут через реку еще в начале нашего века. Я сам неоднократно им пользовался и знал, что он еле держится, но это был единственный путь в глубину леса, поэтому я просто приказывал своим носильщикам перебираться на противоположную сторону поодиночке. Кстати, предсказание Макгрейда сбылось: горных жителей с мешками риса на головах - они двинулись по мосту всем ско-

пом - мост, разумеется, не выдержал, и все они посыпались вниз, в ущелье, с высоты не меньше ста футов. Но африканцев можно сравнить с древними греками. Подобные напасти они принимают как нечто само собой разумеющееся, и поэтому ни один из них не пострадал, а больше всего они досадовали на то, что погибли все мешки с рисом.

- Но ему-то зачем идти через мост? - спросил обеспокоенный Мартин, тревожно заглядывая всем нам в глаза. - Разве что он пойдет с караваном носильщиков?

Макгрейд наклонился и с серьезным видом погладил Мартина по голове.

- Да пошутил я, пошутил, - сказал он. - Все дороги и мосты, по которым он проедет, в отменном состоянии. Хотите, чтобы работа была сделана на славу, - зовите ирландца!

- В нашей компании не доставало только католика, - сказал я. - Мало нам Пия и Иисуса.

- А вы, - обратился ко мне Макгрейд, нежно глядя на меня и ероша свою огненную шевелюру, - вы просто нечестивый язычник, дикий ловец бедных, незащитных зверюшек!

- А вы торчите всю жизнь в исповедальнях, вместо того чтобы чинить здешние чертовы мосты и адские дороги!

В эту минуту вошел Робин Гертон. Это был невысокий смуглый человек с орлиным носом и большими карими глазами, всегда подернутыми мечтательной дымкой, отчего собеседнику казалось, что он витает где-то в облаках и вообще не от мира сего. Но на самом деле он был, как и прочие служащие Объединенной африканской компании, на редкость практичным человеком. Как правило, ни одного слова он не говорил без крайней необходимости и сидел, словно в трансе. Но совершенно неожиданно тихим голосом с едва заметным шотландским акцентом он в нескольких словах настолько исчерпывающе и умно подводил итог любому разговору, что сразу же кончались все споры, длившиеся битый час, а то и полтора.

Робин элегантно раскинулся в кресле, поблагодарил за поданное пиво и обвел глазами всех нас.

- Правда, ужасно интересно? - захлебываясь от восторга, прошептала Мэри.

Робин глотнул пива и сумрачно кивнул головой.

- Насколько я понимаю, нас созвали сюда, чтобы мы, как это у нас заведено, сделали всю работу за Мартина, - произнес он.

- Замолчите, как не стыдно! - возмущенно воскликнула Мэри.

- Если вы так настроены, то могли бы не приходиться, - сказал Мартин. - Я предпочитаю, чтобы вы ушли.

- А мы и уйдем, когда выпьем все ваше пиво, - вставил Макгрейд.

- Почему это вы решили, что делаете всю работу за меня? - спросил Мартин.

- Потому что я приношу гораздо больше пользы народу, продавая бобовые консервы и километры веселенького ситца в горошек, чем вы: носитесь по району, как угорелый, творя суд и расправу, вешаете несчастных жителей пачками за то, что они убили свою бабушку, которая, между прочим, судя по всему, того стоила.

- Я ни одного человека еще не повесил! - возопил Мартин.

- Не верю своим ушам, - отпарировал Робин. - Вы так всех распустили, что

меня несколько бы не удивило, если бы тут еженедельно кого-нибудь вздергивали.

Послушав их разговор, можно было подумать, что они - злейшие враги, а на самом деле они были неразлучными друзьями. В такой тесной компании европейцев приходилось приспособливаться к своим соплеменникам и устанавливать какое-то взаимопонимание. И дело вовсе не в расовых предрассудках. Просто в те времена многие исключительно интеллигентные африканцы, жившие в Мамфе или приезжавшие туда, сознательно избегали тесного общения с белыми, потому что со свойственной им необыкновенной чуткостью не могли не почувствовать, что это грозит натянутостью и неловкостью для обеих сторон.

Я понял, что пора немедленно призвать всех собравшихся к порядку, и схватив пивную бутылку, громко стукнул ею по столу. Из кухни откликнулся хор голосов: "Виноват, сар!", "Иду, сар!"

- Первый разумный поступок за все время, что я здесь сижу, - заметил Робин.

Появился Пий с новым запасом живительной влаги на подносе, и, когда наши стаканы были снова наполнены, я возвестил:

- Призываю всех присутствующих к порядку!

- Батюшки, - кротко сказал Робин. - Настоящий диктатор!

- Дело в том, - прервал его я, - что все мы знаем Мартина - он отличный малый, но абсолютно никудышный начальник района, а о светских талантах уж и говорить не приходится, что гораздо хуже.

- Послушайте! - жалобно сказал Мартин.

- По-моему, оценка справедливая, - ввернул Робин.

- А по-моему, вы все просто жестоко обижаете Мартина, - сказала Мэри. Я считаю, что он замечательный районный начальник.

- Как бы то ни было, - заторопился я, - обсуждать этот вопрос мы не будем. Мы созвали военный совет для того, чтобы в то время, когда Мартин будет наводить порядок в своих владениях, остальные взяли на себя организацию светской стороны дела, чтобы все прошло без сучка, без задоринки. Для начала я осмотрел дом и назначил Пия главнокомандующим над всей прислугой Мартина.

- Временами у вас бывают проблески гениальности, - сказал Макгрейд, - и я отношу это за счет той капли ирландской крови, которая течет в ваших жилах. Слуга у вас отличный, позавидовать можно.

- Ну и завидуйте себе на здоровье, - сказал я. - Переманить его вам все равно не удастся. Он слишком ценный человек. А теперь давайте обсудим меню. Думаю, в этом нам поможет Мэри.

Мэри зарделась, как розовый бутон.

- Ой, с удовольствием! - сказала она. - Сделаю все, что смогу. А что вы придумали?

- Мартин, - обратился я к районному начальнику. - Кажется, инспектор приезжает только на один день, так что надо придумать три трапезы. Кстати, в котором часу он будет здесь?

- По-моему, его надо ждать часам к семи-восьми, - сказал Мартин.

- Отлично! Чем будем его кормить, Мэри?

- Сейчас авокадо как раз изумительно вкусно, - сказала Мэри. - Если его на-

фаршировать креветками и залить майонезом - у меня есть дивный рецепт...

- Мэри, милая, - вмешался Робин, - у меня нет на складе консервированных креветок, а если вы надеетесь, что я буду два оставшихся дня бродить по реке с сетью для ловли креветок под самым носом у свирепых гиппопотамов, то с этой надеждой вам придется распрощаться.

- Ладно, давайте пока остановимся на авокадо, - сказал я. - А что он предпочитает - чай или кофе?

- Понятия не имею, - сказал Мартин. - Видите ли, в последний раз нам с ним как-то не удалось сблизиться, и я не успел выяснить его вкусы.

- Что ж, тогда запаситесь и чаем, и кофе.

- А потом, - радостно сказала Мэри, - что-нибудь совсем простенькое, например омлетик.

Мартин старательно сделал запись в своем блокноте.

- Пожалуй, для начала с него хватит, - сказал я. - Наверно, вам придется показать ему район и так далее?

- Да, - сказал Мартин. - Но тут все в полном порядке.

Мы одновременно наклонились и пристально взглянули ему в лицо.

- А вы в этом уверены? - спросил я.

- Да, конечно! - сказал Мартин. - Честное слово, я все организовал, что касается работы. Если бы не эти проклятые светские развлечения...

- Ну, а если он захочет проехаться куда-нибудь в глушь? - спросил я.

- Можете не сомневаться. Он всегда любит совать нос во все дыры, сказал Мартин.

- Так вот, я предлагаю устроить пикник на свежем воздухе. Вместо ленча. В конце концов на свежем воздухе никто не надеется получить изысканные блюда, как в отеле "Риц".

- А так как у нас, в этом богом забытом местечке, вся жизнь - сплошной пикник, - заметил Робин, - и завтраки, и ленчи, и обеды, то, я думаю, это ему будет не в новинку.

- Я сама приготовлю ленч для пикника, - сказала Мэри. - Достану заднюю часть козленка, подадим холодным. Кажется, я могу еще пожертвовать два пучка салата. Наш славный мальчуган по рассеянности четыре дня его не поливал, так что салат почти весь засох, но два пучка еще вполне сгодятся. - Мартин и это аккуратно занес в свой блокнот.

- А что же мы ему подадим на десерт? - озабоченно спросил он.

- Может, саур-саур? - предложил я. Это такой экзотический плод, похожий на помятую дыню с пупырышками, а мякоть у него сочная, белая, если ее взбить, она восхитительно пахнет лимоном и очень освежает.

- Чудесно! - воскликнула Мэри. - Какая прекрасная мысль!

- Итак, на завтрак и ленч меню у нас готово, - сказал я. - Осталось самое важное - обед. Кстати, я обнаружил, что у Мартина очень элегантная столовая.

- У Мартина есть столовая? - переспросил Макгрейд.

- Да, - сказал я. - И притом поразительно элегантная.

- Тогда почему же, - спросил Макгрейд, - в тех редких случаях, когда этот скупердьяй зовет нас в гости, мы вынуждены есть на веранде, как кучка бродячих цыган?

- Сейчас нам не до ваших "почему" да "отчего", - сказал я. - Пошли, увидите своими глазами.

Мы все торжественно проследовали в столовую и осмотрели ее. Меня обрадовало, что Пий - хотя времени у него было в обрез - уже заставил слуг отполировать стол и стулья до ослепительного блеска. Наклонившись над столом, можно было увидеть свое отражение, как в зеркальной поверхности чистой темной воды.

- Ой, какая прелесть! - сказала Мэри. - Мартин, вы никогда не говорили нам, что у вас такая очаровательная столовая.

- Во всяком случае стол отличный, - сказал Макгрейд, так бухнув по нему увесистым кулачищем, что я испугался, как бы стол не раскололся пополам.

- Здесь можно сервировать роскошный обед! - сказала Мэри. - Обстановка просто потрясающая. Ах, если бы у нас еще были канделябры!

Не успел я раскрыть рот, чтобы попросить Мэри не осложнять подготовку, как Робин сказал:

- Четыре штуки у меня есть.

От изумления мы открыли рты.

- Конечно, они не серебряные и вообще не шикарные, - продолжал он. Медные, но работа хорошая - я их купил в Кено. Если их немного почистить, они, по-моему, будут выглядеть совсем неплохо.

У Мэри загорелись глаза:

- Обед при свечах! Против этого он не устоит!

- Если честному ирландцу удастся вставить словцо в эту языческую трепотню, - вставил Макгрейд, - я бы задал всего один вопрос.

Мы выжидательно смотрели на него.

- Где мы возьмем свечи?

- Ой, я об этом даже не подумала, - всполошилась Мэри. - И правда, зачем нам подсвечники без свечей!

- Не понимаю, почему некоторые люди систематически недооценивают мои умственные способности, - сказал Робин. - Я купил канделябры, потому что они мне понравились, и я собирался ими пользоваться. Жилище, которое я здесь занимаю, не совсем подходит для такой средневековой роскоши, и тем не менее я закупил и привез с собой порядочный запас свечей, которые преспокойно лежат себе в кладовой и тают от здешней жары. Если они еще не сплывались в сплошную массу, мы сумеем вытащить из этого комка одну-две целых свечки. Но уж это я беру на себя.

Однако мы-то знали Робина и не сомневались, что никакого жуткого сплава из свечей там не окажется: я мог поспорить на что угодно, что он их перебирал раза по четыре на дню.

- А теперь насчет цветов, - обратился я к Мэри. - Вы сумеете украсить столовую цветами?

- Украсить цветами? - испуганно повторил Мартин.

- Само собой, - сказал я. - Несколько бегоний подвесить в подходящих местах - и все сразу заиграет.

- С цветами сейчас будет трудно, - задумчиво сказала Мэри. - Не то время года. Хотя гибиск, конечно, всегда есть...

- Пресвятая дева Мария, - сказал Макгрейд. - Этот проклятый гибиск круглый год мозолит глаза. Какое же это украшение? Это все равно, что взять да и притащить в дом все сорняки из джунглей.

- Знаете что, - сказал я. - У меня есть знакомый охотник, он лазит по дере-

вьям, как кошка, и недавно он принес мне вместе со всякой живностью довольно оригинальную орхидею - сорвал где-то на верхушке дерева. Попрошу-ка его сходить в лес и принести орхидей и других цветов, если попадутся. Тогда, милая моя Мэри, вы и займетесь украшением помещения.

- Ах, я обожаю цветы! - сказала Мэри. - И особенно орхидеи - это такая красота!

Мартин лихорадочно строчил в свой блокнот.

- Ну как? - спросил я его. - Что мы уже обдумали и решили?

- Посмотрим, - сказал он. - Кровати и остальную мебель мы проверили, старшего над прислугой назначили, меню завтрака обсудили. Мэри взяла на себя организацию ленча на свежем воздухе и украшение дома цветами. Вот пока и все.

- Осталась выпивка, - сказал я.

- Не стоит беспокоиться, - заметил Робин. - Как единственный владелец всех спиртных припасов, я знаю, что Мартин - законченный пропойца, и могу вам доложить с точностью до одной бутылки, сколько у него в записке.

Он с подчеркнутым вниманием заглянул в свой опустевший стакан и добавил:

- Скупость, по правде говоря, не вызывает во мне ни малейшей симпатии.

- Да перестаньте вы, ради бога! - сказал Мартин. - Хотите еще выпить кликините Амоса.

- Тише, дети, - вмешался я. - Пойдемте-ка на веранду и обсудим самое главное мероприятие, если удастся перекричать брачные гимны гиппопотамов.

Мы вернулись на веранду, наполнили стаканы и немного посидели молча, вслушиваясь в чудесные звуки позднего африканского вечера. Сверкая изумрудами, над нами проносились жуки-светляки, цикады и сверчки разыгрывали сложнейшие фуги Баха, дополняемые время от времени басовитым рыком, урчанием или храпом гиппопотамов в устье каньона.

- Если я правильно понял ваши дикарские языческие души, - сказал Макгрейд, осушая свой стакан и ставя его на стол в ожидании, что кто-нибудь его снова наполнит, - то вы считаете самым важным мероприятием поздний обед.

- Да, - в один голос откликнулись мы с Мартином.

В таких забытых богом уголках, как Мамфе, торжественный прием важного гостя означал, что все белые обитатели автоматически приглашаются к обеду.

- Я как раз подумал, что тут Мэри и карты в руки, - ввернул я.

- О да! - ответила Мэри. - Тут-то я смогу немного помочь. Как вы считаете, обед будет из четырех или из пяти блюд?

- Пресвятая дева! - сказал Макгрейд. - Когда складом заведует этот скопидом, попробуйте у него выбить продуктов на пять блюд!

- Оставляю без комментариев эти незаслуженные оскорбления, - парировал Робин. - Но должен сказать: река настолько обмелела, что катер сюда не прошел, и продуктов у меня, откровенно говоря, в обрез. Но если Макгрейд собирается почтить обед своим присутствием, предлагаю подать ему полную миску бататов - все ирландцы вскормлены картошкой, насколько я знаю.

- Вы что, намекаете на то, что я растолстел? - сказал Макгрейд.

- Скорее на то, что вы распоясались, - ответил Робин.

Я стукнул бутылкой по столу.

- Призываю собрание к порядку, - сказал я. - В данный момент мы не собираемся обсуждать чьи бы то ни было физические или моральные недостатки. Мы обсуждаем меню!

- По-моему, надо начать с закусок, - предложила Мэри. - Придумаем что-нибудь такое вкусненькое... соблазнительное, чтобы раздражить аппетит.

- Боже правый! - воскликнул Макгрейд. - Третий год, как я здесь, и никому не удалось меня раздражить или соблазнить, а уж об аппетите и говорить нечего!

- Но раз мы решили устроить полный парад с канделябрами и всем прочим, то сам обед должен этому соответствовать! - возразила Мэри.

- Любовь моя, - сказал Макгрейд, - я полностью с вами согласен. Но ведь продуктов нет в наличии, откуда вы возьмете обед из пяти блюд, если этот нерасторопный растяпа из Объединенной африканской компании допустил, чтобы его посуда села на мель, а в запасе у него вряд ли что-нибудь найдется, кроме пары банок бобовых консервов.

Я понял, что разговор принимает нежелательный оборот, и снова грохнул бутылкой по столу. Из кухни раздалось дружное "Иду, сар!", и на столе появился новый запас пива.

- Давайте ограничимся тремя блюдами, - предложил я. - И приготовим все как можно проще.

- Очень хорошо, на первое можно подать суфле, - сказала Мэри.

- Иисус не умеет готовить суфле, - возразил Мартин.

- Кто-кто? - удивленно переспросила Мэри.

- Иисус, мой повар, - пояснил Мартин.

- Не знал, что вашего повара зовут Иисусом, - удивился Макгрейд. Почему вы не сообщили всему миру, что он воскрес?

- Да уж, воскрес он в самом диковинном обличье, - сказал Робин. - В виде африканца из народа хауса, девяти футов и шести дюймов ростом, с глубокой ритуальной татуировкой на щеках, вид у него такой, что хоть сейчас обратно в гроб, а повар он никудышный.

- Я про это и говорю, - сказал Мартин. - Никакого суфле у нас не получится.

- О-о-о, - разочарованно протянула Мэри. - Я бы сама с удовольствием его приготовила, но мне кажется, что при инспекторе округа мне неприлично во- зиться на кухне.

- Ни в коем случае! - решительно сказал Мартин.

- А как насчет жаркого? - спросил Робин, испытующе глядя на меня.

- Конечно, я очень хочу выручить Мартина, но это не значит, что я дам резать на жаркое инспектору своих маленьких дукеров, - заявил я.

- А может, перебьется на тостиках с крутым яйцом? - спросил Макгрейд; он уже начал пятаю бутылку пива и явно не вникал в наш серьезный разговор.

- Мне все-таки кажется, что это недостаточно изысканно, - сказала Мэри. - Сами знаете, окружные инспектора любят, чтобы с ними носились, ублажали...

- Есть идея, - сказал я. - Вы ели когда-нибудь копченых дикобразов?

- Нет! - ответили все хором.

- Это просто объеденье, если хорошо приготовить, - сказал я. - Мне тут один охотник постоянно таскает дикобразов, надеется, что я их куплю. Но он ставит

на них эти жуткие стальные капканы, так что они почти всегда безнадежно искалечены. Я их покупаю, чтобы избавить от лишних мучений, и кормлю мясом своих хищников. Но время от времени я их посылаю одному знакомому старцу по имени Иосиф - нет, наше заседание явно начинает смахивать на церковный собор! - так вот, этот Иосиф их коптит на каких-то особых дровах и травах и ни за что не желает открыть мне рецепт. Зато мясо получается - пальчики оближешь!

- Ну и свинство! - возмутился Макгрейд. - До сих пор от всех скрывал!

- Да ведь дикобразов на всех не хватит, - ответил я. - Кстати, как раз сегодня мне принесли пару - конечно, опять искалеченных в капканах, так что пришлось их прикончить. Я собирался их скормить своим зверям, но раз уж возникла такая необходимость, я могу послать их к Иосифу, пусть прокоптит, и мы подадим их с горячими тостами, как мило говорит Мэри, чтобы раздражить аппетит.

- Я все больше убеждаюсь, что в вас течет настоящая ирландская кровь, сказал Макгрейд. - По-моему, это гениальная идея.

- Разве можно кормить инспектора дикобразами! - в ужасе воскликнула Мэри.

- Милая Мэри, - сказал я. - Вы просто не сообщайте ему, что он кушает дикобраза. Вы ему скажите, что это мясо антилопы. Оно будет так искусно приготовлено, что наш окружной инспектор, со своим тонким вкусом, просто ничего не разберет.

Мартин внимательно просмотрел свои записи.

- Хорошо, - заключил он. - А что у нас будет на второе и на третье?

- Я настоятельно прошу вас не повторять без конца это вульгарное выражение, - сказал Робин. - Это напоминает мне убогое детство в Уортинге, где я имел несчастье родиться. Вы хотели спросить, какие еще два блюда намечаются в нашем меню?

- Но он же так и сказал, - вмешалась Мэри. - Я вас очень прошу не придирайтесь к нему все время. Мы пришли сюда, чтобы помочь Мартину.

Робин торжественно поднял свой стакан, глядя на Мэри.

- Святая Мария, я вам предан по многим причинам, а главным образом потому, что я надеюсь, до того как судьба нас разлучит, заполнить кое-какие глубокие пробелы в вашем воспитании.

- Нет, вы, мужчины, поразительно неотесаны! - сердито сказала Мэри. - Я думаю, нам нужно всем вместе решить, что еще мы подадим на стол, а вы глупостями занимаетесь.

- А может, ничего и придумывать больше не стоит, - сказал Макгрейд. Предположим, что он тихо скончается после этой копченой ежатины, так что можно не ломать голову над остальными блюдами? А?

- Нет-нет! - поспешил возразить Мартин, который принял его слова всерьез. - Надо непременно приготовить еще что-нибудь.

- Тризна - вот что нам нужно, - сказал Макгрейд. - Нигде не наслушаешься таких веселых скабрзностей, как на хорошей ирландской тризне.

- Ну вот что, замолчите и слушайте меня, - сказал я. - Сначала подаем копченого дикобраза. На второе предлагаю рагу с арахисом.

Раздался общий стон.

- Но мы же только это чертово рагу и едим каждый божий день, - сказал Ро-

бин. - Питаемся одним арахисом, все уже пропитались, дальше некуда.

- Нет, послушайте! - поспешил вмешаться Мартин. - За это блюдо я и привез Иисусу поварской колпак!

У всех, кто не знал историю колпака, был растерянный вид.

- Вы хотите сказать, что он умеет готовить вкусное рагу с арахисом? спросил я.

- Вот именно, - сказал Мартин. - Лучшего я не пробовал нигде и никогда.

Рагу с арахисом больше всего похоже на ирландское рагу из любого мяса, щедро залитого густым соусом из толченого арахиса, которое подается с разнообразными приправами в целой серии маленьких блюдец. Африканцы называют эти закуски "мала-мала штучка". Рагу с арахисом может быть превкусным, но может быть и тошнотворным.

- Хорошо, если Иисус приготовит хорошее рагу, Пий отлично умеет готовить "малы-малы штучки". Значит, насчет главного блюда все решено.

- А что у нас будет на сладкое? - поинтересовался Робин. Мы на минуту задумались и переглянулись.

- Ничего не поделаешь, - огорченно заявила Мэри. - Придется пустить в ход наше дежурное блюдо.

- Знаю, - сказал Макгрейд. - Салат из флюктов.

Это было неизменное блюдо нашего небогатого меню, а называлось оно так потому, что африканцам трудно произносить подряд "ф" и "р" и они говорят "флюкты".

- Да, пожалуй, ничего другого не остается, - уныло согласился Робин.

- Сейчас как раз есть несколько видов прекрасных фруктов, - возвестила Мэри. - Надеюсь, мы приготовим очень вкусный салат.

- Прекрасно, - сказал я. - С меню мы справились.

- После обеда подадим выпивку и кофе на веранде, а потом поскорее отправим старого черта спать, - подвел итог Макгрейд.

- Но я очень прошу вас не напиваться вдрызг и не выступать с речами есть у вас такая неприятная привычка, - сказал Мартин. - Вы весь вечер можете испортить.

- Обещаю быть образцом ходячей добродетели, - сказал Макгрейд. - Вы собственными глазами увидите сияние вокруг моей головы, когда я начну перечислять все рухнувшие мосты и дороги, которые нужно ремонтировать.

- Боже вас упаси об этом заикнуться! - воскликнул Мартин. - Ведь я все утро буду ему показывать, какой образцовый порядок царит в нашем районе.

- Удивительно, - задумчиво проговорил Робин, - как это Британская империя еще не развалилась, если все англичане ведут себя вот так же по-идиотски. Ну, я пошел ужинать, а заодно велю начистить мои канделябры.

Он встал и вышел, но тут же снова возник в дверях.

- Кстати, - заметил он. - У меня нет ни белого галстука, ни фракной пары. Может, меня не пустят в приличное общество?

- Пустяки, - сказал Мартин. - Вы только приходите в пиджаке и при галстуке, все равно через пять минут всем нам станет так жарко, что пиджаки и галстуки придется снять. Самое главное - появиться в пиджаке.

"Боже ты мой, - пронеслось у меня в голове. - Мой единственный галстук покоится на дне чемодана примерно в трехстах милях от Мамфе".

С этой малостью я решил разделаться наутро.

Когда Пий принес мне, как обычно, чашку чаю - обычное утреннее подкрепление, я вытурил из своей постели белку, четырех мангуст и младенца шимпанзе - они, наверное, считали, что я согреваю их в своей постели из чистой любви, а я просто боялся, как бы они не простудились, - и попросил Пия сходить на рынок и купить мне галстук.

- Слушаюсь, сар, - сказал он и, распределив обязанности между своими подчиненными, гордо отбыл на рынок. Вернулся он довольно скоро и принес галстук такой немислимой, бредовой расцветки, что я испугался, как бы окружной инспектор не ослеп от этой яркости.

Но Пий уверил меня, что это самый скромный галстук, какой удалось найти, и я был вынужден поверить ему на слово.

Не стоит и говорить, что за оставшиеся два дня наши нервы порядком поистрепались. Макгрейд, всегда гордившийся вверенными ему дорогами и мостами, к своему ужасу, заметил, что на подъездной дороге к дому Мартина зияют несколько глубоких колдобин, так что ему пришлось мобилизовать всю рабочую бригаду заключенных из местной тюрьмы, которые засыпали эти ямы, а заодно посыпали гравием и всю дорогу. В результате резиденция Мартина стала похожа на небольшое, но в высшей степени элегантно загородное поместье. Я навестил своего старого приятеля, Иосифа, и уговорил его закопать лично для меня двух дикобразов, а с охотником договорился, что накануне приезда инспектора он пойдет в лес и принесет побольше разных цветов. Но Робин, перевернув вверх дном все склады Объединенной африканской компании, пришел в отчаяние: ничего стоящего там не оказалось. Баржа не могла пройти вверх по обмелевшей реке, а все деликатесы, которые Робин считал достойными высокого гостя, давно были съедены, вплоть до "неприкосновенных" запасов. Но если бы вы видели, с какой неопишуемой гордостью он объявил нам, что отыскал три небольшие баночки черной икры, оставшиеся от его предшественника! (Хотя один бог знает, как они вообще сюда попали.)

- Не знаю, что там внутри, - сказал он хмуро, разглядывая баночки. Они тут лежали три года, не меньше. Может, мы все поголовно отравимся и перемрем, но как-никак это икра!

Наша умница Мэри, заметив, что в доме Мартина нет ни одной вазы для цветов, пошла на рынок и купила пять довольно изысканных тыквенных сосудов калебас. Она же придумала пятнадцать разных способов приготовления суфле с помощью Иисуса, но они на деле оказались совершенно неприемлемыми и были безжалостно отвергнуты.

Так как мой Пий почти все время пропадал в доме Мартина, я почувствовал уверенность в том, что он справится с делом.

Вечером накануне приезда инспектора мы снова собрались на военный совет, чтобы подвести итог своей многообразной деятельности. Все на первый взгляд оказалось в полнейшем порядке. Дикобразы отменно прокоптились и издавали чудесный аромат, хотя их еще не подогрели к столу. Мой верный друг охотник притащил из лесу громадную охалку орхидей и прочих растений, которую Мэри держала у себя в туалете - самом прохладном месте своего дома. Мы открыли на пробу одну баночку икры и с удивлением убедились, что она вполне съедобна, вдобавок Робин где-то откопал пачку хрустящих мелких галет. Мы решили подать галеты с икрой к напиткам перед обедом,

добавив еще арахиса. Великолепные медные канделябры Робина, начищенные до немыслимого блеска, выглядели настолько элегантно, что могли стать украшением самого изысканного стола. Я бы от таких не отказался. А свечей у него хватило бы, как мудро заметил Макгрейд, на праздничную иллюминацию в Ватикане.

Мы не жалели сил на приготовления, и не только потому, что любили Мартина, - мы радовались, как дети перед новогодней елкой. Я был единственным человеком, которого жизнь баловала интересными и неожиданными впечатлениями, ведь никогда не знаешь, какие сюрпризы преподнесут выловленные в лесу звери, остальные же члены общества влачили, на мой взгляд, однообразное и унылое существование в самом что ни на есть неприятном климате на Земле. Так что, хотя мы для виду и досадовали на предстоящий визит начальства, и осыпали его проклятиями, в душе каждый радовался этому развлечению. Конечно, это не касается Мартина - он-то к наступлению торжественного дня вконец извелся от страха.

Когда же роковой день наступил, мы все, будто случайно, собрались под развесистым деревом саур-саур, откуда были отлично видны подступы к резиденции Мартина. На нервной почве мы непрерывно болтали - о повадках животных, о росте цен на мануфактуру, а Мэри даже прочла нам целую лекцию о тонкостях кулинарного искусства. При этом никто не обращал внимания на то, что говорят другие; все то и дело прислушивались, затаив дыхание, не едет ли окружной инспектор.

Наконец, к нашему глубокому облегчению, элегантный просторный лимузин лихо подкатил по аллее и остановился перед домом.

- Слава богу, чертовы колдобины выдержали! - сказал Макгрейд. Пронесло! А я-то боялся!..

Мы видели, как Мартин вышел на крыльцо, а инспектор вылез из машины. Издали он смахивал на маленького червячка, выползающего из большого черного кокона. Зато Мартин выглядел безукоризненно. Он проводил инспектора в дом, и мы облегченно перевели дух.

- Я уверена, что авокадо ему понравятся, - сказала Мэри. Представляете, я перебрала сорок три штуки и выбрала самые лучшие.

- А мои-то колдобины выдержали! - гордо заявил Макгрейд. - Никому, кроме ирландца, это дело не по плечу!

- Вот погодите, пусть он до икры доберется! - сказал Робин. - Это будет, я думаю, самый торжественный момент.

- А про моих копченых дикобразов забыли? - возмущенно вмешался я.

- А про мои букеты и вазы? - Напомнила Мэри. - Можно подумать, что вы всё сделали единолично, Робин.

- В сущности так оно и есть, - сказал Робин. - Я делал все с умом и все продумал.

Тут мы разошлись по домам: давно пора было завтракать.

До вечера мы томились бездельем. Теперь все зависело от Мартина, но за него можно было быть спокойным: без сомнения, окружной инспектор не найдет никаких недочетов во вверенном Мартину районе.

Ровно в пять часов у меня за спиной словно из-под земли появился Пий как раз в ту минуту, когда сумчатая крыса, возмущенная моими бесцеремонными попытками проверить, не беременна ли она, вцепилась мне в палец.

- Сар, - сказал Пий.

- Чего тебе? - проворчал я, высасывая кровь из укушенного большого пальца.

- Фанна готов, сар.

- Какого черта ты налил мне ванну средь бела дня? - спросил я, совершенно позабыв о торжествах по поводу приезда важного гостя.

Пий удивился:

- Вам надо быть у районного начальника в шесть часов, сар.

- Черт возьми! - сказал я. - Начисто забыл. А одежду приготовил?

- Да, сар, - ответил Пий. - Мальчонка брюки гладил. Рубашка чистая, сар. Пиджак и галстук готов, сар.

- Господи! - сказал я, пораженный внезапной мыслью. - Кажется, у меня нет ни одной пары носков!

- Я купил носки, сар, на рынке, сар, - произнес Пий. - И ботинки я чистил.

Неохотно оставив в покое крысу - я так и не выяснил, беременна она или нет, - я пошел принимать ванну и влез в нечто напоминающее брезентовый саркофаг, наполненный тепловатой водой. И хотя жара уже спала, с меня, несмотря на ванну, ручьями лился пот, разбавленный водой. Я плюхнулся в кресло, надеясь немного остыть, и стал думать о предстоящем вечере...

Одевался я очень тщательно, хотя белоснежная свежевывстиранная рубашка почти мгновенно намокла и потеряла белизну. Приобретенные Пием носки, как видно, копировали боевые цвета какого-нибудь полудикого шотландского клана и ослепительно ярким сочетанием цветов непримиримо спорили с моим новым галстуком. Пиджак я не стал надевать, а просто перекинул через плечо: поднявшись в гору к дому Мартина в пиджаке, я рисковал предстать перед окружным инспектором в виде тюленя, только что вынырнувшего из морских волн. Меня сопровождал Пий.

- Ты уверен, что все в порядке? - спросил я.

- Да-а, сар. Но у инспектора слуги - очень плохой слуги.

- Сам знаю, - сказал я. - Поэтому и поручил все тебе.

- Да, сар. Виноват, сар, Иисус стал не такой, сар. "Господи, - подумал я, - что там еще стряслось?"

- А что значит "не такой"?

- Ему хороший человек, - проникновенно сказал Пий. - Но ему - старик, и, когда надо делать важные вещи, ему сразу стал не такой.

- Трусит, что ли? - спросил я.

- Да, сар.

- Значит, ты думаешь, он сделает очень плохой обед?

- Да, сар.

- Что же нам делать?

- Я посылаю наш повар туда, сар, - сказал Пий. - Ему помогать Иисусу, и тогда Иисус будет опять такой, как надо.

- Молодец, - заметил я. - Отлично придумано. Пий просиял от гордости. Мы немного прошагали молча.

- Виноват, сар, - вдруг произнес Пий.

- Чего еще? - нетерпеливо бросил я.

- Я и нашего мальчонку послал, сар, - сказал Пий. - Их мальчонка хороший, только Амос его совсем не учил.

- Превосходно! - сказал я. - Я тебя внесу в почетный список к Новому году.

- Благодарю вас, сэр! - ответил Пий, который ничего не понял, но догадался по моему тону, что я полностью одобряю его самостоятельные действия.

Наконец мы пришли к Мартину. Пий, выраженный в свою лучшую форму, которая вместе с медными пуговицами обошлась мне неслыханно дорого, мгновенно испарился и, как видно, сразу очутился на кухне.

Дверь была открыта, а возле нее красовался мой "мальчонка".

- Пливет вам, сэр! - воскликнул он, сияя белозубой улыбкой.

- Пливет вам, Бен! - сказал я. - Ты смотри работай сегодня хорошо, а то я с тобой знаешь как разделаюсь!

- Слушаю, сэр! - ответил он, улыбаясь еще шире.

Оказалось, что, пока я неспешно принимал ванну, а затем долго облачался в одежды, совсем не подходящие для здешнего климата, гости собрались и сидели на веранде.

- Ах! - воскликнул Мартин, вскакивая и подбегая ко мне. - А я боялся, что вы уже не придете!

- Дорогой мой, - прошептал я, - я не из тех, кто бросает друзей в беде.

- Разрешите вас представить, - сказал Мартин, вводя меня на веранду, полную народа. - Мистер Фезерстоунхау, окружной инспектор.

Инспектор оказался маленьким человечком с физиономией поразительно похожей на непропеченный пирог со свининой. У него были жидковатые седеющие волосы и выцветшие голубые глазки-буравчики. Он встал со стула и пожал мне руку - рукопожатие оказалось неожиданно цепким, что трудно было предположить по его вялому виду.

- А, Даррелл! - произнес он. - Приятно познакомиться.

- Извините за опоздание, сэр.

- Пустяки, пустяки, - сказал он. - Присаживайтесь. Уверен, что наш хозяин припас что-нибудь и для вас, а Бьюглер?

- О, да, да, да, сэр, - засуетился Мартин и хлопнул в ладоши. Хоровое "Иду, сэр!" донеслось из кухни.

Я с облегчением увидел Пия, явившегося во всем своем блеске: начищенные медные пуговицы так и сверкали в свете ламп.

- Сэр? - обратился он ко мне, словно видит меня впервые в жизни.

- Виски с водой, - коротко приказал я, подражая холодному высокомерию множества белых, принятому в разговорах со слугами. Я знал, что инспектор, прибывший из Нигерии, оценит мои манеры, достойные истинного британца. Я быстро оглядел собравшихся. Мэри, округлив глаза, ловила каждое слово инспектора. Даже неоновая реклама над ее головой со словами: "Надеюсь, мой муж получит повышение по службе" - ничего не объяснила бы лучше, чем выражение ее лица. Робин метнул в меня быстрый взгляд, приподнял брови и снова впал в обычный транс, похожий на дремоту. Макгрейд, чем-то очень довольный, благосклонно улыбнулся и мне.

На длинном диване уже громоздилась кучка пиджаков и галстуков, а с реки налетал прохладный ветерок.

- Простите, сэр, - обратился я к окружному инспектору, - вы не возражаете, если я, по местным обычаям, сниму галстук и пиджак?

- Конечно, конечно, - сказал окружной инспектор. - Никаких формальностей. Я как раз говорил Бьюглеру: это все для порядка, как положено. Загляды-

ваю сюда разок-другой в год, чтобы проверить, как вы тут себя ведете. За вами глаз да глаз нужен, а?

С огромным облегчением я освободился от своего радужного галстука и от пиджака, швырнув их на диван. Пий подал мне стакан, а я и не подумал его поблагодарить. В Западной Африке почему-то считалось дурным тоном благодарить слуг за что бы то ни было - это просто не было принято. Имена им давали христианские, но звать по имени - упаси боже! Вы просто должны были крикнуть: "Бой!"

Тем временем разговор окончательно иссяк. Было ясно, что окружной инспектор - единственный, кто может себе позволить разглагольствовать, остальные не смеют и рта раскрыть. Я задумчиво потягивал виски и размышлял, что у меня общего с этим инспектором и удастся ли мне к концу вечера не впасть в полный маразм, если я вообще не помру со скуки.

- Чин-чин! - сказал инспектор, когда я поднес стакан к губам.

- За ваше здоровье, сэр, - откликнулся я.

Окружной инспектор уселся поудобнее в кресле, пристроил свой стакан на подлокотнике, обвел взглядом окружающих и, убедившись, что все ловят каждое его слово, заговорил.

- Я как раз говорил перед вашим приходом, Даррелл, - лучше, конечно, поздно, чем никогда, а? - что я весьма доволен образцовым порядком, который навел тут Бьюглер. Сами понимаете, нам, старым служакам, приходится иногда налетать врасплох - надо же убедиться, что во всех районах все в порядке.

Тут он в высшей степени непривлекательно хихикнул и шумно отхлебнул из стакана.

- Спасибо вам за такие добрые слова, - сказал Мартин.

Тут он поймал полный страдания, умоляющий взгляд Мэри и поспешно добавил:

- Конечно, я ничего не смог бы добиться без помощи своего замечательного помощника.

- Не скромничайте, Бьюглер! - сказал инспектор. - Все знают, что помощь может стать и помехой, смотря какой помощник.

- О, я вас уверяю, что Стендиш - просто чудесный помощник! - заверил его Мартин, по привычке размахивая руками, и перевернул большую миску с жареным арахисом на колени инспектору.

- Виноват, сэр! - хором закричали Пий, Амос и оба мальчугана, которые стояли в тени у стен, готовые в любую секунду выполнить распоряжение. Они всем скопом налетели на инспектора и, приговаривая "Виноват, сэр", "Виноват, сэр", счистили жирную ореховую массу с его брюк обратно в миску и унесли на кухню.

- Я ужасно, ужасно виноват, сэр, простите! - сказал Мартин.

- Ничего, ничего, вы же не нарочно, - ответил инспектор, созерцая жирные пятна на своих чистых брюках. - Со всяким могло случиться. Но должен заметить, что с вами это случается как-то особенно часто, а? Где это я вас навещал в последний раз?

- Да, я до сих пор опомниться не могу, - поспешно прервал его Мартин. Но это было чистейшее недоразумение, уверяю вас, сэр. Здесь уборная работает нормально.

Макгрейд, Робин и Мэри тщетно пытались понять этот загадочный разго-

вор.

- Так вот, как я уже сказал, - продолжал инспектор, поглядывая на свои запятнанные брюки, - Бьюглер отлично справляется с работой.

Он помолчал и выпил еще глоток.

- Разумеется, - добавил он, наклонившись вперед и кивнув Мэри с елеинной улыбочкой, - вы с мужем помогли ему навести тут отменный порядок. Дороги и мосты в отличном состоянии, не подкопаешься. - И он взглянул на Макгрейда.

- Премного благодарен, сэр, - произнес Макгрейд с притворным смирением.

- И хотя, насколько я знаю, - продолжал окружной инспектор, обращаясь к Робину, - ваша торговая компания нам не подчинена, вам удалось раздобыть эту прекрасную икру. Подобные вещи в такой глуши, как Мамфе, почти чудо.

Робин слегка поклонился.

- Я глубоко признателен за то, что вы оценили мои усилия, - сказал он, - ведь икру, как известно, получают только от девственной самки осетра, которая не нерестилась.

- Короче говоря, здесь все в полном блеске, - сказал окружной инспектор. - Признаться, эта поездка - одна из самых удачных за все время моей службы, только не разболтайте, а то кое-кто может и разобидеться. Ха-ха!

Мы несколько принужденно засмеялись, вторя его смеху. Я внимательно следил за уровнем джина в стакане инспектора, заранее договорившись с Пием о дальнейших действиях. Мне было ясно с самого начала, что, если подобная беседа затянется до бесконечности, мы просто взбесимся. Поэтому в ту секунду, как инспектор до дна осушил свой стакан, явился весь в сияющих пуговицах Пий и обратился к Мартину:

- Иисус говорит, обед готов, сар!

- А, обед, - подхватил окружной инспектор, похлопывая себя по животу, как раз то, что всем нам нужно, не правда ли, моя милашка? - И он бросил на Мэри довольно-таки игривый взгляд.

- Да-да, - сказала Мэри, вспыхивая от смущения, - по-моему, еда - это ужасно важная вещь, особенно в тропическом климате.

- Собственно говоря, - сказал Робин, когда все встали и двинулись в столовую, - у меня такое впечатление, чисто биологическое, что еда важна в любом климате.

К счастью, окружной инспектор не расслышал это замечание.

Мартин вцепился мне в плечо и произнес трагическим шепотом:

- А как их рассаживать?

- Посадите Мэри на один конец стола, а окружного инспектора - на другой.

- А, понял, - сказал он. - Я приготовил один славный сюрприз.

- О, боже, - сказал я. - Что вы натворили на этот раз?

- Да ничего, не бойтесь, - сказал он. - Все в полном порядке. Но вы так старались мне помочь, что мне захотелось тоже как-то себя проявить. Я задействовал панку, сынишка Амоса будет за стенкой дергать веревку, и в комнате повет свежий ветерок.

- Мы явно благотворно на вас влияем, Мартин, - заметил я. - Дайте время - и вы у нас станете заправским светским львом! А теперь действуйте поглядите, все ли расселись как положено. При условии, что Мэри и окружной инспектор будут сидеть на противоположных концах стола, с остальными можете не це-

ремонтиться - пусть сядут так, чтобы казалось, что у нас многолюдное собрание.

Столовая, должен признаться, выглядела просто великолепно. Стол и стулья сияли, как свежеччищенные каштаны. Три канделябра были расставлены по центральной линии стола, а четвертый водружен на массивный сервант. Пий знал свое дело. Столовое серебро и фарфор отражали яркие огоньки свечей. Если уж это не поразит окружного инспектора, подумалось мне, то, значит, его вообще ничем не удивишь. Все уселись, и Пий, чьей нестигаемой воле подчинялись Амос и мальчонка Мартина, разнес заранее выбранные напитки.

- Ей-богу, - сказал окружной инспектор, глядя на блеск канделябров, отполированный стол и тихонько покачивающуюся панку, - вам тут неплохо живется, Бьюглер, а? Прямо Дом правительства, да и только!

- Что вы, что вы, сэр! - поспешил прервать его Мартин, испугавшись, что окружной инспектор заподозрит его в расточительстве. - Мы же не всегда устраиваем такие приемы. Едим, так сказать, на ходу, что бог пошлет, должен признаться. Но сегодня, как мы полагаем, случай совершенно особый.

- Вы правы, - сказал инспектор. - Я вас прекрасно понял.

Пий, с величием и торжественностью метрдотеля первоклассного лондонского ресторана, разнес дикобразье мясо - небольшие кубики на хрустящих ломтиках поджаренного хлеба.

- Боже мой! - сказал инспектор. - А это что такое?

Мартин к тому времени настолько изнервничался, что едва не выпалил: "Дикобраз", но тут Мэри пропела своим мелодичным, ласковым голоском:

- А вы попробуйте и угадайте. Это сюрприз.

Дикобраз оказался вкуснейшим, как я и предполагал. Окружной инспектор уплетал его не спеша, смакуя понемногу.

- Ага, - сказал он, проглотив последний кусок, - вы меня не проведете! Оленина - угадал?

Мартин вздохнул так, словно с его плеч гора свалилась, и этим едва не выдал нашу общую тайну. Но тут Мэри снова пришла нам на помощь.

- Какой же вы проникательный! - прощепетала она. - Мы думали, вы не догадаетесь: ведь мясо прокоптили и приготовили по особому рецепту.

- Ну, меня-то на этом не поймаете! - сказал инспектор, приосанясь. - Не забывайте, что и я когда-то был простым помощником районного начальника и жил в лесах простой, суровой жизнью. Чего мы только не ели! А мясо здешних антилоп ни с чем не спутаешь. Должен признаться, однако, что закоптили его мастерски.

- Нам иногда удается попробовать оленинки, - сказал я. - Мартин сумел найти одного человека, который умеет отлично коптить мясо по особому рецепту. В тех редких случаях, когда Мартину удастся раздобыть мясо антилопы, он по доброте душевной старается со всеми поделиться лакомством.

Пока велась эта несколько рискованная беседа, перед Мэри выросло громадное блюдо с арахисовым рагу, а вдоль всего длинного полированного стола - не менее двадцати блюдец с "малы-малы штучками", то есть приправами. Все вместе выглядело поистине роскошно.

- Простите, сэр, но мы никак не могли придумать ничего лучше, чем рагу с арахисом, - сказал Мартин, у которого была привычка заранее безо всякой причины извиняться, давая своему противнику повод для придирок. - Но мой

повар обычно готовит это блюдо ужасно вкусно.

- Это блюдо опасно тем, что всегда поневоле съешь лишку, - сказал инспектор. - Но откровенно признаюсь, я считаю его очень полезной, питательной пищей.

Мэри раскладывала по тарелкам арахисовое рагу с рисом, а Пий и Амос торжественно разносили и подавали их нам. Затем началась серия сложных перемещений, похожих на шахматную игру, - все передавали друг другу "малы-малы штучки".

Инспектору наложили полную тарелку. Он добавил сверху еще три или четыре розовых ломтика папайи и одобрительно посмотрел на свою тарелку.

- Загляденье! - сказал он. - Восхитительное зрелище!

Мартин стал понемногу успокаиваться. Он знал, что мой повар помогает Иисусу и что рагу, по всей вероятности, отлично приготовлено.

Мэри, безукоризненно исполняющая роль хозяйки, поглядела на инспектора, который в ответ чопорно наклонил голову, и первая погрузила ложку и вилку в арахисовое рагу. Районный инспектор последовал ее примеру, за ним и все мы, вооружившись своими приборами, принялись за еду. Панка, негромко поскрипывая, колыхалась над нашими головами, обвевая нас тепловатым ветерком.

- Никогда еще не едал такого вкусного арахисового рагу! - сказал инспектор, проглотив солидную порцию.

Мартин, сидевший напротив меня, просиял.

- Мартин у нас замечательный организатор, - сказал Макгрейд.

- Замечательный, - откликнулся Робин. - Полностью с вами согласен. Боюсь, что на этот раз я его немного подвел.

- Подвели? - удивился инспектор. - Как это подвели?

- Ну, мы могли бы приготовить для вас более шикарное угощение, - сказал Робин. - Но река, к несчастью, здорово обмелела, и лодка с припасами сюда не пробилась. Так что бедняга Мартин при сложившихся обстоятельствах сделал все, что было в его силах.

- Да, - поддержала его Мэри. - Нам хотелось бы угостить вас на славу!

- Ерунда, ерунда, - отмахнулся инспектор. - Это превкусно!

Мартин весь засветился и окончательно успокоился.

- Да, кстати, - сказал инспектор, - насколько я понял, вы отлавливаете животных, Даррелл?

- Да, сэр, - ответил я.

- Но здесь-то, я уверен, вам нечем поживиться? - спросил он. - Когда я в бытность свою помощником районного начальника бродил по лесам, я ни разу не видел ни одной живой твари.

Тем временем Пий, бесшумно двигаясь среди гостей, успел ловко снять со спинки кресла, на котором сидел инспектор, геккона и громадного богомола.

- Уверяю вас, живности тут хватает, надо только знать, где ее искать, сказал я. - Да вот я только вчера поймал в саду у Мартина, в уголке, чрезвычайно редкий экземпляр. Животных тут множество, если поискать хорошенько.

- Поразительно! - сказал инспектор, отправляя в рот полную ложку арахисового рагу. - Я бы ни за что не поверил, что совсем рядом с цивилизованным миром еще водится какая-то живность.

В это мгновение раздался ужасный треск, словно кто-то переломил позво-

ночник киту, и с шумом, подобным тому, какой издают миллионы сухих листьев, взметенные ураганом, панка со всеми своими пальмовыми листьями рухнула на стол, накрыв одним крылом окружного инспектора.

На наше счастье, при падении панки погасли свечи, значит, пожара можно было не опасаться, зато в ее многослойном веере, похожем на балетную пачку, оказалось множество интересных представителей местной фауны, мирно живущих под боком у "цивилизации".

Катастрофа парализовала всех присутствующих.

- Боже! Боже мой! - первая закричала Мэри, вскакивая на ноги. Она опрокинула свой джин с тоником, от ее обычной безмятежности и следа не осталось.

- Почему вы не дали мне проверить эту чертову штуку, болван?! проревел Макгрейд.

- Да, Мартин, подчас мне кажется, что ты совершенно безнадежен, довольно сурово резюмировал Робин.

- Простите, простите великодушно, сэр, - сказал Мартин, обращаясь к погребенному под панкой инспектору. - Я ужасно, ужасно огорчен, просто слов не нахожу.

Бедный Мартин весь дрожал от потрясения.

Пальмовые листья зашуршали, и из них высунулась голова инспектора. Не успел он и рта раскрыть, чтобы слово вымолвить, как увидел огромного, величиной с чайное блюдо, неимоверно мохнатого паука шоколадного цвета, который резво бежал прямо на него по ребру панки. Тут уже вся разнообразная и счастливая колония обитателей пальмового опахала, жившая много лет в мире и покое, начала расползаться по столу. Инспектор отшвырнул свой стул и вскочил на ноги.

Я понимал, что для Мартина это величайшее бедствие, но жизнь научила меня не упускать ни малейшей возможности пополнить свою коллекцию. А панка, как мне казалось, в буквальном смысле слова осыпала меня интересными экземплярами.

- Пожалуй, вам всем лучше перейти в другую комнату, - сказал я, заметив, что геккон совершенно нового вида вылезает из-под пальмовых листьев. - А я тут сам разберусь.

Открытые участки полированной столешницы начинали с невероятной скоростью заполняться массой рассерженных жуков и иных мелких существ, и все они - даже самые безобидные - имели крайне злобный вид.

К Мэри вернулось самообладание, и она непринужденно вышла из столовой на веранду, подавая пример всем остальным. Все дружной кучкой последовали за нею.

Наши слуги, окаменев, стояли в стороне, пока мы сидели вокруг стола; было невозможно убирать остатки панки и одновременно продолжать обслуживать гостей, делая вид, будто ничего страшного не произошло. Им никогда не приходилось попадать в такой переплет, даже Пий и тот растерялся.

- Пий! - заревел я так, что он вздрогнул и пришел в себя. - Беги неси бутылки, коробки - все, куда сажать это мясо!

Всеобъемлющим термином "мясо" в Западной Африке обозначают любое живое существо, бегающее, летающее или ползающее. Пий, прихватив Амоса и двух мальчуганов, скрылся в мгновение ока.

Тем временем из панки высыпало еще множество других интересных ее

обитателей, которые словно торопились узнать, что же это стряслось с их мирным общежитием. Первой вылезла молодая и до предела разъяренная зеленая мамба, которой принадлежит слава самой смертоносной из африканских змей. Она была похожа на плетеное лассо двух футов длиной. По ее поведению было ясно: происшествие не пришлось ей по вкусу. Я попытался прижать змею вилкой, а она извернулась и шлепнулась со стола на пол. И тут я заметил, что, хотя все сбежали на веранду, оставив меня один на один со смертельной опасностью, инспектор меня не покинул. Зеленая мамба, пренеприятно извиваясь, заскользила прямо к его ногам, а он стоял, словно примерзнув к месту, и его лицо приобрело довольно редкостный голубоватый оттенок. Я вновь бросился на мамбу; на этот раз мне удалось прижать ее к полу и схватить за шею. Тут подоспел и Пий, таща из кухни горшки, коробки, бутылки и прочие емкости. Я сунул зеленую мамбу в бутылку и благополучно заткнул ее пробкой.

Инспектор не сводил с меня выпученных глаз. Надо было срочно что-то придумать, чтобы замять это несчастное происшествие и выгородить Мартина.

- Теперь вы понимаете, о чем я говорил, - заметил я с самым беззаботным видом, вынимая громадного жука из блюда, где он барахтался на спинке в арахисовом рагу, скрипя, как ржавая шестеренка, и размахивая всеми шестью лапками. - Животных кругом хватает. Сумейте только их отыскать!

Он еще с минуту молча глазел на меня.

- Да, да, понимаю, - сказал он. И добавил: - Я бы чего-нибудь выпил.

- Вы исключительно мудро поступили, сэр, оставшись на месте.

- Почему это? - подозрительно спросил он.

- Да ведь на вашем месте любой другой бросился бы бежать, а вы проявили поразительное хладнокровие. Если бы не вы, я вряд ли сумел бы изловить эту мамбу.

Окружной инспектор снова впился в меня подозрительным взглядом, но у меня на лице было самое бесхитростное выражение.

- Ха! - сказал он. - Что ж, пора пойти промочить горло, а?

- Знаете, я бы еще немного задержался - тут осталось несколько занятных экземпляров, попробую их словить, но, пожалуй, надо попросить Мартина помочь навести порядок. Если разрешите, я присоединюсь к вам через минуту, сэр.

- Конечно, о чем речь! - сказал инспектор. - Так я пришлю к вам Мартина.

Мартин появился в дверях столовой, едва держась на ногах; больше всего он мне напомнил одинокого пассажира, спасшегося после гибели "Титаника".

- Господи боже мой! - простонал он. - Такое мне и не снилось!.. Подумать только!

- Думать не надо, - сказал я решительно. - Делайте, что я скажу.

- Это куда хуже уборной!

- Нет уж, ничего хуже быть не может! - сказал я. - А теперь возьмите себя в руки и отнеситесь ко всему спокойно.

Пока шел этот разговор, мы с Пием не покладая рук собирали оставшихся обитателей панки - многочисленных гекконов, восемь древесных лягушек, до смерти перепуганную древесную сою с гнездом, полным детенышей, тройку летучих мышей, пару злющих скорпионов и несметное число жуков.

- Что же нам делать, что делать? - трагически произнес Мартин, и мне показалось, что он, того и гляди, заплачет от отчаяния.

Взглянув на Пия, я понял, что он не меньше, чем Мартин, ошеломлен ужасной катастрофой. Я же, к своему стыду, боролся только с одним желанием долго и вволю нахохотаться, но, естественно, не мог себе этого позволить.

- Ну, вот что, - сказал я Пию. - Ты идешь в дом массы Макгрейда и смотришь, где еда. Потом идешь в дом помощника начальника и смотришь, где еда. Потом идешь в наш дом - смотришь, где еда. Через час, чтобы вся еда была здесь, понял?

- Понял, сар, - сказал Пий, исчезая.

- Господи, теперь меня обязательно сошлют обратно в Умчичи! - простонал Мартин. - Вряд ли ему все это понравилось.

- Вряд ли понравилось кому-нибудь, кроме меня, - заметил я. - Мне достались хорошие экземпляры для коллекции.

- Но что же нам теперь делать? - горестно спросил Мартин, глядя на загубленное угощение.

Я усадил его на стул.

- Я велел окружному инспектору позвать вас, убедив его, что без вас никто не сумеет навести здесь порядок, - сказал я. - Пий пошел искать еду. Что он там наберет, одному богу известно, но все же у нас будет хоть что-то съедобное. А вы тем временем постарайтесь хорошенько накачать начальство джином, вот и все дела.

- Джина у меня полно, - серьезно сказал Мартин.

- Ну вот, видите! - подхватил я. - Все отлично устраивается.

- Я только никак не пойму, в чем... - начал Мартин.

- Понимать ничего не надо! Предоставьте это мне. Запомните только одно: всем должно казаться, что вы лично всем распорядились. Что вы - всеобщий спаситель.

- А, ну да, - сказал Мартин. - Теперь понял. Я кликнул Амоса и Иоанна из кухни.

- Уберите все со стола, натрите до блеска и поставьте чистую посуду.

- Да, сар, - сказали они в унисон.

- Пий пошел искать еду. Скажите Иисусу и моему повару, чтобы готовили новое рагу.

- Да, сар!

- И чтобы стол был такой же красивый, как раньше, ясно?

- Виноват, сар, - сказал Амос.

- Чего тебе? - спросил я.

- Масса выловил всех змей из-под оттуда? - спросил Амос, показывая на останки опахала.

- Да, - сказал я. - Можешь не бояться. Я выловил все мясо.

- Как вы умудряетесь все так здорово организовать, просто не понимаю, сказал Мартин.

- Слушайте внимательно! - сказал я. - Окружной инспектор уверен, что все это организовали вы. Так что, когда мы выйдем к ним, будьте добры, держитесь, как старый вояка. Надо, чтобы у окружного инспектора сложилось впечатление, что, пока я тут возился с разной насекомой мелочью, вы единолично ликвидировали все последствия катастрофы. И перестаньте вы извиняться

каждые пять минут! Мы как следует накачаем его джином, Пий позаботится о еде, а вам беспокоиться не о чем. Ваше дело - внушить инспектору, что это не катастрофа, а пустяковая накладка и вы совершенно уверены в том, что инспектор сам понимает, как все в конце концов забавно.

- Забавно? - слабым голосом повторил Мартин.

- Вот именно, - сказал я. - Вы давно служите в колониях?

- Начал в двадцать один год, - ответил Мартин.

- И до сих пор не поняли, что такие вот заносчивые болваны, как наш инспектор, буквально живут подобными историями? Да вам, может быть, эта история не только не повредит, но даже пойдет на пользу.

- Вы так думаете? - недоверчиво спросил Мартин.

- А вы сами подумайте, - сказал я. - Пойдемте на веранду.

Мы вышли на веранду и сразу увидели, что наши бравые компаньоны не сдаются. Мэри прочла гостю длинную лекцию об орхидеях и искусстве составлять букеты. Макгрейд сделал такой подробный и сложный доклад о строительстве мостов и содержании в порядке дорог, что вряд ли сам хоть что-нибудь понял. А Робин в самый подходящий момент перевел разговор на литературу и искусство, в чем окружной инспектор вообще ничего не смыслил.

Я ткнул Мартина в бок, и он встал по стойке "смирно".

- Еще раз прошу прощения, сэр, - сказал он. - Боюсь, что мой слуга не проверил крюки на потолке. Но я все... м-э-э... организовал, и через час мы сможем сесть за стол. Простите, что заставляю вас ждать.

Он опустил в кресло и стал вытирать платком вспотевшее лицо.

Инспектор окинул его изучающим взглядом и выпил до дна десятую порцию джина.

- Обычно во время моих служебных поездок никакие опакала мне на голову не падали, - ядовито заметил он.

Наступила короткая, но зловещая пауза. Я понял, что Мартин не знает, что говорить, и поспешил вмешаться.

- Должен сказать вам прямо, сэр, - большое счастье, что вы оказались среди нас.

И я обратился ко всем присутствующим:

- Вы, конечно, не успели заметить, а ведь в этом опакале затаилась зеленая мамба! Если бы не наш окружной инспектор, мне бы нипочем ее не поймать!

- Мамба! - взвизгнула Мэри.

- Да, - сказал я, - мамба, и в прескверном настроении. Но к счастью, окружной инспектор не дрогнул ни на мгновение, и нам удалось ее изловить.

- Ну, что вы, что вы, - сказал инспектор. - С моей стороны было бы нескромно брать часть заслуги на себя.

- Скромность украшает героя, - сказал я. - Я вам уже говорил, что на вашем месте любой бы сдрейфил. Как-никак, а мамба считается самой опасной змеей в Африке.

- Мамба! - повторила Мэри. - Страшно подумать! Только вообразите свернулась в клубок прямо над нашими головами и готовится к нападению! Вы оба вели себя как герои, честное слово.

- Ей-богу, она права, - подхватил Робин. - Боюсь, что я бы дал стрекача, как заяц.

- И я тоже, - прогудел Макгрейд, отличавшийся сложением борца-тяжелове-

са и абсолютным бесстрашием.

- Да, знаете, - с напускным безразличием произнес окружной инспектор, невольно оказавшийся в роли героя, - привыкаешь к разным опасностям, если полжизни проводишь в лесной глуши.

Тут он завел длинный и не совсем правдоподобный рассказ о том, как однажды чуть не подстрелил леопарда, и все мы с облегчением вздохнули, когда Пий вдруг вынырнул из полумрака и доложил, что наш второй обед готов.

Холодные тушеные бобы и консервированная лососина вряд ли заслуживают названия парадного обеда, но все же они спасли положение, и к концу обеда инспектор, изрядно упившийся джином, стал рассказывать нам совершенно неправдоподобные истории о страшных змеях, с которыми он сражался один на один.

К счастью, салат из "флюктов" оказался в стороне от эпицентра катастрофы и таким образом уцелел. Мы ели его с удовольствием, хором расхваливали Мэри, которая вложила в него всю душу, и единогласно решили, что этот салат из "флюктов" - вершина всех "флюктовых" салатов в мире.

Когда мы наконец встали из-за стола, я еще раз поблагодарил инспектора за доблесть, проявленную при поимке мамбы.

- Пустяки, дорогой мой! - сказал он, небрежно помахивая рукой. - Не стоит благодарности. Всегда готов прийти на помощь.

Наутро Мартин по-прежнему был безутешен, несмотря на наши общие старания. Он твердил, что инспектор попрощался с ним ледяным тоном и что его непременно переведут обратно в эту адскую дыру, то есть в Умчичи. Нам ничего не оставалось делать, как только написать окружному инспектору любезные письма, выражая благодарность за тот роковой обед. Я сумел вернуть в свое послание еще одну благодарность - за помощь, которую мне оказал в работе районный начальник. Я добавил, что Мартин - самый лучший, самый деловой районный начальник, какого мне пришлось встречать во время многочисленных поездок по Западной Африке.

Вскоре мне пришлось переправлять весь мой зверинец к побережью, а там грузить на пароход, отправлявшийся в Англию, и к тому времени эта история, конечно, совсем вылетела у меня из головы.

Но через полгода я получил коротенькое письмо от Мартина. Он писал:

"Вы были правы, дружище, когда говорили, что эта история пойдет мне на пользу. Окружной инспектор действительно рассказывает всем и каждому, как он лично изловил для вас эту зеленую мамбу прямо посередине обеденного стола, пока вы стояли, окаменев, как истукан, не смея и пальцем пошевелить. Поздравьте меня с повышением по службе - через недельку-другую отправляюсь в Инугу. Нет слов, чтобы всех вас поблагодарить за то, что наш парадный обед имел такой сногшибательный успех".